КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

Ниро Вулф возвышается над своими противниками подобно башне... Это необыкновенная личность, созданная воображением писателя.

New Yorker

·ВСЕ·РАССЛЕДОВАНИЯ·НИРО·ВУЛФА·

РЕКС СТАУТ

Убийство на ранчо

«ИНОСТРАНКА»

Убийство на ранчо
Рекс Тодхантер Стаут

Аннотация
Рекс Стаут. Убийство на ранчо
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15

Аннотация

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью. Арчи Гудвин проводит отпуск на ранчо своей подруги Лили Роуэн. Управляющего ранчо Лили арестовывают по подозрению в убийстве человека, который обесчестил его дочь. Гудвин пишет письмо Вулфу с просьбой об отпуске за свой счет, чтобы доказать невиновность управляющего. Однако знаменитый сыщик неожиданно появляется на ранчо и предлагает свою помощь…

Рекс Стаут
Убийство на ранчо

© А. В. Санин, перевод, 1993, 1994
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

Глава 1

По привычке я начал свое послание с инициалов «Н. В.», а закончил «А. Г.». За прошедшие годы почти все мои письменные сообщения Ниро Вулфу умещались на листках, вырванных из блокнота. По утрам Фриц относил их в его спальню на подносе, а если я возвращался поздно вечером, когда Вулф уже лежал в постели, то оставлял послание на его рабочем столе. Как и все остальные, это тоже начиналось с «Н. В.», а заканчивалось «А. Г.», хотя и было написано от руки.

Я перепечатал его на «ундервуде», который стоял на столе в углу просторной гостиной дома Лили Роуэн, расположенного в дальнем конце ее же ранчо. Письмо я запечатал в конверт авиапочты и субботним утром бросил в почтовый ящик в Тимбербурге, окружном центре. Сверху на листе бумаги была шапка «Ранчо „Бар Джей-Эр“, Лейм-Хорс, Монтана». Не столь, правда, элегантная, как бумага с вытисненным на ней нью-йоркским адресом Лили. Ниже шел текст:

Пятница, 20:13
2 августа 1968 г.

Н. В.!

Здесь творится черт знает что, и я ухитрился влипнуть по самые уши. В понедельник я не стал рассказывать подробности по телефону, поскольку телефонистка могла наябедничать шерифу или окруж-ному прокурору. К тому же телефон мисс Роуэн могут прослушивать. Сами знаете, наука не топчется на месте.

Поскольку Вы никогда ничего и никого не забываете, то должны вспомнить Харви Греве, который как-то раз, сидя у Вас в кабинете, рассказывал, что приобрел уйму всякого скота – лошадей, быков, коров и телят – для Роджера Даннинга. Кажется, я упоминал, что последние четыре года Греве служил управляющим на ранчо мисс Роуэн и все еще является или был им до тех пор, пока шесть дней назад, в прошлую субботу его не обвинили в убийстве и поместили в каталажку, то есть в окружную тюрьму, по-вашему. Кто-то застрелил парня по имени Филип Броделл, когда тот собирал чернику. Двумя выстрелами – в спину и в грудь. Кстати, я рассказывал Вам, что горная черника

отличается от обыкновенной? На сей раз, так и быть, прихвачу Вам немного на пробу.

Мы с мисс Роуэн твердо убеждены, что Харви невиновен, вот поэтому я тут и застрял. Если бы было очевидно, что убийца он, я бы, как мы и уговаривались, вернулся еще позавчера, чтобы сдувать пыль с вашего стола. Мисс Роуэн наняла адвоката из Хелены, самого известного во всем округе от Континентального водораздела до Малой Миссури, но мне кажется, что его видение дела отличается от нашего. То есть он готов защищать Харви, но в его невиновность ни на йоту не верит. А я верю и готов поставить пятьдесят против одного, что Харви тут ни при чем. Так что, сами понимаете, я впрягся в работу по самые уши. Даже не будь я обязан мисс Роуэн как ее гость и давний друг, я не мог бы бросить Харви Греве в беде, поскольку знаю его слишком давно.

Естественно, с позавчерашнего дня, 31 июля, я беру отпуск за свой счет. Надеюсь, что скоро вернусь, хотя пока не представляю, где найти достойного кандидата на

место Харви в тюрьме. Если Вам придется усадить за мой стол Сола или Орри, то все мои личные вещи хранятся наверху, в моей комнате, так что за мои тайны можете не волноваться. Качество телетрансляций здесь чудовищное, поэтому я должен непременно успеть вернуться до начала чемпионата по бейсболу. Привет Теодору, а Фрицу передайте, что по утрам я первым делом вспоминаю о нем – вернее, о его завтраках, которых мне так не хватает. Кстати, местные жители очень потешно называют оладьи – либо затычками для пасти, либо замазкой для брюха.

А. Г.

Письмо он получит, скорее всего, в понедельник. Прочитав, откинется на спинку кресла и минут десять будет испепелять мое кресло свирепым взглядом.

Бросив письмо в почтовый ящик, я пробежал глазами список покупок. Население Тимбербурга составляло всего 7463 человека, но это был самый крупный город от Хелены до Грейт-Фолса, и покупатели съезжались сюда издалека — от Фиш-

тейл-Ривер, где холмы постепенно переходят в горы, до того места на востоке, где горный хребет становится настолько плоским, что за две мили можно разглядеть койота. Обойдя четыре магазина на главной улице и два на боковых улочках, я за час приобрел все, что хотел. А именно:

— табак «Биг сикс микс» для Мела Фокса; в отсутствие Харви на Мела навалилось столько дел, что ездить за покупками времени не оставалось;

— мухобойки для Пита Инголлса, который никогда не совал ногу в стремя, не убедившись, что с луки седла не свисает мухобойка;

— ленту для «ундервуда», тюбик пасты и ремень для меня лично, так как мой любимый брючный ремень изжевал дикобраз, пока я… впрочем, это долгая история;

— лупу и карманный блокнот — для меня же.

В Нью-Йорке я никогда не хожу на дело без этих двух предметов, а сейчас я как раз вышел на дело. Возможно, они мне и не понадобятся, но привычка — вторая натура. Такая уж психология.

Напоследок я заглянул в библиотеку. К моему удивлению, книга, которую я искал, — «Кто есть кто в Америке» — оказалась в наличии. Не самая свежая, правда, но выпуск 1967 года вполне меня устроил. Статьи про Филипа Броделла я не нашел,

да теперь уже и не найду, поскольку он сыграл в ящик, а вот его отцу Эдварду Эллису Броделлу отвели целую треть столбца. Он был еще жив, поскольку неделю назад, когда приезжал сюда, чтобы собрать сведения, поднять шумиху и забрать тело сына, я обменялся с ним несколькими словами. Родился в Сент-Луисе в 1907 году, преуспел в жизни и сейчас был владельцем и издателем «Сент-Луис стар». О том, кто собирался убить его сына, «Кто есть кто» умолчал.

Сложив все покупки в большой бумажный пакет, который мне дали в придачу к мухобойкам, я, не слишком обремененный, вошел в четверть первого в кафе «Континентал», пошарил вокруг глазами, заприметил в глубине за столиком привлекательную особу в оливково-зеленой блузке и темно-зеленых слаксах и пробрался к ней.

Когда я отодвигал для себя стул, она спросила:

— Ты такой быстрый или что-то не купил?

— Все купил, — ответил я и поставил пакет на пол. — Может, я не слишком быстрый, но зато чертовски везучий. — Я кивком указал на ее коктейль: — «Карсон»?

— Нет, они его не держат. Разные марки джина сильно отличаются друг от друга. Зато у них есть гороховый суп.

Приятная новость: гороховый суп в «Континентале» был пальчики оближешь. Я заказал официантке две двойные порции супа, крекеры, молоко и кофе, потом порылся в пакете и вынул ремень с лупой, чтобы показать Лили, что по части столь нужных товаров Тимбербург ничуть не уступает Нью-Йорку.

Суп превзошел все ожидания. Когда тарелки заметно опустели и крекеры начали подходить к концу, я произнес:

— Я не только купил все, что хотел, но и откопал кое-какие факты в местной библиотеке. Оказывается, дедушку Филипа Броделла звали Эймос. Отец Филипа — член трех клубов, девичья фамилия матери Филипа была Митчелл. Представляешь, какая удача! И все благодаря «Кто есть кто».

— Поздравляю! — Лили потянулась за очередным крекером. — Надо срочно уведомить Джессапа. А что ты хотел узнать из «Кто есть кто»?

— Ничего особенного. Просто утопающий хватается за соломинку. — Я проглотил последнюю ложку супа. — Я должен тебе кое-что сказать, Лили.

— Слушаю. Что?

— Вот что. Я хороший сыщик и достаточно опытный. Но пошел уже шестой день с тех пор, как Харви предъявили обвинение в убийстве, а я так и не сдвинулся с мертвой точки. И у меня нет ни одной улики, ни одной, даже самой завалящей зацепки. Пусть я на самом деле сто́ю лишь половину того, что о себе возомнил, но мое положение крайне осложняется тем, что я здесь чужак. Для местных парней я городской пижон. Да, со мной можно поохотиться, порыбачить, сыграть партию в пинокль или потанцевать, но стоило случиться убийству, как все тут же вспомнили, что я чужак. Черт! Я здесь не в первый раз и тысячу лет знаю Мела Фокса, но даже он замкнулся и стал неразговорчивым. И все остальные тоже. И лишь потому, что я чертов чувак из Нью-Йорка! В Хелене наверняка есть частные сыщики. Может, отыщется хотя бы один приличный? Но только местный. Доусон должен знать.

Лили отставила чашку в сторону:

— Ты хочешь, чтобы я наняла местного сыщика в помощь тебе?

— Не мне. Если он чего-то стоит, то сам возьмется за дело.

— Вот как? — Ее голубые глаза взметнулись и уставились на меня. — Значит, ты умываешь

руки?

— Нет. Я только что отправил мистеру Вулфу письмо, в котором известил его, что рассчитываю вернуться к началу чемпионата по бейсболу. Сама видишь, я не сижу сложа руки, но мне очень трудно из-за того, что я чужак. Я хочу, чтобы ты спросила Доусона.

— Эскамильо, — ее глаза весело засветились, — ты что, серьезно? Ты же второй сыщик в мире после Ниро Вулфа.

— Да, но в моем собственном мире. Здесь все иначе. Взять хотя бы Доусона. Ты заплатила ему аванс десять тысяч, а как он ко мне отнесся? Ты заметила?

Она кивнула:

— Это мягкая форма ксенофобии. Ты пижон, а я пижонка.

— Ты владелица ранчо, а это совсем другое дело.

— Что ж... — Лили взяла в руки чашку, повертела ее, решила, что кофе остыл, и отставила. — Жаль, конечно, что Харви не выпустят под залог, но Мел управляется — пока. Сколько у нас времени?

— До суда месяца два-три, по словам Джессапа.

— И два месяца до начала твоего чемпионата.

Арчи, ты знаешь, как я к тебе отношусь, но я попробую рассуждать совершенно объективно. Тебе не только любой из местных сыщиков в подметки не годится, но ты к тому же прекрасно знаешь, что Харви никогда бы не стал стрелять в спину. Ни один местный этого знать не может. Включая Доусона. Я права?

— Ты почти всегда права.

— Тогда могу я попросить еще кофе? Только погорячее.

Поскольку мой стакан с молоком опустел, я заказал кофе и себе. Когда мы покончили с кофе, я расплатился и мы двинулись к выходу, лавируя в лабиринте столиков. Примерно двадцать пар глаз следили за нами и еще столько же притворялись, что не обращают на нас внимания. Убийство Филипа Броделла произвело изрядный шум в округе Монро. Хотя отношение местных жителей к заезжей городской публике оставляло желать лучшего, они тем не менее прекрасно понимали, что туристы приносят немалый доход казне штата Монтана, так что отстреливать их во время сбора черники — не самое патриотическое занятие. Поэтому во взглядах, устремленных вслед мне и Лили, особой любви не было, ведь это управляющий ее ранчо нажал на спусковой

крючок. Так, во всяком случае, здесь считали.

Перед тем как сесть за руль ждавшего нас на парковке универсала Лили, я забросил пакет с покупками назад к тем, что приобрела Лили по своему списку. Она устроилась на переднем сиденье, стараясь не прикасаться к его спинке, которая, казалось, вот-вот расплавится под безжалостными лучами августовского солнца. С моей стороны, в тени, не слишком припекало. Я дал задний ход и выехал с парковки. Одно из главных различий между мной и Лили состоит в том, что я оставляю машину на парковке так, чтобы не надо было разворачиваться, а она — как раз наоборот.

Проехав пару кварталов, я завернул на заправку «Престо». Бензобак был наполовину полон, да и бензин на ранчо обходился дешевле на девять центов за галлон, но я хотел, чтобы Лили познакомилась с неким Джилбертом Хейтом, который мог быть там. Это был долговязый парень с длинной шеей, составлявшей солидную часть его шестифутового роста. Он протирал ветровое стекло другой машины, так что Лили, пока нас заправляли, какое-то время пришлось разглядывать его вполоборота. Когда та машина отчалила, Хейт, заметив меня, после минутного колебания

подошел и сказал:

— Доброе утро.

На самом деле он произнес «добрутро», но я не собираюсь отнимать у вас время, заостряя внимание на особенностях местного диалекта.

Из вежливости я согласился с ним по поводу добрутра, хотя стрелки часов приближались к часу пополудни. Потом он добавил:

— Папаня сказал, чтобы я не разговаривал с вами.

— Да, — кивнул я, — это вполне в его стиле.

Его папаня был Морли Хейт, шериф округа.

— Он и мне посоветовал не слишком распускать язык, — сказал я, — но трудно сразу избавиться от застарелой вредной привычки, тем более что для меня это единственный способ заработать себе на хлеб насущный.

— Известно, копы.

Да, радио и телевидение явно расширили словарный диапазон граждан.

— Только не я! — отрезал я. — Вот твой папаня — тот точно коп, а я всего лишь частный сыщик. Если я спрошу, где ты был в прошлый четверг, ты можешь сказать, что нечего мне совать нос не в свое дело. А вот когда твой отец задал мне этот вопрос, я был вынужден ответить.

— Да, слышал. — Он перевел взгляд на Лили, потом снова посмотрел на меня. — Вы расспрашивали про меня. Я могу сам ответить на то, что вас интересует.

— Буду весьма признателен.

— Не убивал я этого ублюдка.

— Отлично! Именно это меня и интересовало. Теперь список подозреваемых существенно сузится.

— Для меня даже подозрения ваши оскорбительны. Вот посмотрите сами. — Хейт разошелся и даже не обращал внимания на коллегу, который закончил заливать нам бензин и теперь внимательно прислушивался. — Первая пуля, выпущенная сзади, угодила ему в плечо и развернула. Вторая попала уже спереди в горло и перебила позвоночник. Для меня это просто оскорбление. Я укладываю оленя с одного выстрела. Спросите у кого угодно. С тридцати ярдов я запросто гремучей змее башку снесу. Пусть отец и запретил с вами трепаться, но мне кажется, что это вы должны знать.

Он повернулся и зашагал к машине, которая подкатила к соседней бензоколонке.

— Ну как? — спросил я Лили, когда мы отъехали, направляясь на северо-восток.

— Я пасую, — ответила она. — Я и впрямь хотела на него посмотреть, хотя ты однажды уже говорил, что только глупец может надеяться на то, чтобы разглядеть в незнакомом человеке убийцу. Я не хочу показаться дурой и потому пасую. Но что он там наговорил насчет оскорбления?

— Он просто пытался объяснить мне, что умеет стрелять. — Я взял вправо на развилке. — Я уже слышал об этом от троих. А всякому известно, что ни в плечо, ни в шею целить не стоит, когда хочешь уложить человека наповал. Но он мог и схитрить. Рассчитать, что всем известно, какой он стрелок, и специально сбить прицел. У него было предостаточно времени, чтобы продумать это.

Добрых пару миль Лили переваривала эти сведения, потом спросила:

— А ты уверен, что он знал про Броделла? Что Броделл — отец ее ребенка.

— Черт побери, да в Лейм-Хорсе все об этом знали! И не только в Лейм-Хорсе. И все также наверняка знали, что Джил влюблен в нее. В прошлый вторник — нет, в среду — он сказал одному приятелю, что, несмотря ни на что, собирается жениться на ней.

— Вот что такое настоящая любовь! Понял?

Я ответил, что всегда это знал.

Двадцать четыре мили от Тимбербурга до Лейм-Хорса почти полностью были покрыты асфальтом, за исключением двух коротких участков: один, где дорога ныряла в глубокую лощину, а потом круто взбегала в гору, и второй, где зимой с нависающих скал сыпалось так много камней, что их не успевали убирать. И если первые несколько миль от Тимбербурга по сторонам дороги попадались деревья и кустарники, то оставшуюся часть пути — голый неровный хребет.

В Лейм-Хорсе проживало человек сто шестьдесят. Асфальтовая дорога заканчивалась напротив универмага «Вотер», переходя дальше в извилистый проселок. В универмаге нам ничего не требовалось, поскольку все необходимое купили в Тимбербурге, так что мы проехали дальше. До поворота к ранчо Лили оставалось чуть меньше трех миль, а там еще триста ярдов до коттеджа. Однако, чтобы преодолеть эти три мили, приходилось подниматься на две тысячи футов. Чтобы попасть на ранчо, надо было переехать мост через речку Берри-Крик. Совсем недалеко речка делала крутую петлю, в которой и располагался коттедж Лили. От коттеджа до самого ранчо

пешком можно добраться, перейдя либо мост, либо речушку вброд прямо напротив коттеджа, что было значительно быстрее. В августе речка настолько мелела, что в одном месте ее можно было пересечь, прыгая с камня на камень. Или для благозвучности — с валуна на валун.

Мое любимое место на земном шаре находится всего в семи минутах ходьбы от дома Ниро Вулфа на Западной Тридцать пятой улице: это Геральд-сквер, где за десять минут можно увидеть больше разных типов людей, чем где-либо еще. Однажды я даже наблюдал, как один из верховных боссов мафии перед входом в универмаг посторонился, чтобы пропустить вперед через вращающуюся дверь преподавателя воскресной школы из Айовы. Если вы спросите, как я это определил, то честно признаюсь: я видел их впервые, но выглядели они точь-в-точь как босс мафии и преподаватель воскресной школы из Айовы. Для любого другого человека, уставшего от людей и мирской суеты, любимым местом стал бы уголок ранчо, где располагался коттедж Лили. Тишину прерывало лишь журчание Берри-Крика, на которое, впрочем, уже через пару дней перестаешь обращать внимание. Вокруг ранчо росли сосны, а к северу за излучиной начинались густые

ельники, карабкавшиеся вверх по крутым скалистым склонам. Ниже по течению раскинулся живописнейший Бобровый луг, а чуть выше по течению находится скалистый утес, вершины которого не видно с этой стороны речки. Если вам взбредет в голову поразмяться и пошвырять камни в сусликов, то до дороги всего три минуты ходьбы по тропинке.

Одноэтажный коттедж сложен из обтесанных бревен. Миновав крытую террасу, вымощенную камнем, вы попадаете в гостиную размером тридцать четыре на пятьдесят два фута с огромным камином. Две двери справа ведут из гостиной в спальни — одну занимает Лили, а вторая отводится для гостей, — а дверь слева ведет в длинный коридор, вдоль которого располагаются кухня, затем комната Мими, вместительная кладовая и три гостевые комнаты. И еще шесть ванных с ваннами и душевыми кабинами. Очень милый маленький коттедж. За исключением кроватей, мебель, на которой вы сидите, плетеная. Все комнаты устланы индейскими коврами; на стенах вместо картин и фотографий развешаны индейские одеяла и циновки, причем три из них — настоящие байеты — висят в гостиной. И лишь на пианино стоит одна фотография — портрет

отца и матери Лили в рамке, — которую Лили всегда возит с собой из Нью-Йорка и обратно.

Прихватив продукты, купленные Лили в Тимбербурге, мы, чтобы сократить путь, поднялись в коттедж через дверь, открывающуюся прямо в коридор. Темноглазая красотка с остреньким подбородком, лениво развалившаяся в кресле в углу террасы на солнышке, не предложила помочь, зато приветливо помахала лапкой, когда мы вылезли из машины. Поскольку ее маечка и шорты вместе не превышали по площади трех квадратных футов, оставалось довольно много обнаженного загорелого тела, приметной частью которого были стройные длинные ножки. Оставив покупки на кухне и в кладовой, мы с Лили вернулись к универсалу. Она забрала оставшиеся вещи, а я завел машину под навес и прихватил свой бумажный пакет. Лили поднялась на террасу и передала один из свертков Диане.

Ее полное имя было Диана Кейдани. Гостем Лили мог быть кто угодно: от знавшего лучшие дни философа до знаменитого композитора, сочиняющего музыку, которую я предпочел бы никогда не слышать. Сейчас гостей было трое, включая меня, что для Лили вполне обычно. Однажды вечером, вылавливая из верхнего пруда форель на ужин,

мы с Лили обсуждали Диану. Я предположил, что ей двадцать два, а Лили набросила еще три года. Зимой она сделала себе имя, участвуя в бродвейском спектакле «Не со мной», который, по-моему, вполне мог бы идти под музыку вышеупомянутого знаменитого композитора. Лили вложила кое-какие средства в постановку и пригласила Диану в Монтану из чистого любопытства. Мне сперва показалось, что провести целый месяц в компании вопросительного знака — затея довольно рискованная, но в итоге все оказалось не так уж плохо. Правда, Диана порой бывала чересчур назойлива, оттачивая свое умение соблазнять любую подвернувшуюся поблизости особь мужского пола. А подворачивались, ясное дело, только мы с Уэйдом Уорти.

Когда я вошел в гостиную, чтобы пройти в свою комнату, Уэйд Уорти сидел за столом в углу и барабанил на «ундервуде». Уорти, как вы догадались, был еще одним гостем, причем особенным. Он работал. В течение двух лет Лили собирала всевозможные материалы о своем отце, и когда их набралось примерно с полтонны, принялась искать добровольца, готового написать книгу. Надеясь на помощь друга — редактора «Парфенон пресс», она рассчитывала, что работа должна

занять какую-то неделю. В итоге же на нее ушло почти три месяца. Из первых двадцати двух профессиональных литераторов, к которым Лили обратилась, трое писали собственные книги, четверо продумывали очередные шедевры, двое лежали в больнице, один помешался на вьетнамской теме и не соглашался обсуждать ничего другого, один баловался с ЛСД, двое были республиканцами и наотрез отказались увековечивать память известного деятеля из Таммани-Холла[1], нажившего несметное состояние на прокладке канализации и асфальтировании магистралей, один попросил год на обдумывание, трое просто отказались без особых причин, один предложил написать роман, а еще один был беспросыпно пьян.

Наконец в мае Лили и редактору удалось заловить Уэйда Уорти. Судя по словам редактора, еще три года назад имени Уорти никто не знал, потом же свет увидела созданная его пером биография Эббота Лоуренса Лоуэлла, имевшая, правда, ограниченный успех. Зато вторая его книга «Ум и сердце», биография Хейвуда Брауна, едва не попала в списки бестселлеров. Щедрый аванс,

[1] Примечания: 1

Таммани-Холл — штаб-квартира демократической партии в Нью-Йорке.

предложенный Лили, соблазнил Уорти, одновременно вызвав негодование редактора, и вот в солнечный августовский день Уэйд Уорти сидел в углу гостиной за столом, создавая третье бессмертное произведение. Название захватывало — «Полосы тигра: жизнь и деятельность Джеймса Джилмора Роуэна». Лили надеялась продать столько экземпляров, сколько бычков за все время носило клеймо «Бар Джей-Эр». Джей-Эр — это, естественно, сокращение от «Джеймс Роуэн».

У себя в комнате я вытряхнул пакет, подпоясался ремнем, отнес зубную пасту в ванную, рассовал блокнот и лупу по карманам, взял в руки оставшиеся предметы и вышел в гостиную. Передал ленту для «ундервуда» Уорти и протопал на террасу, где Лили щебетала с Дианой Кейдани. Я уведомил Лили, что возьму машину, поскольку собираюсь в Лейм-Хорс или к Фарнему, а она попросила не опаздывать к ужину. Я завел универсал, выехал по проулку на дорогу, повернул налево, потом еще раз налево, пересек мост через Берри-Крик, проехал через распахнутые ворота, которые обычно бывали закрыты, миновал корали, два сарая и барак, который Пит Инголлс называл общежитием для наемных работников, и остановился на краю пыльной гравийной пло-

щадки с растущим посередине деревом, напротив дома Харви Греве.

Глава 2

Я мог бы многое рассказать вам о ранчо «Бар Джей-Эр» — сколько в нем акров, каково поголовье скота, о попытках выращивать кормовую люцерну, о возне с изгородями, путанице с учетом и о других не менее интересных фактах, но это не имеет отношения ни к убитому парню, ни к живому Харви Греве. Ни малейшего. А вот девушка, появившаяся за сетчатой дверью, когда я вышел из машины, имела, причем самое непосредственное. Она открыла дверь, и я вошел в дом.

Мне никогда не приходилось встречать девятнадцатилетнего юношу, производившего впечатление, что он может знать что-то недоступное для моего понимания, а вот трех таких девушек я на своем веку повидал. Одной из них была Альма Греве. Не пытайте меня, в чем заключалась ее тайна — в глубоко посаженных карих глазах, которые никогда широко не раскрывались, или в изгибе губ, казалось вот-вот готовых улыбнуться, но никогда не улыбавшихся, — я не знаю. Пару лет назад я упомянул об этом Лили, на что она сказала:

— Да брось ты. Дело не в ней, а в тебе. Какой бы мужчина не встретил хорошенькую девочку, она всегда либо удивительная загадка, либо невинный ребенок, которого он хочет… воспитать. В любом случае мужчина заблуждается. Правда, для тебя загадок не существует, следовательно, ты хочешь…

Я запустил в нее кисточками для рисования.

Я спросил Альму, кто дома, и она ответила, что мама и ребенок, но оба спят, потом поинтересовалась, не мама ли заказала мне мухобойки, я ответил, что нет — они предназначены для Пита.

— Может, посидим немного и поболтаем? — предложил я.

Она запрокинула голову назад, поскольку была дюймов на девять ниже меня ростом.

— Хорошо.

Альма повернулась, и я проследовал за ней в уставленную и увешанную трофеями гостиную. Харви и его жена Кэрол в свое время были звездами родео, поэтому все стены пестрели фотографиями, на которых были запечатлены самые захватывающие мгновения соревнований. Кроме того, на стенах красовались медали, дипломы и другие награды, а на столе стоял серебряный кубок, который Харви завоевал в Калгари, с вы-

гравированным на нем именем Харви Греве. Альма приблизилась к дивану возле камина и села, скрестив ноги, а я занял стул напротив. На девушке была мини-юбка — шорты она не признавала, — но ее ноги заметно уступали ногам Дианы как по длине, так и по форме. Хотя смотреть на них тоже было вполне приятно.

— Выглядите вы хорошо, — похвалил я. — И спите, должно быть, неплохо.

Альма кивнула:

— Валяйте — укрощайте меня. Я сбросила седло.

— И закусила удила. — Я посмотрел ей в глаза. — Послушайте, Альма, я вам искренне симпатизирую. Вас все любят. Но неужели вы не понимаете, что кого-то должны осудить за убийство Филипа Броделла и, если нам не удастся совершить чуда, этим кем-то окажется ваш отец?

— Мы в Монтане, — ответила она.

— Да. В штате сокровищ. Золота и серебра.

— Отца никто не осудит. Это Монтана. Его оправдают.

— Кто вам сказал?

— Никто. Я здесь родилась.

— Но слишком поздно. Лет пятьдесят назад или чуть меньше суд присяжных в Монтане и

впрямь мог бы оправдать человека, застрелившего мужчину, который соблазнил его дочь. Но эти времена канули в Лету. Теперь этого не случится, даже если вы придете давать показания с младенцем на руках и заявите, что рады, что ваш отец убил коварного соблазнителя. Я решил, что выскажу вам все напрямик. Мне кажется, у вас есть определенные подозрения о том, кто мог убить Броделла, может быть, вам это даже известно, но вы не хотите, чтобы этого человека осудили, и к тому же рассчитываете на то, что вашего отца оправдают. Вы уже признали, что рады тому, что Броделла убили.

— Я так не говорила.

— Ерунда! Я могу воспроизвести наш разговор дословно. Вы рады, что Броделл мертв.

— Хорошо, пусть я рада.

— И вы не хотите, чтобы кого-нибудь притянули к ответу. Предположим, например, вы подозреваете, что убить его мог Джил Хейт. Джил божится, что в тот четверг весь день был в Тимбербурге. А вдруг вам известно, что это не так? Может быть, он приезжал сюда и беседовал с вами, а отсюда до того места, где застрелили Броделла, всего пара миль, и у него в машине было оружие. Вдруг вам все это известно, но вы

молчите, поскольку надеетесь на то, что вашего отца оправдают. Или на то, что всегда успеете сказать спасительную для него правду, после того как его осудят за убийство первой степени. Так вот, девочка, вам это не удастся по ряду причин, в первую очередь, потому, что тогда вам уже никто не поверит. Если же вы сейчас скажете правду мне, то я смогу начать действовать. Посмотрим, быть может, у Джила Хейта не меньше шансов на то, чтобы быть оправданным, чем у вашего отца. Местный парень, вполне благополучный, который рассчитывал жениться на вас, но не выдержал, когда мужчина, соблазнивший вас в прошлом году, снова объявился здесь. Возможно, в глазах присяжных его даже легче оправдать, чем вашего отца.

Из примыкавшей комнаты донесся какой-то звук — возможно, ребенок шевельнулся в колыбельке. Альма повернула голову и прислушалась. Потом посмотрела на меня:

— В тот день Джил сюда не приезжал.

— Я и не утверждаю, что он приезжал, а просто высказываю предположения. Есть и другие возможности. Его могли убить и по причинам, вовсе не связанным с вами. Если так, то причину следует искать в чем-то, приключившемся в прошлом

году, поскольку в этом году Броделл провел здесь всего три дня. Например, какие-то неприятности с Фарнемом. Броделл вполне мог рассказать вам про это. Когда мужчина сходится с женщиной настолько, что от него рождается ребенок, он может порассказать ей довольно много. Черт побери, да забудьте вы наконец, что вашего отца оправдают, и дайте мне хоть какую-то зацепку!

Еще чуть-чуть, и она могла бы улыбнуться.

— Да я все время только об этом и думаю. — Она сцепила руки на коленках. — Послушайте, Арчи, я уже десять раз говорила вам: я считаю, что убил его мой отец.

— А я вам десять раз повторял, что вы не должны так себя вести. Я вам не верю. Вы же не сумасшедшая, а только сумасшедшая могла прожить со своим отцом девятнадцать лет и не…

— Она не сумасшедшая, она просто дура, — произнес голос сзади нас; в проеме двери стояла Кэрол. — Моя единственная дочь, все, что у меня осталось. И надо же… Не тратьте на нее время. Я уже махнула на нее рукой. — Она повернулась к дочери. — Иди подои мула или займись еще чем-нибудь. Я хочу сама поговорить с Арчи.

Альма не шелохнулась.

— Он сказал, что хочет говорить со мной. А я во-

обще не хочу ни с кем разговаривать. Что толку?

— Ты права, никакого толку.

Кэрол села на диван на расстоянии вытянутой руки от Альмы. Одета она была довольно неопрятно: мятая рубашка, старые рабочие брюки, линялые носки… Зато лицо вполне могло принадлежать двадцатилетней пастушке, если бы не морщинки вокруг умных карих глаз, смотревших на меня.

— Похоже, вам не удалось раздобыть ничего нового, иначе вы не были бы здесь.

— Это верно. Вы встречались вчера с Харви?

— Да, — кивнула она. — Мы проговорили полчаса. Больше Морли Хейт не разрешил. Давно пора бы врезать ему по первое число. Если так пойдет и дальше, я сама этим займусь.

— Я вам помогу. Что нового сообщил Харви?

— Ничего. Все толок воду в ступе.

Я потряс головой:

— Я хочу вас кое о чем спросить. Сегодня я уже попросил Лили узнать у Доусона, есть ли в Хелене приличный частный сыщик. Местный уроженец. Возможно, ему будут говорить то, что утаивают от меня. Что вы об этом думаете?

— Забавно, — произнесла Кэрол.

— Что забавно?

— Еще двоим пришло в голову то же самое. Флоре и одной моей подруге, которую вы не знаете. И вчера я задала этот вопрос Харви. Он сказал, что в Хелене нет ни одного сыщика, которого можно было бы даже сравнить с вами. Вдобавок Доусон считает, что Броделла убил мой муж, и так же будет думать любой, к кому он обратится. Здесь все так считают, сами знаете.

— Не все. Убийца, например, так не считает. Ладно, оставим это. Вы хотели поговорить со мной.

Кэрол посмотрела на свою дочь:

— Ты стала большая, сама теперь мать. Я не могу выставить тебя силой. — Она поднялась и обратилась ко мне: — Пойдемте на улицу. Поговорим там.

Альма молча встала и вышла из комнаты. Кэрол закрыла за ней дверь, села на диван ближе ко мне и сказала:

— Возможно, вы правы насчет нее, хотя и не обязательно. Да, она должна бы знать своего отца получше, это так… Я вот тоже думала, что знаю своего, когда мне было девятнадцать. Лишь потом я поняла, что заблуждалась, когда… Черт с ним, кто старое помянет, тому глаз вон! Так вот, я хотела вам сказать, что кое-что придумала, но не

уверена, что из этого выйдет толк.

— Кто знает, все может пригодиться.

— Я имею в виду пару, которая остановилась у Билла Фарнема. Не тех, что из Денвера, а доктора с женой из Сиэтла. Кажется, вы сами говорили, что он доктор?

Я кивнул:

— Роберт С. Эймори, доктор медицины. Жену зовут Беатрис.

— Какого они возраста?

— Около сорока.

— Как она выглядит?

— Пять футов шесть дюймов, фунтов сто двадцать. С виду симпатичная. Рыжие крашеные волосы, причем краску она, похоже, с собой захватила. Пытается делать вид, что ей здесь нравится, но на самом деле приехала только ради того, чтобы составить компанию мужу, которому до смерти осточертела всякая мирская суета и который обожает ездить верхом и ловить рыбу.

— А на кого он похож? Если бы Броделл переспал с его женой, а он бы про это узнал, что бы он сделал?

— Броделлу попросту не хватило бы времени. Он пробыл здесь всего три дня.

— У меня есть один племенной бык, которому

хватило бы и одного дня.

— Да, я знаю этого быка, как вам известно. Броделл все-таки был не такой, хотя и это можно допустить. Признаюсь, мне и самому такая мысль приходила в голову и четыре дня назад я расспросил об этом Фарнема, но тот опроверг мои подозрения, хотя доказать ничего не смог. Тем не менее алиби у доктора Эймори нет, поскольку он рыбачил в одиночку. И еще: стрелок он никудышный. Я, правда, надеялся выудить что-нибудь более лакомое, например узнать, что Эймори прихватил с собой ружье на случай встречи с медведем, но Фарнем это отрицал.

— Естественно. Кто захочет, чтобы твоего постояльца притянули за убийство.

— Правильно. Я просто говорю, что он сказал. Это не значит, что я ему верю. Очень мало из того, что мне удалось выяснить за последние шесть дней, достойно доверия. Вы, например, позавчера сказали мне, что никогда не встречались с Филипом Броделлом. Я должен этому верить?

— Да, это правда.

— Прошлым летом он прожил здесь шесть недель. В каких-то четырех милях отсюда.

— Да хоть в четырехстах милях. Жаль, что не так. Билл Фарнем пускает к себе на ранчо го-

родских пижонов и с этого живет. А на нашем ранчо все вкалывают. Харви и Билл однажды поцапались, это верно. Вы сами здесь были, когда несколько наших коров и бычков нашли брешь в изгороди и удрали в лес, а один из городских пижонов Фарнема подстрелил бычка. В гости мы не ходим. Я знаю о том, что Альма познакомилась с Броделлом на танцах только потому, что она сама мне это сказала. В прошлом году она ни разу и словом о нем не обмолвилась, но если вы мне не верите, то это ваши трудности. Значит, доктора вы исключаете?

— Я никого не исключаю. Даже вас я не подозреваю только потому, что, окажись вы убийцей, нам бы это ничего не дало. Какой смысл был бы менять вас с Харви?

— Если бы стреляла я, то в плечо не попала бы, будьте уверены.

— Если бы специально так не захотели. — (Мы смотрели друг другу в глаза.) — Я ведь вас об этом не спрашивал, верно?

— О чем?

— Не вы ли застрелили его?

— Нет. Дважды нет. Вы меня не спрашивали, а я в него не стреляла. Вам, должно быть, позарез нужна жертва.

— Еще бы. Но я спрашиваю не просто так. Давайте посмотрим, согласитесь ли вы со мной по поводу трех высказываний. Первое: вы не Харви, вы — это вы, и вдобавок вы женщина, следовательно вы могли бы выстрелить мужчине в спину. Второе: стреляете вы отменно и можете попасть в то место, куда целите, с точностью до полудюйма.

— Не до полудюйма. Я попаду именно туда, куда целюсь.

— Хорошо. Теперь третье. Многие, в том числе Хейт и Джессап, утверждают, что Харви сперва выстрелил в плечо Броделлу, чтобы тот развернулся, а потом — в шею, поскольку все знали, что Харви — классный стрелок, и он специально стрелял так, чтобы подумали, будто убийца стреляет неважно. Но беда в том, что Харви просто на это не способен. Так уж устроен его мозг. Вы — другое дело. Вам бы такие мысли как раз могли прийти в голову. Вы согласны?

Уголок ее рта дернулся вверх.

— Лили… — произнесла она.

— Что Лили?

— Это она думает, что я его убила, да?

— Если и думает, то вслух не говорит. Все это сугубо между нами. Даже если бы Лили мне что-

нибудь и сказала, я всегда думаю и делаю выводы сам. Так вы согласны с моими высказываниями?

Уголок ее рта оставался приподнятым.

— Предположим, да. И что тогда? Вы сами сказали, что нет никакого смысла в том, чтобы поменять местами нас с Харви. Или вы на самом деле думаете иначе?

— Нет, конечно. Я просто хотел бы обсудить кое-какие возможности. Предположим, что убили Броделла вы, а я продолжаю действовать так, словно этого не знаю. Что тогда? Я не смогу добыть никаких улик против кого-то другого, потому что их попросту не существует. Я связан по рукам и ногам и не смогу сдвинуться с места. Если же я буду твердо знать, что убили его вы, то смогу придумать что-нибудь полезное. Я не впервые сталкиваюсь с подобными трудностями, и мне не раз случалось находить необычное решение. Так что давайте поговорим начистоту.

Кэрол прищурилась:

— Значит, по-вашему, я его убила?

— Я этого не утверждаю. Просто говорю, что это возможно. Альма уверяет, что в тот день вы обе были дома, но это ничего не значит, поскольку ничего другого от нее и ожидать нельзя. Я согласен, что с вашей стороны было бы верхом нелепости

признаваться мне в содеянном, поскольку я могу вас заложить. Но это только потому, что вы меня недостаточно знаете. В Нью-Йорке есть кому за меня поручиться, здесь же таких людей нет, за исключением разве что Харви. Если вы ему скажете, что я дал вам честное слово, что никто, включая Лили, не узнает от меня о нашем разговоре, уверен, он попросит вас рассказать мне все как на духу.

— Значит, вы уверены, что я убила Броделла.

— Нет, черт побери! Но я в тупике и пытаюсь хоть за что-то ухватиться. Неужели вы не видите, в каком я положении?

— Вижу. Что ж… — Она оглянулась. — Библии у нас нет.

Она встала и подошла к углу, где висело седло, с виду почти новое.

— Знаете, что это за седло? — спросила Кэрол.

Я кивнул:

— «Квантрелл» ручной работы с серебряными заклепками и стременами. Вы выиграли его в Пендлтоне в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

— Правильно. Самый счастливый и памятный день в моей жизни. — Она положила ладонь на луку седла. — Если я убила это отродье Броделла,

то пусть мое седло сгниет и будет съедено червями, и да поможет мне Бог! — Она повернулась ко мне. — Этого достаточно?

— На большее я и не рассчитывал. — Я поднялся. — Хорошо, вы вне подозрений. Передайте Харви, что я постараюсь не обмануть его ожиданий. Табак я привез Мелу, а мухобойки Питу. Я не стану их дожидаться, потому что у меня полно дел. Вы слышали, что я сказал Альме?

— Бóльшую часть.

— Она и в самом деле была здесь с вами в тот день? Весь день?

— Да, я вам уже говорила.

— А младший Хейт здесь не был?

— Нет, я вам и это уже говорила.

Я двинулся к двери, но в последнее мгновение обернулся:

— А положа руку на седло?

— Все равно: да и нет, — ответила Клэр.

Глава 3

Если вам покажется, что следующие три часа я провел не самым лучшим образом, значит я плохо обрисовал вам всю серьезность положения. А отправился я, между прочим, не куда-либо, а взглянуть на место преступления.

Дорога, ведущая из Лейм-Хорса, не заканчивалась у ранчо «Бар Джей-Эр», а тянулась вперед и вверх еще добрые три мили, пока не утыкалась в Фиштейл-Ривер, а там справа и находилось принадлежащее Биллу Фарнему ранчо. Не слишком большое, но прекрасно обставленное, если, конечно, не сравнивать его с коттеджем Лили. Одновременно на ранчо могли проживать не более шести постояльцев. За несколько дней до гибели Броделла один парень из Спокана сломал руку и отбыл домой, поэтому сейчас на ранчо оставалось всего четверо: доктор Эймори с женой и еще одна супружеская пара из Денвера. Мистер Фарнем не был женат, поэтому помогали ему обслуживать гостей кухарка, горничная и пара работников ранчо — Берт Маги и Сэм Пикок. Коттеджей на ранчо не возводили, так что жили

все в одном бревенчатом доме с пристройками на краях и посередине, общей площадью с пол-акра. Сарай и корали находились поодаль от речки, за небольшой сосновой рощей.

Остановив машину под двумя раскидистыми елями, я вылез. Ни у реки, ни у дома не было ни души. Подойдя к террасе, я позвал:

— Есть кто дома?

Женский голос сказал, чтобы я заходил, и я послушался. Комната, в которую я вошел, была раза в два меньше гостиной Лили, а посередине на ковре лежала рыжеволосая женщина, подложив под голову и спину несколько подушек. Когда я приблизился, она отложила в сторону журнал, зевнула и сказала:

— Я узнала вас по голосу.

Я остановился шагах в четырех от нее и вежливо осведомился, не потревожил ли ее сон. Она ответила, что нет, пояснив, что спит по ночам, а потом добавила:

— Пожалуйста, не обращайте на меня внимания. Опускать юбку мне лень, а брюки я терпеть не могу. — Она вновь сладко зевнула. — Если вы пришли не ко мне, то вам не повезло. Остальные еще на рассвете переправились через речку, чтобы поохотиться в горах на лося, и я не знаю,

когда они вернутся. А вы до сих пор… вы все еще пытаетесь вызволить своего друга из тюрьмы?

— Надо же хоть чем-то заняться.

— Может быть, мне опустить юбку?

— Нет, не стоит.

— Но если вы вдруг пришли ко мне, то я вас слушаю.

Я улыбнулся, чтобы показать свое расположение:

— На самом деле, миссис Эймори, я пришел вовсе не к кому-либо определенному. Я хотел только сказать Биллу, что оставлю машину здесь, пока прогуляюсь на Тетеревиную гряду. Если он придет до моего возвращения, передайте это ему, ладно?

— Конечно. Только он не вернется так рано. — Она смахнула с виска прядь рыжих волос. — Там ведь убили Броделла, да?

Я ответил, что да, и двинулся к двери, но на голос миссис Эймори обернулся.

— Я здесь единственная, кто вас поддерживает. Остальные уверены, что этот… как его зовут…

— Греве. Харви Греве.

— Да, — кивнула она. — Они уверены, что он убил Броделла. Я же сразу поняла, что вы человек умный и знаете, что делаете. Поэтому хочу поже-

лать вам удачи.

Я поблагодарил ее и вышел. Я знал Тетеревиную гряду, потому что лучшего места для сбора черники было просто не сыскать. Мы частенько ходили туда с Лили иногда за черникой, а иногда для того, чтобы поохотиться на тетеревов. Откормленные отборной черникой тетерева не уступали по вкусу тому, что готовил сам Фриц. Правда, отстреливать тетеревов было запрещено, поэтому мы не слишком увлекались охотой, и за два дня до смерти Броделла мы с Лили, Дианой Кейдани и Уэйдом Уорти собирали на гряде ягоды, а не охотились.

Конечно, я мог добраться туда и от ранчо Лили, но это было дольше, да и часть пути пролегала по труднопреодолимой местности. От ранчо же Фарнема до гряды было рукой подать, около мили. Мне предстояло обогнуть сарай и корали, спуститься по пологому склону, поросшему елями, пробраться через усыпанную обломками скал ложбину и затем вскарабкаться на гряду по косогору, густо поросшему юккой. Заросли юкки, иссушенной безжалостно палящим августовским солнцем, доставили немало хлопот, норовя заплести мне ноги. Преодолев их и не дойдя ярдов пятидесяти до гребня, я взял левее и зашагал

вдоль гряды, высматривая какие-нибудь следы, которые подсказали бы мне, где убили Броделла. Следопыт из меня неважный, но место, где целая орда полицейских осматривала труп, без особого труда должен был опознать даже самый неопытный горожанин. Первое, что я увидел и что могло с таким же успехом встретиться мне на Геральдсквер, была кровь. Бурое пятно я разглядел на поверхности валуна, а потом заметил и узкую полоску, тянувшуюся от него вниз по склону. За валуном росли кусты черники — там, стало быть, и стоял бедолага, когда его подстрелили.

Теперь, увидев кровь, я разглядел и другие признаки, которые местному жителю бросились бы в глаза в первую очередь: сломанные веточки, сдвинутые валуны и так далее. Должно быть, следы оставили полицейские, перерывшие все вокруг в поисках пуль. Придя к такому умозаключению, я устремил взор вниз, чтобы попытаться выяснить то, что меня больше всего интересовало: где мог прятаться убийца. Вокруг на добрую сотню футов не было ничего, кроме кустов черники, небольших валунов и мелкого разнотравья, дальше же виднелись густые кустарники и деревья. Так что на сорок ярдов подобраться к жертве легко мог даже житель Нью-Йорка, не говоря уже

о местных уроженцах, которые выслеживали оленей и лосей. Правда, для пистолета сорок ярдов — далековато, поэтому стреляли, видимо, из ружья. Между прочим, в Монтане не принято ходить в горы с ружьем в разгар лета, так как охота на всех четвероногих, кроме разве что койота, запрещена. А кто станет карабкаться на Тетеревиную гряду в поисках койотов?

Набрав пригоршню черники, я присел на ближайший камень подумать. Признаться, только полный осел мог надеяться на то, что на месте преступления его осенит гениальная догадка. Так не случилось, да и не должно было. Увы, чтение следов на природе и прочие ковбойские штучки были явно не для меня. Три часа я ухлопал впустую. Заметив неподалеку бурундука, юркнувшего под переплетенные стебли ястребинки, я подобрал камешек размером с мячик для гольфа, дождался, пока зверек выберется на ровное место, швырнул в него камешек и, ясное дело, промахнулся. Возле коттеджа Лили бурундуки так и кишели. Я забавлялся тем, что иногда подкармливал их.

Не в лучшем расположении духа я вернулся на ранчо Фарнема, как ни странно, даже не сломав по дороге ногу. Как и следовало ожидать, никто

из охотников до сих пор так и не появился. Лишь в половине шестого я возвратился в коттедж, а в шесть у нас обычно был ужин.

К ужину одеваться было не принято, но я с дороги взмок, поэтому принял душ и нацепил на себя свежую рубашку и коричневые слаксы. Когда я причесывался, в дверь постучали. Я открыл. Лили была в прежнем зеленом костюмчике. Заметив, что я переоделся, она спросила:

— Ты кого-нибудь пригласил?

Я рассказал, куда отлучался, объяснив, что окровавленный валун расположен ярдах в двухстах к северу от того места, где я как-то раз на глазах у Лили голыми руками поймал сидевшую на ветке дикушу. Еще я пересказал свои беседы с Альмой и Кэрол.

— Не знаю, как ты, но я поверил Кэрол, — закончил я. — Она не убивала. Побожись она на Библии, я бы еще подумал, но она поклялась на седле, и это решило дело.

— Значит, так тому и быть, — согласилась Лили. — Как-то раз я попросила у нее это седло, чтобы посмотреть, как оно выглядит на Кэт, но Кэрол отказала. Ты прав. Она бы тебе призналась, если бы убила этого парня. Только не возомни теперь, что лучше разбираешься в женщинах,

чем я.

Не подумайте, что Лили хотела примерить седло на горную рысь или на пуму. Кэт она окрестила свою пегую кобылу за прыть, с которой та три года назад перемахнула через овражек, когда Лили впервые села на нее верхом.

Завтракали и обедали мы всегда на кухне, за столом у большого окна, иногда там и ужинали, но обычно ужинали на крытой террасе, выходящей на речку. Поскольку из Нью-Йорка Лили прихватила с собой только Мими, отказавшись от помощи местной прислуги, на стол накрывали мы сами. В тот вечер в меню входило: филе-миньон, запеченная картошка, шпинат и малиновый шербет, причем все, кроме картофеля, хранилось в огромном морозильнике. Филе-миньон, упакованное в сухой лед, нам доставляли экспрессом из Чикаго. Вам, конечно, должно показаться, что Лили, обладавшая тысячным поголовьем скота, могла придумать более дешевый способ приготовления мясных блюд, но, сделав несколько попыток, она в конце концов от них отказалась.

За столом на террасе Лили всегда садилась лицом к речушке, протекавшей буквально в дюжине шагов от края террасы. Уэйд Уорти занимал

место слева от Лили, я располагался справа, а Диана Кейдани — напротив.

— Сегодня мне пришла в голову ужасная мысль, — взяв в руку нож, сказала Диана. — Совершенно ужасная.

Было очевидно, что она пыталась завязать разговор. Уэйд Уорти подыграл ей. Я еще не решил, что собой представляет Уэйд. На его гладком щекастом лице с широким носом и квадратным подбородком возникали самые неожиданные ухмылки, которые не всегда было легко разгадать. Дружелюбная ухмылка вполне к нему располагала, хотя при этом он мог ляпнуть какую-нибудь колкость. Язвительная ухмылка могла сопровождать изящный комплимент. В ответ на реплику Дианы Уэйд просто вежливо улыбнулся:

— Вы, как и любой другой человек, не лучший судья для собственных мыслей. Расскажите нам, и уж мы решим, как квалифицировать ваши мысли.

— Если бы я не собиралась вам рассказать, то не стала бы и упоминать это, — ответила Диана, подцепила на вилку кусок мяса и отправила в рот; она часто поступала так и разговаривала, пережевывая пищу. — Дело вот в чем. Если бы не убили этого Броделла, Арчи сейчас не сидел бы

с нами. Он уехал бы еще три дня назад. Значит, убийца подыграл нам. Можете не квалифицировать эту мысль. Она, безусловно, ужасная.

— Мы отблагодарим убийцу, когда узнаем, кто он, — сказала Лили.

Диана проглотила мясо и откусила кусок картофелины.

— Я вовсе не шучу, — заметила она. — Мысль, конечно, жуткая, но она натолкнула меня на задумку написать пьесу. Пьесу о женщине, которая совершает ужасные поступки: без конца врет, ворует, шельмует, отбивает чужих мужей и может даже убить кого-нибудь. Зато всякий раз ее дурной поступок оборачивается добром для кого-то другого. Кого-то она жестоко мучает, но очень многим помогает, причем не щадя себя и ничего не жалея. То есть добро очень явно перевешивает. Я еще не решила, каков будет финал, пусть его придумает драматург, но убеждена, что роль вышла бы просто потрясающей. Любая актриса мечтала бы сыграть такую. Я уже мечтаю. — Покончив с картофелиной, Диана отправила в рот кусочек мяса и обратилась к Уорти: — Вы ведь писатель, Уэйд. Почему бы вам не написать эту пьесу?

Уорти потряс головой:

— Я недостаточно хорош для такой пьесы. Предложите свою идею Олби или Теннеси Уильямсу. Что касается того, что убийца подыграл нам, я не совсем с вами согласен. За всю неделю мы почти не видели Арчи. — Он посмотрел на меня с дружелюбной ухмылкой. — Как у вас дела?

— Прекрасно, — ответил я, глотая пищу. — Мне осталось только добиться признания. Диана обрывала чернику с самого богатого куста, а Броделл незаметно подкрался сзади, оттолкнул ее и накинулся на чернику сам. Тогда Диана и подстрелила его. К счастью…

— Из чего? — спросила Диана.

— Не перебивайте. К счастью, рядом оказался Уэйд, охотившийся на сусликов, который и произвел первый выстрел в плечо. А вы потом попросили у него ружье и добили Броделла.

Уэйд ткнул в мою сторону ножом:

— Вам придется доказать это! Мы просто так не сдадимся.

— Хорошо. Знаете вы, что такое врожденная личная радиация?

— Нет.

— А знаете вы хотя бы, что уровень радиации у каждого человека столь же индивидуален, как отпечатки пальцев?

— Вполне логично.

— Не просто логично, но высоконаучно. Просто поразительно, как некоторые сыщики ухитряются порой обходиться без достижений современной научной мысли. Так вот, сегодня я обследовал Тетеревиную гряду с новым счетчиком Гейгера, купленным по случаю распродажи на восемь центов дешевле, и он указал на вас с Дианой. Вы оба были там. Теперь мне остается только…

— Естественно, что мы были там, — подтвердила Диана с набитым ртом. — Вы сами с Лили водили нас туда. Три раза, а то и четыре!

— Докажите, — заявила Лили. — Я такого что-то не припомню.

— Что вы, Лили! Вы должны вспомнить!

Общаясь с Дианой, было очень трудно понять, то ли она валяет дурака, то ли и в самом деле такая дурочка. Когда подошло время шербета и кофе, программу вечера уже обсудили и утвердили. Как правило, вечера отводили под игру в пинокль, или под чтение книг, газет и журналов, или под телевизор, беседы и уединение, или же, особенно по субботам, под встречи с местным населением. На сегодняшний вечер Уэйд предложил сгонять партию в пинокль. Я сказал, чтобы играли без меня, поскольку мне надо ехать в

Лейм-Хорс. Остальные принялись наперебой обсуждать, не составить ли мне компанию, и решили, что не стоит. Я помог убрать со стола, вышел и сел в машину.

Теперь о сложности, с которой я столкнулся. Если я подробно расскажу обо всем, чем занимался в течение следующих четырех дней и ночей с восьми вечера в субботу до восьми вечера в среду, то вы познакомитесь с сотней людей и узнаете массу новостей из жизни округа Монро в штате Монтана, но ни на дюйм не приблизитесь к разгадке убийства Филипа Броделла. По той причине, что я и сам не приблизился. К тому же вам, как и мне, жутко надоест эта тягомотина. Поэтому приведу лишь один пример из программы субботнего вечера.

Поскольку субботним вечером большинство людей приезжает в Лейм-Хорс на машинах, а оттуда всего двадцать четыре мили до Тимбербурга, вы могли бы предположить, что все повалят в центр округа, где есть кинотеатр с обтянутыми бархатом креслами, кегельбан и другие увеселительные заведения. Ан нет! В субботний вечер целая толпа жителей Тимбербурга, человек этак сто, рванула в Лейм-Хорс. Центром притяжения служил большой, довольно старый и ветхий с

виду дом, примыкающий вплотную к универмагу «Вотер», с огромной вывеской вдоль крыши:

ДОМ КУЛЬТУРЫ ВУДРО СТЕПАНЯНА

Обыватели именовали его обычно Вуди-Холл. Вуди, которому сейчас было уже за шестьдесят, построил его лет тридцать назад на деньги, доставшиеся в наследство от отца. А отец Вуди торговал в этих местах всем, что только может прийти вам в голову, еще до того, как Монтана стала штатом. Детские годы Вуди прошли в магазинчике-фургоне, постоянно кочующем с места на место. При рождении младенца окрестили Теодором, в честь Рузвельта, а когда мальчику исполнилось десять, отец переименовал его в Вудро, уже в честь Вильсона. В 1942 году Вуди всерьез подумывал о том, чтобы взять имя Франклин, в честь другого Рузвельта, но потом решил, что хлопот не оберешься, тем более что тогда пришлось бы менять вывеску.

Итак, номером первым в программе субботнего вечера Вуди-Холла шел какой-то фильм, смотреть который мне не хотелось, поэтому, оставив машину напротив, я заглянул в «Вотер». Всякому, побывавшему в этом зале шириной и длиной футов сто, с высоченными потолками, сразу бы стало ясно, почему, кроме как для того, чтобы

отправить письмо и почитать «Кто есть кто», ехать в Тимбербург мне было незачем. Список всех товаров занял бы несколько страниц, поэтому я назову лишь сковородки, ковбойские шляпы, пятигалонные кофейники, рыболовные принадлежности, журналы и книги в мягкой обложке, оружие и боеприпасы, всевозможные бакалейные товары, пончо, седла и шпоры, сигары, сигареты и табак, охотничьи и кухонные ножи, ковбойские и резиновые сапоги, мужскую и женскую одежду, джинсы, поздравительные открытки, шариковые ручки, три стеллажа всевозможных лекарств…

По залу бродило около дюжины покупателей, а Морт Вотер, его жена Мейбл и сын Джонни хлопотали с ними. Я пришел не за покупками и не почесать язык, а для того, чтобы услышать что-нибудь полезное, поэтому, оглядевшись по сторонам, решил, что больше всего мне подходит смуглая женщина с жесткими черными волосами, разглядывавшая выставленные на прилавке туфли. Это была метиска по имени Генриетта, которая жила ниже по дороге, продавала контрабандные спиртные напитки и знала всех и вся.

Я подошел к ней и сказал:

— Привет, Генриетта! Держу пари, что вы меня

не помните.

Чуть склонив голову набок и прищурившись, она спросила:

— На сколько спорим?

— Скажем, на доллар.

— Ха! Вы мужик мисс Роуэн. Мистер Арчи Гудвин. — Она подставила мне ладонь. — С вас доллар.

— Надеюсь, что вы не имеете в виду то, что я имею в виду, а раз так, то ладно. — Я выудил из бумажника купюру и протянул ей. — Приятная неожиданность — встретить вас здесь. Я думал, что в субботу вечером у вас отбоя нет от клиентов.

Генриетта перевернула купюру, чтобы взглянуть на обратную сторону, потом спросила:

— Это что, шутка? — И разжала пальцы.

Бумажка плавно полетела и опустилась на пол.

— Вовсе не шутка. — Я подобрал с пола пятерку. — Один доллар вы уже отработали. Остальное за то, что вы ответите на пару вопросов.

— Я не люблю вопросы.

— А кто их любит. Не о вас. Вы же знаете, что мой друг Харви Греве попал в беду?

— В большую беду, — кивнула она.

— Правильно. И еще вы, должно быть, знаете, что я пытаюсь помочь ему.

— Это все знают.

— Совершенно верно. И при этом думают, что я зря стараюсь, поскольку Греве виновен. Вы встречаетесь со многими людьми и знаете все слухи. Так и в самом деле все думают?

Генриетта указала на пятидолларовую бумажку в моей руке:

— Я отвечу, и вы заплатите четыре доллара?

— Плачу вперед. Берите, потом отвечайте.

Она взяла бумажку, опять повертела ее и осмотрела с обеих сторон, потом засунула в карман юбки и сказала:

— В суд я не пойду.

— Нет, конечно. Это только дружеский треп.

— Многие говорят, что мистер Греве убил его. Но не все. Некоторые говорят, что убили вы.

— Сколько таких?

— Может, трое или четверо. Вы знаете Эмми?

Я сказал, что знаю. Так называли Эммета Лейка, погонщика скота с ранчо «Бар Джей-Эр», постоянного клиента Генриетты.

— Только не уверяйте, что он указывает на меня.

— Не он. Он говорит, что слышал такое от гостя

мистера Фарнема.

— Я знаю, но Эмми отказывается называть его. Может, вы поделитесь со мной своими мыслями?

— Моими мыслями? Ха!

Я одарил ее своей самой неотразимой улыбкой:

— Готов держать пари, что у вас очень много мыслей.

— На что?

— О, даже подумать страшно. Послушайте, Генриетта, я ведь знаю, что у вас всегда ушки на макушке. В прошлом году он провел здесь шесть недель — я имею в виду убитого. Он говорил мне, что кое-что у вас приобрел.

— Один раз он приходил с мистером Фарнемом.

— Он говорил о ком-нибудь?

— Я забыла.

— Но вы вряд ли забыли, что другие говорили о нем на этой неделе, поскольку его убили. Вот мой самый главный вопрос. Я не прошу вас называть имена. Скажите только, что о нем говорили. — Я достал из бумажника десятку и показал ей. — Это позволит мне хоть как-то помочь мистеру Греве. Скажите, что вы слышали.

Глаза Генриетты впились в бумажку, потом уставились на меня.

— Нет! — бухнула она.

И стояла на своем, как я ее ни уговаривал. Десять минут спустя я смирился с поражением и убрал десятку в бумажник. Даже предложи я ей двадцать долларов или сто, Генриетта держала бы рот на замке. Она настолько боялась вызова в суд, что даже, поклянись я на дюжине седел, что так не случится, не поверила бы мне. Я отчалил от нее и обвел взглядом остальную публику. Из полутора десятка сновавших по залу людей я не знал по имени лишь троих. Решив, что никого здесь расколоть не удастся, я двинулся в Вуди-Холл.

Снаружи он превосходил по размерам магазин «Вотер», а внутри был разделен на три части. В центральной, напротив входа, располагались стеллажи и прилавки, где была выставлена, в том числе на продажу, всякая всячина, имеющая отношение к культуре. Грампластинки, книжки в мягкой обложке, репродукции картин и рисунков, бюсты великих людей, факсимиле Декларации независимости и множество разных предметов вроде Библии на армянском языке; большинство в одном экземпляре. Редко кто по-

купал здесь что-нибудь. Вуди как-то признался Лили, что от продажи получает около двадцати долларов в неделю. Главный же доход приносили ему кинотеатр, размещавшийся в левой части здания, и платный танцевальный зал; оба были открыты только по субботам.

Когда я вошел, Вуди беседовал с тремя незнакомыми мне мужчинами и женщиной. Заметив меня, он довольно быстро покинул своих собеседников и подошел ко мне. В целом Вуди был столь же невысокого мнения о городских пижонах, как и большинство жителей Монтаны, но с Лили он дружил, а поэтому принял и меня. Он спросил, придет ли мисс Роуэн. Я ответил, что нет, она слишком устала и хочет пораньше лечь спать, но передала ему привет.

Хотя Вуди был ростом повыше, чем Альма Грев, ему тоже пришлось запрокинуть назад голову, чтобы смотреть мне в глаза. Его глаза были такие же черные, как у Генриетты, а копна седых волос напоминала верхушку горы Чейр.

— Кланяйтесь ей от моего имени, — попросил Вуди. — Скажите, что я целую ее ручки. Она просто душка. А как ваши дела? Есть успехи?

— Нет, Вуди, увы! А вы по-прежнему на нашей стороне?

— Целиком и полностью. Если мистер Греве столь трусливо убил этого человека, то я косолапый койот. Я говорил вам, что имел удовольствие познакомиться с мистером Греве, когда ему было два года. Мне же исполнилось шестнадцать. Его мать купила тогда у моего отца четыре одеяла и две дюжины носовых платков. Значит, вы ничем похвастаться пока не можете?

— Нет. А вы?

Он медленно покачал головой, поджав губы:

— Вынужден признаться, что нет. Конечно, в будни я мало с кем общаюсь. Вечером ожидается наплыв, и я постараюсь что-нибудь выведать. Вы останетесь здесь?

Я сказал, что да, добавив, что опросил уже всех, кого мог, но буду прислушиваться к разговорам.

Тут в зале появились еще два пижона и, заметив знаменитого Вуди, решительно двинулись к нам. Я подошел к стеллажам, выбрал книгу в мягкой обложке — «Греческий путь» Эдит Хэмилтон, которую упоминали и Лили, и Ниро Вулф, и присел с ней на скамью.

В 21:19 субъект в розовой рубашке, джинсах «левайс», ковбойских сапогах и с желтым шейным платком открыл дверь в танцевальный зал и установил рядом с ней столик с кассой и

коробкой входных билетов. Висевший у него на ремне устрашающего вида револьвер не был заряжен. Это я знал наверняка, поскольку Вуди всегда осматривал его лично. В 21:24 появились музыканты — скрипач, аккордеонист и саксофонист, одетые не менее живописно, чем билетер. Они уже явно успели побывать в «Вотере» или у Генриетты. Местные таланты. Фортепиано, не уступавшее, по словам Лили, ее собственному, стояло на сцене. В 21:28 появились первые посетители, а в 21:33 распахнулись двери кинозала и оттуда вывалила толпа, бóльшая часть которой устремилась за билетами на танцы. И началось веселье. В течение следующих четырех часов творилось то, ради чего сюда приезжали люди всех возрастов из Тимбербурга и даже из Флэт-Бэнка. Когда толпа перед входом в танцевальный зал рассосалась, я тоже заплатил два доллара и вошел. Оркестр играл «Horsey, Keep Your Tail Up», и пары — около пятидесяти — прыгали, извивались и откалывали лихие коленца. Сам Вуди отплясывал с Флорой Итон, могучей вдовушкой, которая служила экономкой на ранчо «Бар Джей-Эр». Приезжие горожанки неоднократно пытались заполучить Вуди на первый танец, но он неизменно выбирал женщину из местных.

Поскольку я пообещал вам ограничиться одним лишь примером, то не стану его слишком затягивать. За эти четыре часа я навидался и наслушался более чем достаточно, но, выйдя на свежий воздух в половине второго ночи, подумал, что ни на шаг не приблизился к разгадке убийства Броделла.

Вот, например, что я услышал. Девушка в вишневой блузке окликнула Сэма Пикока, одного из двоих работников с ранчо Фарнема:

— Эй, Сэм, ты бы постригся, а то выглядишь как дикобраз.

На что последовал ответ:

— Теперь еще ничего. Видела бы ты меня, когда я только на свет появился. Мою мать приходилось связывать, чтобы заставить покормить меня грудью.

Я был также свидетелем, как Джонни Вотер и Вуди выставили из зала двоих подвыпивших пижонов, которые пытались отобрать у музыканта аккордеон. Спиртное, как было заведено, танцоры принесли с собой. В баре продавали только шипучку, соки, лед, бумажные стаканчики и аспирин.

Еще я слышал, как молодящаяся женщина с пышным бюстом закричала на своего партнера:

— Вовсе они не накачанные! — И залепила ему увесистую затрещину.

Вот еще пример услышанного. Пижон в смокинге разъяснял женщине в длинном вечернем платье:

— Нет, «постельная» — это вовсе не проститутка. Это, как правило, горничная, которая застилает постели гостям.

И последнее. Один парнишка обратился к другому:

— Конечно, она не придет. У нее же маленький ребенок на руках.

И еще я видел, как около восьми дюжин людей любых мастей и возрастов при моем приближении отворачивали физиономии, внезапно умолкали или в лучшем случае удостаивали меня холодным взглядом.

Поэтому, когда я вернулся в коттедж, забрался в постель и укутался двумя одеялами — ночь выдалась довольно прохладная, — то решил, что ломать голову мне не над чем, и забылся сном младенца.

Итак, с примерами покончено, но, прежде чем перескочить к событиям вечера в среду, я должен сообщить о том, что случилось в нашем коттедже во вторник. Я только что вернулся откуда-то и си-

дел с Лили на так называемой утренней террасе, противоположной террасе у ручья, на которой мы ужинали, когда в проулке появился крытый «додж-коронет». Я уже прежде видел эту машину. Разглядев на переднем сиденье двоих мужчин, Лили сказала:

— Вот они. Я как раз собиралась тебе сообщить, что Доусон позвонил и предупредил о своем приезде. Но не объяснил зачем.

Машина остановилась, и из нее вылезли Лютер Доусон и Томас Р. Джессап. При виде этой парочки я был так поражен, что позабыл все манеры и приподнялся лишь тогда, когда адвокат защиты и окружной прокурор уже подходили к нам. Чтобы два таких лица нагрянули на ранчо, где служил Харви Греве, должно было случиться что-то из ряда вон выходящее, поэтому признаюсь, когда я заставил себя встать им навстречу, на душе у меня скребли кошки. Окружной прокурор тоже отнюдь не сиял, хотя от него нельзя ожидать особого веселья, когда, например, его дело рассыпается в пух и прах. Лили предположила, что гости хотели бы промочить горло, чтобы смыть дорожную пыль, и спросила, что им налить, но окружной прокурор с адвокатом, поблагодарив, отказались.

— Всем, должно быть, кажется странным, что мы приехали вдвоем, — сказал Доусон, — но мистеру Джессапу понадобилось кое-что узнать, и мы решили, что правильнее будет, если я сам задам вопросы в его присутствии.

— Конечно, — кивнула Лили. — Закон и порядок.

Доусон взглянул на Джессапа. Оба родились и выросли в Монтане, но по одному это было заметно, а по другому — нет. Доусон, лет под шестьдесят, в полосатой рубашке с закатанными рукавами, без галстука, в брюках хаки, был крупный и кряжистый, как гризли, тогда как окружной прокурор, выглядевший лет на двадцать моложе и облаченный в темно-серый костюм, белоснежную сорочку и бордовый галстук, был сухощавый и щуплый. Доусон посмотрел на меня, раскрыл рот, закрыл его и перевел взгляд на Лили.

— Вы, конечно, не моя клиентка, — произнес он. — Мой клиент — мистер Греве. Но вы внесли за него задаток и сказали, что заплатите за защиту. Поэтому я хочу спросить: вы собирались… э-э-э… обращались к кому-либо по поводу этого дела?

Глаза Лили немного расширились.

— Конечно.

— К кому?

— Ну… к Арчи Гудвину. К миссис Харви Греве. Мелвину Фоксу. Вудро Степаняну. Питеру Инголлсу. Эммету Лейку. Мими Деффанд. Морту…

— Извините, что перебиваю вас. Мне следовало уточнить вопрос. Обращались ли вы не к местным жителям? К кому-нибудь из Хелены?

Будь она обычной женщиной, я бы счел своим долгом вмешаться, но Лили, как мне казалось, и сама совладала бы с ситуацией. Так и вышло.

— Вы что, с Луны свалились, мистер Доусон? — в свою очередь спросила она. — Или вы никогда не подвергали перекрестному допросу свидетелей? — (Доусон смотрел на нее, выпучив глаза.) — С другой стороны, — добавила она, — адвокаты тоже люди, с теми же слабостями и дурными привычками, хотя многим это может и не понравиться. — Она повернулась ко мне. — Как ты думаешь, Арчи, какое ему дело до того, с кем я общалась?

— Ты права, — подтвердил я, — но дело не в этом. Судя по его словам, вопрос задает тебе не он сам, а Джессап. А уж Джессапу это и подавно не пристало знать, так что я еще удивлен, как у них хватило наглости явиться сюда. Не знаю, как в Монтане, но в Нью-Йорке ими бы уже за-

интересовалась коллегия адвокатов на предмет исключения из профессиональной гильдии. Подумать только: окружной прокурор спрашивает у лица, которое оплачивает адвоката защиты, с кем оно общалось. Поскольку ты просила моего совета, то вот он: я бы велел им катиться ко всем чертям.

Лили посмотрела на Доусона, потом перевела взгляд на Джессапа.

— Катитесь ко всем чертям! — с чувством сказала она.

— Вы не так меня поняли, мистер Гудвин, — затараторил Доусон.

Я смерил его взглядом:

— Послушайте, мистер Доусон, я вовсе не удивлен, что вы сели в лужу. Если бы вас не торопили, вы бы, безусловно, обставили все похитрее. Видимо, у мистера Джессапа возникли подозрения, что кто-то со стороны пытается вмешаться в дело, и ему не терпится узнать, не приложила ли к этому руку мисс Роуэн. Вам, должно быть, это тоже небезразлично. Очевидно, что вам следовало честно это ей рассказать, а уж потом спрашивать, не обращалась ли она к кому-нибудь за помощью. Не помешало бы заодно добавить слово «пожалуйста». Если такой путь вас не устраивает, то я

на вашем месте поискал бы дорогу к вышеупомянутым чертям.

Доусон посмотрел на окружного прокурора.

— Только вы должны сознавать, что все это строго конфиденциально, — заявил Джессап.

Доусон кивнул. Лили покачала головой:

— Если вы имеете в виду, что мы должны пообещать вам держать язык за зубами, то ничего не выйдет. Конечно, трезвонить на каждом шагу мы не станем, но и никаких обещаний не дадим.

Доусон повернулся к Джессапу:

— Ну что, Том?

— Мы должны посоветоваться, — ответил Джессап и обратился к Лили: — С вашего разрешения, мисс Роуэн.

Лили кивнула. Парочка отчалила к «доджу», а Лили спросила, есть ли у меня какие-нибудь мысли. Я показал ей скрещенные пальцы и сказал, что могу поставить два против одного на то, что в деле случился благоприятный для нас поворот, но какой именно — могу лишь догадываться. Однако мне уже стоило определенного труда сдержать довольную ухмылку. Советовались юристы недолго. Я бы даже не удивился, если бы Доусон вернулся один и извинился, что нас потревожили, но несколько минут спустя они

возвратились вдвоем, расселись по креслам и Доусон произнес:

— Решение принял мистер Джессап, а не я. Вы должны понять, что я здесь только по его просьбе. — Он вперил взгляд в Лили. — Раз вы не можете обещать, мисс Роуэн, то и не надо, но я, как и мистер Джессап, очень рассчитываю на ваше благоразумие. Если я расскажу вам, в чем дело, то это будет лишь передача сведений понаслышке, так что я предоставлю слово мистеру Джессапу.

За последние пять дней я трижды пытался пробиться на прием к Томасу Р. Джессапу, но всякий раз получал от ворот поворот. Не подумайте, что я жалуюсь, нет, я просто излагаю факты. Нет закона, обязывающего обвинителя беседовать с друзьями и заступниками подзащитного. Поэтому допрашивал меня как свидетеля или возможного подозреваемого шериф Морли Хейт. Джессапа же я видел только на расстоянии и мог лишь мечтать о личной встрече.

Джессап лучезарно улыбнулся Лили:

— Прошу извинить меня за недоразумение, мисс Роуэн. Мистер Гудвин заявил, что надо говорить «пожалуйста», так что я говорю это сейчас. Пожалуйста, рассматривайте нашу беседу как

конфиденциальную. Я убежден, что вы сумеете сохранить все услышанное в тайне. Мистер Гудвин сказал, что нам следовало все вам честно рассказать, и сейчас я собираюсь исправить свое упущение. Я не займу у вас много времени. Сегодня рано утром мне позвонило официальное лицо из Хелены… очень влиятельный и высокопоставленный человек. Он попросил меня приехать к нему как можно раньше и прихватить с собой материалы на Харви Греве. Я отправился в Хелену и провел с ним три часа. Ему был нужен подробный отчет, который я надиктовал секретарше, после чего он долго задавал мне вопросы. Очень много вопросов.

Он снова улыбнулся Лили, потом мне и повернулся к Лили:

— Случай этот весьма необычен. На моей памяти впервые гене… такой влиятельный деятель вызывает окружного прокурора, чтобы ознакомиться с материалами дела. Тем более дела об убийстве. Конечно, я поинтересовался, зачем нужна такая срочность, но ответ меня не удовлетворил. Я покинул его кабинет, даже не представляя, что могло случиться. Лишь отъехав миль на двадцать, я вдруг сообразил, что вы могли… скажем, вмешаться. Вам небезразлична

судьба Харви Греве, что вполне естественно. Вы наняли Лютера Доусона, нашего видного адвоката, защищать его. Я не знаю, каковы ваши политические связи, но женщина с вашим положением и состоянием должна быть знакома со многими влиятельными лицами. Поэтому я развернул машину, вернулся в Хелену и рассказал обо всем мистеру Доусону. Он сказал, что ничего не знает об обращении к… этому человеку, но согласился, что стоит спросить вас, и позвонил вам. Я вовсе не говорю, что вы поступили неправильно, нет, но, если столь высокопоставленное лицо собирается вмешаться в проводимое мной расследование, я имею право хотя бы знать почему. Мистер Доусон, как адвокат обвиняемого, тоже хотел бы это знать. — Джессап на мгновение замолчал, чтобы улыбнуться, потом заключил: — Конечно, все, что вы мне скажете, тоже будет считаться строго конфиденциальным.

Знай они Лили так, как знал ее я, то поняли бы, что маленькие круги, которые она вычерчивала носком туфли, означали, что она страшно разозлена. К тому же ее левый глаз был чуть заметно прищурен, что еще более усугубляло положение.

— Так вы спрашиваете меня, — с вызовом начала Лили, — не использовала ли я свои связи,

чтобы надавить на кого-то в Хелене?

— Ну… я бы не сказал так категорично.

— А я говорю. И это вовсе не конфиденциально, мистер Джессап. Я считаю, что вы поступили некорректно. Вы представляете обвинение. С какой стати вы задаете мне вопросы и считаете, что я должна перед вами отчитываться? Если вы вернетесь к своей машине, то мистер Доусон через минуту догонит вас.

— Заверяю вас, мисс Роуэн…

— Черт побери, или вы ждете, что мистер Гудвин выставит вас силой?!

Она встала, должно быть, для того, чтобы помочь мне тащить окружного прокурора. Джессап посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Доусона. Тот потряс головой. Джессап, уже без улыбки, встал и вышел, не торопясь, с достоинством. Когда он подошел к «доджу», Лили напустилась на Доусона:

— Не знаю, насколько корректно поступили вы, мистер Доусон, но мне это не важно, хотя и неприятно. Тем не менее я облегчу вашу душу, чтобы вы могли защищать своих клиентов, включая Харви Греве. Так вот, я не обращалась ни к кому, кроме местных жителей, и ни к кому из Хелены, так что мне непонятно, почему высо-

копоставленное лицо проявило такой интерес к этому делу. А тебе, Арчи?

— Мне тоже.

— Значит, ставим точку. Теперь пойдем выпьем.

Она направилась к двери в дом, а я двинулся следом. Войдя, она повернула налево в коридор, я же задержался в гостиной и увидел, как Доусон залез в «додж» и сел за руль. Когда машина исчезла за поворотом дороги, я прошагал на кухню. Лили клала в ведерко кусочки льда, а Мими нарезала на столе помидоры, которые я купил у Вотера.

— Даже не могу припомнить, когда в последний раз я была в таком бешенстве, — процедила Лили.

— О, это с тобой часто случается, — небрежно бросил я, потом полез за бумажником, извлек два доллара и протянул ей. — Ты выиграла, черт побери!

— Что выиграла?

Круглые голубые глаза Мими, так подходившие к ее округлому лицу, которое так шло остальным округлым частям ее тела, взметнулись на меня, но почти тут же она потупила взор. В присутствии Мими мы общались с Лили столь же непринужденно, как Ниро Вулф со мной при Фрице.

— Я же сказал, — напомнил я, — что ставлю два против одного на то, что в деле случился благоприятный для нас поворот. Вот тебе эти «два». Ничего не случилось.

— Но я же не приняла пари. И потом, откуда ты знаешь? Если такой высокопоставленный человек…

— Это генеральный прокурор. Джессап почти проговорился. — Я засунул бумажник в карман и снял с полки джин и вермут. — А ты не догадалась, для кого предназначался отчет?

— Нет. — Она наклонила голову. — Значит, это ты обращался к кому-то.

— Нет, не я. Но ставлю десять против одного, что догадался. Я ведь как-никак сыщик. Так вот, письмо я отправил в субботу. Он получил его вчера утром, так что, поднявшись к орхидеям, выместил злость на Теодоре. За ланчем у него пропал аппетит. На самом деле я вовсе не считаю, что совершенно необходим для его жизни, удобства и благополучия, но он думает иначе. Я не написал, когда вернусь — то ли через неделю, то ли через месяц или два, — а он не выносит неясности.

— Значит, он позвонил генеральному прокурору Монтаны и затребовал отчет…

— Нет, но кому-то он позвонил, это как пить дать. — Я смешал напитки в шейкере и принялся его трясти. — Многие люди до сих пор благодарны ему за оказанные услуги, и некоторые из них занимают такое положение, что вполне могут набрать номер губернатора или даже президента, не говоря уже о генеральном прокуроре. Вулф позвонил одному из них, а уж тот перезвонил в Хелену. Вулф и не просил об особом одолжении — ему нужен всего лишь отчет о деле. А из отчета станет ясно, что дело против Греве железобетонное. Возможно, Вулфу уже позвонили, тогда перед обедом он и вовсе утратил аппетит. — Я взглянул на часы. — Он уже за столом. В Нью-Йорке сейчас семь часов тридцать две минуты.

Я разлил коктейль по стаканам. Лили взяла свой стакан и сказала:

— Что ж, твоя догадка неплоха, но ты и сам в ней не уверен. Как, впрочем, и я. И все же мне кажется, что это может обернуться для нас удачей. — Она приподняла стакан. — За Харви!

— По-прежнему ставлю десять против одного. И тоже пью за Харви.

Прими она мое пари, его исход зависел бы от того, считать ли удачей то, что случилось двадцать шесть часов спустя, вечером в среду. А утром и

днем я мотался и суетился без какого-либо успеха. За ужином я был мрачнее тучи, а после кофе заявил, что должен написать письмо, и ушел в свою комнату. Я и впрямь хотел кое-что написать, но вовсе не письмо. Дойдя до ручки, я решился на то, чего никогда прежде не делал: записать на бумаге все собранные за десять дней факты и попытаться найти хоть какие-то взаимосвязи и противоречия, которых не заметил прежде. И вот я сидел за столом перед открытым окном, вооружившись блокнотом и карандашами и размышляя, с чего начать, когда услышал шум мотора подъезжающей машины. Расположение моей комнаты не позволяло видеть машину, но я подскочил как ошпаренный, что лишний раз показывает, в каком состоянии я пребывал. В плачевном, вы правы. Диана играла на фортепиано, а Лили стояла перед окном и смотрела наружу. Я присоединился к ней, опознав в остановившемся автомобиле тимбербургское такси. Сумерки уже сгущались, но было видно, как водитель высунул голову и выкрикнул:

— Это дом Лили Роуэн?

Я вышел и сказал, что да. Тогда задняя дверца такси распахнулась, и из нее спиной вперед выбралась какая-то странная личность. Широ-

ченная спина могла принадлежать лишь одному в мире человеку — Ниро Вулфу, а когда он выпрямился и обернулся, то не осталось никаких сомнений, что и лицо тоже его.

— Гора пришла к Магомету, — сказала Лили, и мы заспешили ему навстречу.

Глава 4

Вулф никогда не здоровается за руку с женщиной и редко пожимает руку мужчине, но в столь диких и заброшенных местах привычки меняются, так что, пожав руку мне, Вулф протянул руку Лили со словами:

— Прошу меня извинить. Мне следовало позвонить. Вы, наверное, как и я, терпеть не можете незваных гостей, но я ненавижу телефон, а мне слишком часто приходилось им пользоваться за последние два дня. Но я вас не потревожу. Я должен был повидать мистера Гудвина.

— К гостям, которые проехали две тысячи миль, я снисходительна, — улыбнулась Лили. — Ваши вещи в машине?

— Нет, в Тимбербурге. Точнее, рядом с ним. В мотеле «Шейфер-Крик». — Он повернулся ко мне. — У меня есть предложение. Этот человек за рулем — сорвиголова, а его машина может в любой миг развалиться. Если здесь есть другая, то я отошлю его прочь, а ты сам отвезешь меня после того, как мы побеседуем.

Я обратился к Лили:

— Насколько ты помнишь, он считает, что любой механизм действует исключительно согласно своим прихотям. Если тебе не понадобится машина…

— Это глупо! — отрезала она и повернулась к Вулфу. — Вы останетесь здесь. Я предоставлю вам комнату с кроватью. После целого дня в самолетах и машинах развалиться можете вы. Арчи попросит шофера привезти ваши вещи, а я покажу вам комнату. В ней есть ванна. Вы обедали?

— Мисс Роуэн, я не могу навязывать…

— Теперь послушайте меня, мистер Вулф. Вы привыкли, что все зависят от вас, однако сейчас роли переменились: теперь уже вы в моих руках. Я не дам вам свою машину. Вы обедали?

— Я уже поел, да. Но надо еще уплатить по счету.

Я пообещал, что займусь счетом, и переговорил с шофером. Предложение сгонять в мотель за вещами Вулфа и вернуться не привело его в восторг, но альтернатива — ждать едва ли не до рассвета, пока клиент решит, что пора возвращаться, — прельстила его еще меньше. Проводив взглядом отъезжающее такси, я вернулся в дом, прошагал по длинному коридору, увидел, что последняя дверь распахнута, и вошел. Вулф сидел

в кресле у окна, опустив голову и закрыв глаза. Лили оставила свет включенным. Я сделал три шага и остановился. Должно быть, кроме Вулфа, в данный миг в округе Монро не было больше ни одного человека в жилете. Причем жилет, естественно, был тех же темно-синих тонов, что и пиджак с брюками. В мотеле Вулф переоделся; манжеты и воротничок желтой рубашки выглядели свежими и отглаженными. Галстук и синяя же фетровая шляпа на столе были чуть темнее костюма. Плетеное кресло едва вмещало его огромную тушу.

— Хорошо доехали? — полюбопытствовал я.

— Здесь течет речушка, — сказал Вулф и раскрыл глаза.

— Берри-Крик. Знай я, что вы приедете, то поймал бы к завтраку форель. Вы надолго к нам пожаловали?

— Пф!

В комнате стояли еще два кресла. Я сел в одно из них.

— Так зовут моего жеребца, — сообщил я. — Мисс Роуэн назвала свою кобылу Кэт из-за грациозности движений. Я же окрестил коня, на котором катаюсь, когда приезжаю сюда, Пф, поскольку никогда не знаю, чего от него ожидать.

Туземцы произносят его на свой манер — Паф. Если желаете прогуляться верхом по горам, то рекомендую вам солового по кличке Спотти, поскольку с вашим весом…

— Заткнись!

Я бы, конечно, не заткнулся, но в комнату вошла Лили с подносом, и я встал, чтобы помочь ей. На подносе было два стакана, бутылка пива, кувшин молока и бумажные салфетки.

— Полотенца приготовлены, — сказала Лили. — Я принесла только одну бутылку, потому что он, наверное, любит, чтобы пиво было холодным. Вам еще что-нибудь нужно?

— Если понадобится, я об этом позабочусь. Возможно, потребуешься ты сама, так что не убегай далеко.

Лили пообещала, что не убежит, и вышла. Я поставил поднос на стол в пределах досягаемости Вулфа. Он тут же схватил бутылку, придирчиво осмотрел этикетку — «Горная пивоварня Батте», — откупорил и налил пиво в стакан.

— Оно вполне приличное, — заметил я. — Здесь есть и другой сорт, в который, по-моему, добавляют медь.

Вулф пропустил мое высказывание мимо ушей. Подождав, пока пена не осядет до нужного уров-

ня, он пригубил пиво, скорчил гримасу, одним глотком осушил стакан и облизал губы.

— Я предпочел бы лечь спать. Вряд ли мой мозг сможет функционировать должным образом, но я все же попытаюсь. Я получил твое письмо.

— Я так и подумал, когда увидел, что вы вылезаете из такси.

— Письмо пришло позавчера, в понедельник. Я не сумел составить полное представление о происходящем. Мне потребовались дополнительные сведения, и я сделал три звонка. Третий из тех, кому я позвонил, мистер Оливер Макфарланд… Ты помнишь его?

— Конечно.

— Он вызвался помочь. Он владеет рядом банков и приисков в этом районе. По его просьбе мне позвонил вчера днем генеральный прокурор Монтаны. Если дело и впрямь обстоит так, как он мне изложил, то тебе лучше упаковать вещи и вернуться со мной в Нью-Йорк.

— Я этого и ожидал, — кивнул я, — когда увидел вас в такси. Мне понадобится время, чтобы ознакомить вас со всеми фактами, а в одной из соседних комнат есть более вместительное и удобное кресло. Если вы освободите то, в котором сидите, я заменю его. Я испытываю такое

же неудобство, глядя на ваши мучения, как и вы сами.

Вулф попытался привстать, но его ляжки настолько протиснулись под подлокотники кресла, что оно поднялось вместе с ним. Вулф рывком отодрал его, а я подхватил кресло и пронес его через весь коридор в гостиную. Лили сидела у камина в обществе Дианы и Уэйда Уорти и, должно быть, рассказывала о том, что за гость к нам пожаловал. Увидев меня, она покачала головой:

— Ах, мне бы следовало самой сообразить! Возьми вон то.

Она указала на кресло возле книжных полок, на которое я и сам нацелился. Огромное, с сиденьем, обтянутым оленьей шкурой. Я поставил на его место плетеное кресло, а это взвалил себе на голову и отправился в обратный путь. За время моего отсутствия бутылка опустела, так что, поставив кресло, я прогулялся на кухню и принес еще одну, а себе налил молока и со стаканом в руке устроился в своем кресле. Теперь, когда сидеть было удобнее, Вулф заметно оживился.

— Сначала я обрисую вам скелет, — сказал я, — а мясо будем наживлять по мере необходимости. Если мои высказывания покажутся вам излишне резкими, то это потому, что я пребываю в отпуске

за собственный счет. Итак, во-первых, я не думаю, что вы приехали лишь затем, чтобы вытащить меня отсюда. Вы знаете меня не хуже, чем я вас. Я написал, что готов поставить пятьдесят против одного на невиновность Харви, а вам известно, что я никогда так не рискую, если не абсолютно убежден в своей правоте. Думаю, вы приехали для того, чтобы услышать факты в моем изложении и ускорить ход событий. Генеральный прокурор, наверное, сказал вам, что дочь Харви весной родила и призналась Харви и Кэрол, его жене, что отец ребенка — Филип Броделл. Это хлыщ, который прошлым летом жил на одном из соседних ранчо. Через короткое время слух пронесся по всей округе.

— Так. Все это твердо установлено?

— Да. Этим летом Броделл явился в понедельник, двадцать второго июля. Три дня спустя…

— Я перебью. Хотя ты и в отпуске за свой счет. В четверг днем, часа в три, он в одиночку отправился в горы за ягодами. Когда он не вернулся к ужину, на ранчо забеспокоились, а когда стало темнеть, организовали поиски. Его излюбленные места были известны. Примерно в половине десятого некий Сэмюэль Пикок обнаружил его тело возле валуна. Он был ранен дважды — в

плечо и в шею. Пули найти не удалось, но, судя по характеру ранений, стреляли из ружья. Врачи заключили, что смерть наступила между тремя и шестью. Первая временна́я граница установлена твердо, поскольку в три часа четверо свидетелей видели Броделла живым; вторая граница, по всей видимости, тоже вычислена правильно. Все верно?

— Да. — Я отхлебнул молока. — Представляю, сколько времени вы потратили на этот разговор. Надеюсь, он позвонил не за ваш счет?

— Нет. Но я задавал очень много вопросов. Ты не отрицаешь, что у мистера Греве имелись серьезные причины для того, чтобы желать смерти мистера Броделла?

— Конечно нет.

— Тогда о том, была ли у него возможность убить. Алиби, начиная уже с часа дня, у него нет. Он утверждает, что провел все это время в седле, разыскивая отбившийся от стада скот, но подтвердить его слова некому, поскольку он ездил в одиночку. Лошадь вполне могла доставить его к району, где случилось убийство. Возражения?

— Нет.

— Тогда об оружии. Мистер Греве мог воспользоваться тремя ружьями. Два он держит в доме,

а одно висит в общежитии работников ранчо. Возражения?

— Есть, но они не убедят ни вас, ни присяжных. Его жена и дочь уверяют, что оба ружья оставались в доме, а Мел Фокс тоже говорит, что его ружье было на месте. Что касается жены и дочери, так от них иных показаний никто и не ожидает, а Мел тоже отлучался.

— Теперь перейдем к частностям. Все остальные подозреваемые, у которых имелся аналогичный мотив, представили свои алиби. Все эти алиби проверены и подтверждены. Имен мне не назвали, но…

— Это жена и дочь Харви, а также паренек по имени Джилберт Хейт. Насчет жены и дочери я согласен. Хейта же я еще не исключил. Его отец — шериф округа. Он хотел жениться на дочери Греве и до сих пор хочет — я имею в виду парнишку, а не шерифа.

— Вот как? — Вулф приподнял брови. — Так ты сомневаешься в его алиби?

— Я покопался, насколько мог. Беда в том, что я здесь чужак. А к чужаку в этих краях относятся примерно так, как к хиппи в воскресной школе. Возникают сложности в общении. Если задержитесь здесь, то испытаете это на собственной

шкуре, особенно если будете разгуливать в шляпе и жилете. Вы закончили с частностями?

— Нет. На следующий день после приезда мистера Броделла мистер Греве в присутствии двух свидетелей заявил: «Такая толстокожая тварь не имеет права на жизнь». Кроме того…

— Он сказал не «тварь», а «гнусь». Вы таких слов не признаете.

— Смысл от этого не меняется. Кроме того, в пятницу днем, на следующий день после убийства Броделла, Греве поехал в Тимбербург, купил бутылку шампанского, чего никогда прежде за ним не наблюдалось, и в тот же вечер распил шампанское вместе с женой и дочерью. Кроме того…

— Ну и информатор у вас! Зная, как Харви относился к Броделлу, я удивлен, что он купил только одну бутылку шампанского, а не две или ящик. Я бы на его месте вообще закатил пир горой.

Я отпил еще молока.

— А на следующий день, в субботу, когда отец Броделла приехал из Сент-Луиса за телом и зашел к мистеру Греве, тот набросился на старика с кулаками.

— Да, подставил папаше синяк под глазом. Жаль, конечно, поскольку, что бы ни сказал ему

отец Броделла, старость нужно уважать, но и Харви тут тоже можно понять. Броделл подложил ему здоровую свинью. Что еще?

— Тебе мало?

— Для присяжных, пожалуй, достаточно. В том-то и беда. У вас все?

— В общих чертах.

— Значит, настал мой черед. В письме вам я предложил поставить пятьдесят против одного. Я и сейчас согласен. Мы с мисс Роуэн слишком хорошо знаем Харви Греве. Мне не удалось добыть ни одного доказательства его невиновности, даже самого завалящего, но я его знаю. Кстати, генеральный прокурор упомянул, что первая пуля, которая ранила Броделла в плечо, была выпущена сзади?

— Нет.

Вулф откупорил вторую бутылку и налил себе пива.

— Тем не менее дело обстояло именно так. Броделл стоял на валуне лицом к вершине и собирал ягоды, а убийца подкрался снизу на близкое расстояние. Первая пуля развернула Броделла, так что он оказался уже лицом к убийце, когда вторая пуля угодила в шею и прикончила его. Для меня это окончательно и бесповоротно доказывает,

что убийца — не Харви Греве. Я поверю, что Харви Греве мог выстрелить человеку в спину только тогда, когда вы сорвете огурец, намажете его кленовым сиропом и съедите ложкой. Но даже в этом случае я не поверил бы, что Харви застрелил Броделла. Все знают, что стрелок он непревзойденный. Если бы он и решил убить человека выстрелом в спину, то не попал бы в плечо. А вторым выстрелом — в шею. Чушь собачья!

Вулф насупился. Отпив пива, он отставил стакан в сторону.

— Арчи, чувства затеняют твой разум. Если всем и в самом деле известно, какой замечательный стрелок мистер Греве, ему было бы выгодно создать впечатление, что убийца стреляет неважно.

— Только не Харви. Его мозг устроен иначе. Но все это просто слова. Суть в том, что он никогда не подкрался бы сзади и не выстрелил человеку в спину. Ни за что! Черт возьми, я повышаю ставку до ста против одного!

Морщинки на лице Вулфа стали глубже.

— Вздор! Совершенно не логично. Решать, виновен ли человек, на одном-единственном основании — знании его натуры? Чушь! И ты сам это знаешь. Пф!

Я растянул губы в широкую улыбку:

— Хорошо. Вот вы и попались. Вы были правы: ваш мозг и впрямь не функционирует должным образом. И трех лет не прошло с тех пор, как вы твердо уверовали в невиновность Орри Кэтера на одном-единственном основании — на знании Солом Пензером его натуры. Вы также советовались со мной и с Фредом. Но мы вас не убедили. Решающим оказался голос Сола[2]. Жаль, конечно, что я не Сол, но у меня есть поддержка. Мисс Роуэн считает точно так же, как я, но она женщина. Самолет вылетает из Хелены в одиннадцать утра. Если я не вернусь в Нью-Йорк до выборов, пятого ноября, то вышлите мне открепительный талон.

Лицо Вулфа разгладилось, но губы сжались в тонкую полоску. Он вылил в стакан остатки пива из второй бутылки, подождал, пока осядет пена, взял стакан в руку и выпил. Облизав губы, Вулф уже не сомкнул их снова. Он повернул голову, посмотрел на открытое окно, приподнял свою тушу весом одну седьмую тонны, протопал к окну, закрыл его, снова уселся.

— Здесь есть электрическое одеяло?

— Наверное. Я спрошу у мисс Роуэн… Так и

---

[2] Примечания: 2

Отсылка к роману Р. Стаута «Смерть содержанки».

быть, я пойду на уступку. Я сам отвезу вас в Хелену. Чтобы успеть на этот самолет, вам нужно выехать в семь утра. Я, пожалуй, позвоню, чтобы забронировать место.

Вулф втянул носом воздух, примерно полбушеля, и потом выдохнул его через рот. Не удовлетворившись результатом, он повторил этот фокус снова. Посмотрел на кровать, перевел взгляд на туалетный столик, потом на дверь в ванную и, наконец, на меня:

— Кто спал здесь сегодня ночью?

— Никто. Это свободная комната.

— Приведи мисс Роуэн и… Впрочем, нет, ты в отпуске. Спроси, пожалуйста, у мисс Роуэн, не согласится ли она составить нам компанию.

— С удовольствием.

Я вышел. Когда я проходил мимо комнаты Уэйда, из нее донесся стук пишущей машинки, но не «ундервуда». В гостиной Диана с журналом и Лили с книгой расположились в креслах у камина, в котором, как всегда по вечерам, уютно попыхивали шестифутовые бревна. Я сообщил Лили, что вновь прибывший гость интересуется, не согласится ли она составить нам компанию. Лили отложила книгу, встала и последовала за мной. По дороге она не задала ни единого во-

проса, но я этому ничуть не удивлялся. Из опыта общения со мной Лили знала: если у меня есть сведения, которыми я могу с ней поделиться, то есть и язык.

Я думал, что Вулф собирается порасспросить ее о Харви, но он решил иначе. Когда Лили подошла к нему и спросила, чем может быть полезна, Вулф запрокинул голову:

— Буду признателен, если вы сядете. Я предпочитаю вести беседу, когда глаза находятся на одном уровне.

Я придвинул для Лили третье кресло. Она села и сказала:

— Знай я заранее, что вы приедете, то распорядилась бы, чтобы в вашу комнату поставили вазу с орхидеями.

— Я сейчас не в том настроении, мисс Роуэн, — пробурчал Вулф. — Я нахожусь в чертовски затруднительном положении. Я полностью завишу от вас. Для меня необходимо жить поблизости отсюда, чтобы иметь возможность быстро связаться с мистером Гудвином. Мотель, в котором я остановился, конечно, не хлев, там довольно чисто, но для меня это серьезное испытание, к тому же он расположен слишком далеко. Незваные гости омерзительны, но у меня альтернативы

нет. Могу ли я переночевать в этой комнате?

— Конечно. — Лили с трудом сдерживала улыбку. — Арчи как-то раз процитировал вас, сказав, что гость — это драгоценный камень на подушке гостеприимства. Я слишком много о вас знаю, чтобы рассчитывать на то, что вы обернетесь драгоценным камнем, но омерзительным я бы вас тем более не назвала. Вы могли просто попросить Арчи передать мне, что вы решили остаться, вместо того чтобы посылать за мной. Вы поступили очень учтиво. Я прекрасно знаю, как вы относитесь к гостям. Я обедала у вас дома. Прежде чем ляжете спать, скажите мне, что вам еще нужно.

— Я уже спросил у мистера Гудвина, есть ли у вас электрическое одеяло.

— Конечно. — Лили встала. — Что еще?

— В данную минуту — ничего. Присядьте, пожалуйста. Мистер Гудвин собирается рассказать мне о том, что он успел сделать, после чего мы обсудим план дальнейших действий. Я буду задавать вопросы, а вы, возможно, сможете ответить на некоторые из них лучше, чем он. Вы согласны?

— Да.

— Прекрасно. Первый вопрос имеет отношение к вам. Разумеется, поскольку я гость в вашем доме. Где вы были днем в четверг двадцать пя-

того июля?

Не хочу, чтобы у вас создалось впечатление о том, что Лили Роуэн во всех отношениях идеальное двуногое существо женского пола, причем в течение 365 дней в году. Более того, с любым, кто мне такое заявит, я тут же вступлю в жаркую перепалку. Но в мире нашлось бы немного женщин, которые, услышав подобный вопрос, просто ответили бы на него, не моргнув и глазом.

— Бóльшую часть дня я ловила рыбу в Фиштейл-Ривер, — сказала она. — Летом форели в нашем ручье мало, поэтому ловить лучше в реке. Около часа дня мы сидели с Арчи у Заводи головорезов и уплетали сэндвичи. Лошадей мы оставили в конце тропы. — Она повернулась ко мне. — На каком это расстоянии от Тетеревиной гряды?

— Милях в десяти-двенадцати.

— Тетеревиная гряда — это место, где убили Филипа Броделла, — пояснила Лили. — Поев, мы еще половили рыбу, а затем искупались — водичка привела бы в восторг белого медведя. Потом мы наблюдали, как бобры чинят плотину, а Арчи запустил камнем в медведя — бурого, а не белого, — который, увидев, что Арчи поймал головореза, прыгнул в заводь и поплыл прямо к нам. Домой мы добрались затемно, а Диана — она

тоже гость — сказала, что звонил Билл Фарнем и интересовался, не у нас ли Филип Броделл.

— Что такое головорез?

— Форель с красной полоской на шее, — улыбнулась Лили. — Нужно запомнить этот день. Оказывается, я знаю слово, которое не знаете вы.

— Я не знаю тысячи слов. — Он повернулся ко мне. — Ты, должно быть, начнешь возражать. Если бы ты не исключил мисс Роуэн, то не стал бы гостить у нее. Но у меня сегодня выдался крайне утомительный день. Я устал и туго соображаю. Я даже не спросил тебя, не ты ли застрелил этого человека? Итак?

— Нет. Но я уже недоумевал, почему вы не спрашиваете.

— Я устал. Начинай. Если я перестану за тобой успевать, то прерву тебя. Давай.

— Сперва я должен понять, во имя чего. Вы сказали, что сами не знаете, останетесь ли здесь. Если вы хотите просто узнать, что мы думаем о Харви, а потом помахать нам ручкой, то…

— А что я еще могу поделать? Я должен либо поверить вам на слово, либо нет. Хорошо, я доверяюсь вам. Срок моего пребывания здесь будет теперь зависеть от того, насколько быстро нам удастся доказать невиновность мистера Греве.

— «Нам»?

— Да.

Я приподнял бровь:

— Не знаю. Я, конечно, тронут вашим предложением и очень вам признателен, но есть еще пара проблем. Во-первых, мы никогда не работали на пару в таких условиях. Здесь мы просто гости мисс Роуэн, а значит, оба равны. Вы не платите мне и не посылаете по своим поручениям, а я всегда могу упереться рогом и…

— Вздор! Я разумный человек, да и ты… тоже. Иногда, по крайней мере.

— Спасибо. И тем не менее попытка не пытка. Может, что-нибудь и выгорит. Во-вторых, вам придется еще тяжелее, чем мне. Никто вам ничего не скажет. Вы знаете, что мне уже приходилось бывать здесь, но и мужчины, с которыми я ездил верхом, играл в пинокль и гонял койотов, и женщины, с которыми я танцевал, мгновенно набирают воды в рот, стоит только завести речь об убийстве. Я сталкиваюсь с этим уже десять дней, а вы для них не просто чужак, но еще и ненормальный, который носит жилет. Так что, даже если вы мне скажете: «Иди, Арчи, и приведи мне такого-то», то все равно после его ухода будете знать ровно столько же, сколько знали до

прихода. Может, он разве что признается, сколько ему лет. И то вряд ли.

— Арчи, если ты прав насчет мистера Греве, а я это уже принял, то кто-то должен знать хоть что-нибудь, подтверждающее твое мнение. Или мое присутствие может помешать тебе?

— Нет.

— Приемлемо. Мисс Роуэн сказала, что я могу расположиться в этой комнате. Я хотел бы услышать подробный доклад.

— Это займет всю ночь. Лучше лечь спать, а потом…

— Я не могу лечь спать, пока не доставят мои вещи.

— Ладно. Еще пива?

Он отказался. Я откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

— Это будет самое занудное повествование в моей жизни. Как я уже говорил, я потратил на эту работу десять дней, но так и не раздобыл ни единой улики. Правда, подозреваемых хоть пруд пруди. Двое из них — тоже гости мисс Роуэн: мисс Диана Кейдани, актриса из Нью-Йорка, которая надеется добиться успеха на Бродвее, и мистер Уэйд Уорти, писатель, работающий над книгой об отце мисс Роуэн. Что касается средства, они

оба проходят. В кладовой в конце коридора висит двустволка «модсли спешл». Правда, ни один из них не попал бы из нее даже в слона, не то что в человека. В этом мы убедились еще пару недель назад, когда устроили соревнование по стрельбе. Однако это ничего не значит, поскольку убийца, судя по всему, тоже стреляет скверно. Так что две кандидатуры у вас есть прямо здесь. Шериф Морли Хейт с разрешения мисс Роуэн осмотрел двустволку в пятницу днем. Ружье оказалось чистым, но времени, чтобы вычистить, было предостаточно.

— Побудительная причина? У него или у нее?

— Чуть позже. Возможность у них тоже была. Мими Деффанд, которая будет готовить для вас завтра, если вы не предпочтете делать это сами, взяла в тот день выходной и укатила в Тимбербург, а мы с мисс Роуэн ловили рыбу. Я не допрашивал гостей, но Диана сама рассказала, что провела весь день на речке выше по течению и вернулась домой около шести, а Уорти оставался здесь один. Замечательно, да? Ни намека на алиби, так что, будь у любого из них хотя бы крохотный повод, можно было бы вцепиться в них мертвой хваткой. Но оба утверждают, что никогда с Броделлом не встречались. Я сам несколько

раз видел Броделла в прошлом году. Однажды Фарнем привел его сюда к ужину, а потом мы сами наведались на ранчо Фарнема. Я узнал, что он любит театр и бывает в Нью-Йорке, но мне неизвестно, как часто. Я хотел написать Солу, чтобы тот попытался раскопать, нет ли связи между ним и этими двумя, но сами знаете — Сол берет пятьсот в неделю, а платить должна мисс Роуэн.

— Я бы, конечно, не разорилась, — вмешалась Лили, — но мне просто не верится, что Диана и Уэйд могли так легко соврать, что никогда даже не слышали о Броделле. Это случилось на следующий день после его приезда, когда я сказала, что вернулся отец ребенка Альмы.

— Я упустил возможность полюбоваться на них вместе, — сказал я, — но я не знал, что двадцать часов спустя его убьют. Фарнем пригласил мисс Роуэн со всеми гостями к ужину в среду, и она пошла, прихватив с собой Диану, в то время как мы с Уорти остались дома. У меня нет железного правила не садиться за стол с мужчиной, который соблазнил девушку, но в любом случае Броделл не числится в списке моих любимцев. Так что я остался и выиграл у Уорти восемьдесят центов в джин-рамми, после чего он сослался на недомогание и ушел спать.

Я повертел рукой.

— Еще примеры. На ранчо Фарнема проживают повар, горничная, двое наемных работников, четверо гостей и сам Фарнем. На ранчо «Бар Джей-Эр»: экономка Флора Итон, Мел Фокс, который сейчас подменяет Харви, и два ковбоя. Кэрол и Альму, жену и дочь, я исключил не потому, что у них есть алиби, а по причине, о которой расскажу позже, когда мы перейдем к подробностям. Это уже пятнадцать подозреваемых, и все они могли добраться до места преступления пешком. Добавьте к ним все взрослое население округа Монро. Добраться сюда на машине мог кто угодно, а не доезжая пару миль до этого коттеджа, можно оставить машину и залезть на гряду пешком. Фарнем сказал, что в прошлом году Броделл три или четыре раза ездил в Тимбербург, и я провел там три дня, пытаясь нащупать хоть что-нибудь.

— Он отвез коробку черники девушке, которая продает билеты в кино, — напомнила Лили.

— Что, у него мания была такая? — спросил Вулф. — Он только за черникой приезжал сюда из Сент-Луиса?

Я сказал, что Броделл еще ездил верхом и ловил рыбу, потом продолжил:

— Бóльшую часть времени из трех дней в

Тимбербурге я занимался Джилбертом Хейтом — расспрашивал тех, кто его знает. За исключением семейства Греве, он единственный, у кого тоже имелся зуб на Броделла. Его алиби, возможно, фальшивое, но для того, чтобы разоблачить его, нужно доказать, что трое людей лгут, а здесь это невозможно, так как отец Джилберта — местный шериф. Личность самого шерифа Хейта тоже отражается на ходе дела. Хейт-старший будет счастлив, если Харви осудят, поскольку Харви очень противился его избранию. Окружной прокурор Томас Р. Джессап будет менее счастлив, поскольку Харви, наоборот, помогал во время его избирательной кампании. Но зависит от окружного прокурора немного, поскольку все улики, что собрал Хейт, указывают на Харви. Хейт будет рад, если ему удастся досадить Джессапу, а не наоборот, но я еще не придумал, как воспользоваться этим в наших интересах. Я даже не могу пробиться к Джессапу на прием. Возможно, потому, что он уже слишком уверен в исходе дела.

Вулф кивнул:

— Генеральный прокурор сказал мне, что мистер Джессап — человек способный, решительный и честный.

— Возможно, это и так, хотя его вчерашний

поступок свидетельствует об обратном. Вчера днем они прикатили сюда вместе с защитником обвиняемого — бойким адвокатом, которого наняла мисс Роуэн, — чтобы задать ей несколько вопросов. Он хотел знать… они хотели знать, не обращалась ли мисс Роуэн…

Я остановился, услышав шум мотора. Лили привстала, но я сказал, что я сам. Однако, когда я вышел в коридор, Лили последовала за мной. Такси уже вернулось, и шофер открыл багажник и вытаскивал из него огромный кожаный чемодан, который за последние шесть лет впервые покинул кладовую на цокольном этаже нашего старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице. Прибыл багаж нового гостя.

Глава 5

На следующий день, в четверг, в четверть четвертого мы с Вулфом сидели на камнях лицом друг к другу. Мы провели так уже больше трех часов. Камень, на котором восседал Вулф, был высотой как раз с сиденье кресла — ровный, плоский, довольно гладкий и, главное, достаточно широкий для ягодиц Вулфа. Мой же камень был куда более далек от совершенства, так что время от времени я вставал и беседовал стоя. Справа от Вулфа росли кусты, слева — деревья, в основном сосны, а перед ним ярдах в десяти журчала Берри-Крик, быстрые воды которой неслись над каменистым ложем к коттеджу Лили, примерно в полумиле от нас.

Накануне вечером, выйдя от Вулфа, мы с Лили решили, что не будем его особенно баловать. Вулф оказался в суровом мире и должен привыкнуть к его законам. Если же станет капризничать и возьмется за прежние выкрутасы вроде завтрака в постели, то пусть сам нагружает себе на кухне поднос и тащит его в комнату. Постель тоже должен застилать и разбирать сам или оставлять

неубранной, если захочет. Условившись таким образом с Лили, я возвратился в комнату Вулфа, застал его уже под электрическим одеялом и объяснил местные порядки. Вулф обиженно хрюкнул и отвернулся к стене.

Завтракали мы в девять, причем собирались к трапезе обычно все, кроме разве что Дианы, которая иногда любила поспать подольше. На сей раз она не проспала, вероятно по случаю появления нового гостя, на котором можно оттачивать свое мастерство. Мими, конечно, уже прознала про гастрономические причуды Вулфа, но я все равно не смог сдержать улыбку, когда увидел, как она перчит омлет и сколько ветчины и хлеба нарезала для тостов. Кроме того, вместо обычных трех разновидностей джема к столу подали шесть. Уэйд Уорти, усаживаясь, заметил:

— У вашей репутации есть определенные преимущества, мистер Вулф. Смотрите, какое изобилие!

— Не обращайте на него внимания, — сказала Диана, легонько прикоснувшись двумя пальцами к рукаву Вулфа. — Он просто ревнует. Хотите, я намажу вам тост?

Вулф отказался, но не нахмурился. Ведь гость — это драгоценный камень. Мими подала еще

одно блюдо с омлетом. И снова с перцем.

После завтрака мы с Вулфом отправились в его комнату, и я помог ему распаковать чемодан. Конечно, это уже попахивало балованием, но мне было любопытно. Еще занося чемодан в комнату, я подумал, что Вулф подготовился к длительному отсутствию. Теперь я в этом убедился, когда увидел второй костюм, запасные туфли, пять рубашек, десять пар носков и так далее, в том числе четыре книги, одну из которых он, возможно, прихватил для работы. Я имею в виду «Становление человеческой цивилизации на примере североамериканских индейцев — от первобытных племен до индустриальной эпохи». Автор — Питер Фарб. Должно быть, Вулф заподозрил, что Черный Коготь или Серое Облако могли приложить руку к убийству Броделла, и решил изучить их психологию.

Когда мы все распаковали и разложили по местам, я внес предложение:

— Подробный отчет займет несколько часов, а вы привыкли к более просторному помещению. Моя комната вдвое больше вашей. Можем также перейти в гостиную или на террасу. Вам не понадобится…

— Нет! — отрезал он.

— Нет? Вы не хотите выслушать мой отчет?

— Не здесь. Вечером я никак не мог отогнать от себя ощущение, что нас могут подслушать снаружи через окно или внутри через дверь либо стену. Мы привыкли обсуждать свои дела в звукоизолированной комнате, без лишних ушей. Здесь же… Здесь три женщины, а одна из них врожденная надоеда. Проклятье! Где еще мы можем уединиться?

— Если вы хотите иметь крышу над головой, то нигде. Но я знаю дюжину прелестных местечек для пикника. Кладовая уже, правда, не столь ломится от деликатесов, как месяц назад, но остались еще осетрина, ветчина, вяленая говядина, четыре сорта сыра, а в холодильнике на кухне половина жареной индейки. Температура ручья — в самый раз для пива.

— Далеко?

— От сотни ярдов до ста миль. Смотря что мы выберем. Если отправимся верхом…

Он метнул на меня свирепый взгляд и спросил, где находится кладовая.

Мы вышли в поход почти в одиннадцать, потому что битых двадцать минут Вулф потратил на осмотр содержимого кладовой. К тому же мне надо было предупредить Лили, переобуться и

набить рюкзак жратвой. Когда мы проходили по террасе, Диана, развалившаяся в шезлонге, увидела Вулфа и, кокетливо надувшись, сказала, что хотела бы составить нам компанию, но Вулф сдержался и даже не испепелил ее взглядом.

Итак, в четверть четвертого мы сидели на камнях. Остатки ланча, включая три банки из-под пива, уже были в рюкзаке, отчет состоялся, и на все вопросы я дал ответ. Конечно, отчет оказался далеко не полным, поскольку под «полным» подразумевается дословное изложение всех бесед, но существо дела Вулф уразумел, включая имена и фамилии, знакомства и связи. Три молодых деревца терлись сзади о камень Вулфа, и Вулф раз двадцать пытался откинуться назад, чтобы использовать их как опору для спины, но ноги при этом неизменно отрывались от земли и потешно болтались в воздухе, а это его не устраивало. Он сделал очередную попытку, рыкнул: «Гррр», выпрямился, соскользнул с камня и открыл было рот, чтобы заговорить, но что-то за моей спиной отвлекло его. Он поднял руку, вытянул палец и спросил:

— А это что?

Я развернулся. На ветке футах в двадцати от меня сидела крупная серая птица.

— Дикуша, — небрежно сказал я. — Нечто типа тетерева, живущего по принципу: «Мир — земле, добро — дикушам». Если мирно и спокойно приблизиться к ней, то можно поймать ее голыми руками.

— Она вкусная?

— Да. Очень даже.

— Почему тогда их еще всех не переловили?

Я пообещал непременно выяснить. Вулф, держась рукой за дерево, подрыгал обеими ногами, чтобы стряхнуть вниз задравшиеся брючины.

— Я попробую позвонить, — сказал он. — Ты написал, что телефон мисс Роуэн могут прослушивать. Если да, то кто? Шериф или окружной прокурор?

— Шериф.

— Значит, придется поискать другой телефон. Ты знаешь, откуда можно позвонить без опаски?

— Из Лейм-Хорса. В Нью-Йорк? Солу?

— Нет. Мистеру Вейлу.

— Я не упоминал никакого мистера Вейла.

— Этот тот самый генеральный прокурор из Хелены. У меня есть его номер. Он знает, что я здесь. Мистер Макфарланд вчера перезвонил ему по моей просьбе, чтобы предупредить о моем прилете, и я заезжал к нему. Хочу теперь у него

кое-что уточнить.

Я надел рюкзак и сказал, что машина будет, вероятно, свободна, а если нет, я могу одолжить машину на ранчо. На обратном пути, поскольку мы с Вулфом теперь были на равных, я мог бы потребовать от него, чтобы он сказал, чего добивается от генерального прокурора, но потом решил не торопить события. Что бы у кого бы он ни спрашивал, это не могло еще больше ухудшить ситуацию.

Возвращение далось Вулфу тяжелее, поскольку пришлось спускаться, а в двух местах склон был крутоват. Однако Вулф вышел из положения с честью. Машина стояла у дома. Я зашел, сбросил рюкзак, разыскал в ящике стола в комнате Вулфа обрывок бумаги с телефонным номером, нашел на террасе у ручья Лили, сказал ей, что у нас дела в Лейм-Хорсе, и спросил, можно ли воспользоваться машиной. Лили разрешила и поинтересовалась, вернемся ли мы к ужину. Я сказал, что да, присовокупив, что мы едем только для того, чтобы позвонить, а кому и зачем — расскажу позже. Выйдя из коттеджа, я обнаружил, что Вулф уже успел забраться в машину — довольно бесцеремонная выходка для гостя — и устроился на переднем сиденье, что меня

удивило. В нашем «хероне», когда я за рулем, он неизменно устраивается сзади, где для него сделан специальный ремень, за который он может схватиться, если машина вдруг заупрямится, попытается залезть на бордюр или толкнуть другую машину, вызвавшую у нее неприязнь. Я сел за руль, и мы покатили. Когда мы выезжали на дорогу в самом конце проулка, из-за кочки выскочил зверек и стремглав понесся к кустам.

— Местный заяц? — поинтересовался Вулф.

— Это зависит от того, можно ли лугового кролика назвать зайцем, — ответил я. — Пожалуй, я специально проверю это ради вас. Но они не столь вкусны. — Я лихо объехал обломок скалы. — Человека, телефоном которого мы попытаемся воспользоваться, зовут Вудро Степанян. Как я уже говорил, он один из немногих, кто верит в невиновность Харви.

— Дом культуры. Года три назад ты пожаловался мне, что мистер Степанян пытался заставить тебя прочесть эссе Фрэнсиса Бэкона.

— О, я вижу, вы прихватили вашу память с собой! — восхитился я. — Это может нам пригодиться. — Я притормозил, съезжая в каньон. — Кстати, Степанян захочет поздороваться с вами за руку. И вообще, так здесь принято, поэтому не

усугубляйте наши трудности, демонстрируя свои нелепые повадки.

— Я отвергаю все формальности, при которых нужно входить в физический контакт с кем-либо.

— Угу, знаю. Но после всех тягот, что выпали на вашу долю со вчерашнего утра, это уже сущие пустяки.

Вулф поджал губы и повернул голову, чтобы поглядеть на разбегающихся по норам сусликов.

Лейм-Хорс в будний день в четыре часа выгодно отличается от Нью-Йорка в одном отношении: в нем есть куда поставить машину. Хотя субботними вечерами подобные сложности встречаются даже в Лейм-Хорсе. Мы остановились прямо перед входом в Дом культуры. Вулф с минуту озирался по сторонам и лишь потом проследовал за мной. Мы прошли к столу у стены, за которым четверо игроков играли в «скрэбл». Если быть точным, то игрок был один — Вуди, но на столе стояли четыре таблички с именами: Уильям Шекспир, Джон Мильтон, Ральф Уолдо Эмерсон и Вудро Степанян. Мне уже не раз доводилось видеть это представление с участием различных игроков, за исключением, конечно, самого Вуди. Завидев нас, он встал, я представил их с Вулфом

друг другу, и Вулф, как истый джентльмен, пожал протянутую ему руку. Должен признать, что, вынужденный пожимать руку, делает он это умеючи.

— Весьма польщен, — улыбнулся Вуди. — Склоняю голову перед вами. Вы играете в «скрэбл»?

Вулф помотал головой:

— Я не играю ни в какие игры. Я люблю использовать слова, а не забавляться с ними.

— Мы хотим попросить вас об одолжении, — сказал я, обращаясь к Вуди. — Нам нужно позвонить по очень важному делу, а шериф, возможно, велел прослушивать телефон мисс Роуэн. Кстати, она вам кланяется. Можем мы воспользоваться вашим телефоном?

Вуди сказал, что да, конечно, перевел взгляд на игровое поле, пробормотал: «Ход Мильтона», подошел к зашторенной двери и пригласил нас заходить.

Вулф протопал к столу, на котором стоял телефонный аппарат, и сел в кресло, вполне подходящих размеров для Вудро Степаняна, но совершенно не приспособленное для самого Вулфа. Я сказал, чтобы он вызвал телефонистку и дал ей нужный номер. Вулф скорчил гримасу, но трубку тем не менее снял.

Поскольку параллельного аппарата в комнате не было, могу изложить лишь то, что слышал. Сообщив кому-то свое имя, Вулф попросил соединить его с мистером Вейлом, а пару минут спустя заговорил:

— Да, слушаю… Нет, я не в Тимбербурге, я остановился в доме владелицы ранчо, управляющим которого был мистер Греве… Да, мисс Лили Роуэн. Я решил, что должен побеседовать с мистером Джессапом, и хочу знать, поговорили ли с ним вы… Нет, я прекрасно понимаю, что нужно соблюдать осторожность… Нет, и он не знает, где я… Да, конечно, я очень вам признателен, и мистер Макфарланд также будет весьма благодарен. — Повесив трубку, он повернулся ко мне. — Свяжись с мистером Джессапом. — Потом нахмурился и добавил: — Пожалуйста.

Представляете, как трудно быть со мной на равных? Поскольку я четырежды звонил в офис окружного прокурора в Тимбербурге, пытаясь добиться встречи, лезть в записную книжку за номером телефона мне было ни к чему. Я дотянулся до аппарата, снял трубку, сообщил ответившей мне девушке, что Ниро Вулф желает переговорить с мистером Джессапом, и несколько секунд спустя услышал его голос:

— Мистер Вулф?

— Это Арчи Гудвин. Соединяю вас с мистером Вулфом.

И снова могу передать вам лишь то, что слышал сам:

— Мистер Джессап? Ниро Вулф. С вами обо мне говорил мистер Вейл… Да, он так и сказал мне. Я хочу с вами побеседовать. Желательно не по телефону… Да… Конечно… Сегодня было бы лучше… Да, понимаю… Нет, я звоню из Лейм-Хорса, из кабинета мистера Вудро Степаняна… Нет. Лучше договоритесь с мистером Гудвином. — Он протянул мне трубку.

Я взял ее и произнес:

— Арчи Гудвин.

— Вы знаете, где находится усыпальница Уэдона?

— Да.

— Я выйду минут через десять-двадцать, и встретимся там. С вами будет еще кто-нибудь, кроме мистера Вулфа?

— Нет.

— Хорошо.

Он повесил трубку. Я повернулся к Вулфу:

— Мы договорились встретиться возле усыпальницы Уэдона, которая находится ближе к

нам, чем к Тимбербургу. Милях в десяти отсюда.

— Кладбище?

— Нет. Много лет назад некий Уэдон вбил себе в голову, что попытается выращивать в том месте пшеницу, и, как гласит молва, умер от голода. Впрочем, лично я в этом сомневаюсь. Джессап не хочет встречаться у себя, поскольку офис шерифа тоже расположен в здании суда.

Я взглянул на наручные часы. Было 16:55.

— Я позвоню мисс Роуэн и предупрежу, что к ужину мы не опоздаем.

Пока я звонил, Вулф осматривал экспонаты. Выйдя из кабинета, я рассчитывал увидеть Вуди, но его на месте не оказалось. Я разглядел его среди небольшой кучки зевак возле универмага «Вотер», которые следили за гонкой или, скорее, за погоней. Тщедушный человечек в джинсах и без рубашки приближался к нам, улепетывая от толстой краснолицей женщины с длинным кожаным кнутом. Завидев публику, человечек завопил:

— Свяжите ее! Черт побери, да свяжите же ее!

Поравнявшись с нами, он споткнулся и чуть не упал, в самый последний миг чудом увернувшись от удара кнутом. Женщина буквально наседала ему на пятки, когда они скрылись за углом дома.

Вулф вопросительно посмотрел на меня.

— Местная достопримечательность, — пояснил я. — Эти гонки можно лицезреть примерно раз в месяц. Мистер и миссис Нев Барнес. Она печет и продает хлеб и пироги, а он таскает выпечку и покупает спиртное у некой Генриетты. Знатоки считают, что она не прячет от мужа всю выпечку, потому что это повредило бы представлению. А он кричит: «Свяжите ее!», потому что пару лет назад выходивший из универмага ковбой, который только что приобрел лассо, завидев погоню, сумел набросить его на миссис Барнес и спасти беднягу от возмездия.

— Это ее хлеб мы ели за завтраком?

— Да. Вы съели четыре куска.

— Неплохо, совсем неплохо.

Он направился к машине и забрался внутрь. Подошел Вуди, и я поблагодарил его, заплатил за звонки, помахал зевакам, которые все еще стояли перед «Вотером» и явно задавались вопросом, кто это со мной, потом сел за руль и завел двигатель. И мы по неровной дороге поехали к асфальтированному шоссе. Когда позади осталось три или четыре мили, Вулф укоризненно произнес:

— Ты нарочно наезжаешь на ухабы.

— Нет. Это такая дорога. Попробуйте сами

не наехать на ухаб. К тому же мы не в вашем «хероне» со специально изготовленными рессорами. — (Бух!) — Вас не затруднит обсудить со мной предстоящий разговор с Джессапом?

— При такой-то тряске? Очень затруднит. Я на месте решу, как и о чем говорить с ним.

Если вам взбредет в голову посетить усыпальницу Уэдона, то вы должны знать, как ее найти. Ни указателя, ни особой дороги вы не увидите, хотя в былые времена дорога, должно быть, все-таки существовала. Теперь же сразу за небольшой тополиной рощей, примыкающей к шоссе, и перед акведуком вы сворачиваете вправо, съезжаете на сухую траву — сухую в августе, — огибаете подножие холма и следуете вдоль неглубокого каньона. Каких-то двести ярдов — и вы на месте. Впрочем, особой радости оно вам не доставит. От дома с крышей остались одни развалины, и из них в разные стороны торчат стропила и бревна, с которыми мог бы поиграть Пол Баньян[3]. А если вас привлекают белые, хорошо выветренные кости, то вокруг их разбросано достаточно. Видимо, немногочисленные туристы бросили эти кости, после того как их осмотрели. Джонни

[3] Примечания: 3

Пол Баньян — гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

Вотер уверяет, что некоторые из этих костей принадлежали Уэдону, но сам же добавляет, что не является признанным авторитетом в этом вопросе. Я никогда не проверял его заявление, что гробовщик в Тимбербурге согласен с ним.

Машину Джессапа, темно-синий седан, я знал, но здесь ее не было. Кроме того, что я вам описал, не было вообще ничего и никого. Я развернул машину и заглушил мотор.

— Есть предложение, — сказал я. — Если он сядет сзади, то вам придется повернуть голову, чтобы разговаривать с ним. Если же вы перебе-ретесь назад, а он сядет на переднее сиденье, то крутить головой придется уже ему.

— Я никогда не веду важных разговоров, сидя в автомобиле, — отмахнулся Вулф.

— Ничего подобного. Один раз, помнится, у вас состоялся такой разговор с мисс Роуэн, один раз со мной, да еще пару раз. У вас замечательная память. Вы сами как-то изволили заметить, что одно из главных достоинств памяти — это спо-собность начисто отбрасывать то, что мы хотим забыть. К тому же где еще здесь сидеть? Могиль-ных плит в этой усыпальнице нет.

Вулф распахнул дверцу, пятясь, выбрался на-ружу, открыл заднюю дверцу и залез на заднее

сиденье. Я развернулся и придирчиво осмотрел Вулфа:

— Совсем другое дело. Когда-нибудь вы поймете, до чего я все-таки ценный помощник.

— Пф! — фыркнул Вулф. — Почему тогда я здесь, в двух тысячах миль от дома?

— Чтобы поспособствовать торжеству правосудия. Оправдать невинного. Теперь о Джессапе. Чтобы лучше понять его натуру, вам следует знать, что родился он в Монтане, ему сорок один год и у него трое детей, в которых он души не чает. Окончил Университет Монтаны, что в Мизуле. В отчете я не упомянул слова Лютера Доусона, который сказал, что Джессап всегда мечтал стать судьей и… А вот и он.

Поскольку, как я уже говорил, я развернул машину, нам не пришлось тянуть шею, чтобы увидеть «форд», который вынырнул из-за холма и теперь трясся вдоль каньона. Ярдах в двадцати от нас машина остановилась, потом снова поползла вперед, развернулась и поравнялась с нашей. Джессап вылез, кивнул мне, подошел к задней дверце, сказал:

— Я Том Джессап, — и протянул руку.

Сперва мне показалось, что Вулф подложит мне свинью и проявит свой нрав, но он тоже

протянул руку:

— Я Ниро Вулф, — и… допустил физический контакт.

Джессап заметил, что наша машина более вместительна, чем его «форд», мы с этим согласились, и он начал огибать ее с другой стороны. Я открыл переднюю дверцу. Джессап понял намек и забрался на переднее сиденье.

— Я приехал, чтобы выслушать мистера Вулфа, — обратился он ко мне, — но сначала хотел бы кое-что уточнить. Вчера вы сказали, что не знаете, почему одно важное лицо интересуется этим делом, теперь же выясняется, что… Словом, вы ввели меня в заблуждение, да?

— Теперь послушайте вы, — сказал я. — Вместо того чтобы обвинять меня во лжи, вы могли просто спросить. И я бы ответил, что понятия не имел о вмешательстве мистера Вулфа до вчерашнего вечера, когда увидел, как он выбирается из такси. В доказательство правдивости своих слов приведу такой аргумент: знай я о приезде мистера Вулфа, то, безусловно, отправился бы встречать его в Тимбербург или даже в Хелену. Впрочем, сейчас это не столь важно, поскольку вы подозреваете, что отчет потребовался генеральному прокурору именно для мистера Вулфа.

— Не подозреваю, а знаю. — Джессап развернулся и посмотрел на Вулфа. — Мистер Вулф, я поставлен здесь для того, чтобы блюсти закон. Высшее должностное лицо обратилось ко мне с просьбой отнестись к вам с пониманием, а также…

— Разве он не попросил, чтобы вы оказали мне содействие?

— Возможно. Но я стараюсь прежде всего выполнять свой долг перед избирателями. Буду с вами откровенен. Никогда прежде генеральный прокурор не обращался ко мне с подобной просьбой. Поэтому, если не возникнет крайней необходимости, мне бы не хотелось ему отказывать. В свою очередь я прошу вас быть со мной предельно откровенным. Скажите, какой рычаг вы использовали, чтобы убедить мистера Вейла обратиться ко мне?

— Я вполне понимаю, — кивнул Вулф, — чем вызван ваш вопрос, и многие представители закона на вашем месте даже не удосужились бы его задать. Мистер Вейл называл какие-либо имена?

— Только ваше… и мистера Гудвина.

— Тогда я не смогу полностью сравняться с вами в откровенности. «Рычаг» — слишком сильно сказано. У меня нет никаких связей в Монтане

— ни политических, ни профессиональных, ни даже личных, но один мой нью-йоркский знакомый всеми этими связями обладает и при этом хорошо ко мне расположен. Поскольку мистер Вейл умолчал про него, я тоже не стану называть его имя, но человек он честный, достойный и обязательный. Думаю, что он просто обратился к мистеру Вейлу с просьбой. И уж совершенно убежден, что он не использовал никаких рычагов. Впрочем, я не уверен, готовы ли вы поверить мне на слово, поскольку вы меня не знаете.

— Я знаю вашу репутацию. Как и большинство других людей, даже в нашей глубинке. Я звонил двоим коллегам в Нью-Йорк, и они мне сказали, что ваше слово очень весомо, но каждый, кто имеет с вами дело, должен точно знать формулировку этого слова.

Уголок рта Вулфа еле заметно приподнялся — у него это означало улыбку.

— Подобное скорее может относиться к дельфийскому оракулу. Скажите, как мне сформулировать мое слово, чтобы оно удовлетворило вас?

— Может быть, вы все-таки назовете его? Обещаю, что это останется между нами.

— Нет. Раз мистер Вейл его не назвал, я тем более не могу. — Вулф наклонил голову. — Вопрос,

мистер Джессап. Почему вы не спрашиваете, какое содействие от вас требуется? Возможно, что вы согласились бы пойти мне навстречу и без просьбы мистера Вейла.

— Хорошо. Что вам от меня требуется?

Вулф закрыл глаза, потом открыл их:

— Я хочу, чтобы мне не чинили препятствий в расследовании. Мистер Гудвин безуспешно пытался пробиться через завесу молчания в течение десяти дней. У него не нашлось не то что рычага, но даже точки опоры. Даже адвокат, нанятый мисс Роуэн для защиты обвиняемого, убежден, что мистер Греве виновен.

— Это не просто убеждение, а логическое заключение, основанное на уликах.

— Уликах, которые добыл мистер Хейт. Я обвиняю мистера Хейта в невыполнении возложенных на него служебных обязанностей, которое повлекло за собой должностное преступление. Он враждебно настроен к мистеру Греве, поэтому, собрав, как ему кажется, достаточно улик против мистера Греве, чтобы предъявить ему обвинение, мистер Хейт не счел нужным расследовать другие версии. В тот четверг пятнадцать других людей, которые знали мистера Броделла, находились на сравнительно небольшом удалении

от места преступления, но мистер Хейт даже не удосужился допросить их как следует. Я не…

— Вы можете это доказать?

— Я могу, — вмешался я. — Они не хотят говорить со мной про Броделла и про убийство, но Хейта не покрывают. Можете спросить их сами.

— Я не включаю в это число жену и дочь мистера Греве, — добавил Вулф, — поскольку мы с мистером Гудвином исключили их из числа подозреваемых на основании фактов, которые убедили нас, но не убедят вас. Точно так же, как вы не примете на веру те сведения, которые убедили нас в невиновности мистера Греве. Впрочем, это не важно, поскольку мне нужно лишь одно — чтобы мне не чинили препятствий. Я согласен, что факты, которые могли бы доказать невиновность мистера Греве, в настоящее время отсутствуют, но мы хотим получить право найти их. С этой целью…

— Я и не оспариваю вашего права, как и никто другой, пожалуйста.

— Пф! Пустая демагогия, и вы сами это понимаете. С таким же успехом вы можете сказать безногому, что не оспариваете его права на ходьбу. Я хочу от вас следующего: вы должны активно поддерживать наше право. От мистера Хейта

нам этого не добиться. Вы же — другое дело. Мне сказали, что окружной прокурор в Монтане при возбуждении дела руководствуется прежде всего материалами, полученными от шерифа и от полиции, но довольно часто предпринимает независимое расследование лично, через своих людей или даже иногда прибегает к услугам частных сыщиков. Мы с мистером Гудвином хотим, чтобы вы наняли нас для расследования убийства мистера Броделла. Нам нужны соответствующие полномочия. Профессиональная квалификация у нас вполне достаточная. Ни гонорара, ни возмещения расходов нам не понадобится.

— Понимаю. — Джессап взглянул на меня, увидел мужественную и честную физиономию человека, рвущегося ему на помощь, и перевел взгляд на Вулфа. — Вот значит что, да? Это мистер Вейл придумал?

— Нет, я. Но он, судя по всему, счел мое предложение вполне разумным, иначе не обратился бы к вам. Цель очевидна. Получив от вас полномочия, мы перестанем быть назойливыми чужаками, которые суют нос в чужие дела. Нас станут повсюду нормально принимать, а мы получим законное право требовать ответы на вопросы.

Джессап улыбнулся, потом решил, что предложение Вулфа заслуживает большего, и расхохотался. Звонко и весело, так что я бы даже обиделся, если бы он смеялся над нами, но охотно присоединился бы к нему, смейся он над Хейтом.

Вдоволь нахохотавшись, Джессап сказал:

— Над этим нужно поразмыслить.

Вулф кивнул:

— Но овчинка выделки стоит.

— Понимаете ли вы, — спросил Джессап, — каковы могут быть последствия такого решения для… моей карьеры?

— Зато и все наши заслуги по раскрытию преступления припишут вам.

— В том случае, если вам, конечно, удастся добиться успеха, — произнес Джессап. — Я рискую своим будущим из-за вашего… поведения. Вы, конечно, надеетесь вызволить Греве, а для этого должны доказать, что убийца — кто-то другой. Кто, вы знаете?

— Ни я, ни мистер Гудвин этого не знаем. И даже не предполагаем. Все, что у нас есть, — это твердая вера в свою правоту, основанная на фактах, которые убеждают нас, но не убедят вас. И мы докажем, что мы правы.

— Даже без моего содействия?

— Да. Если вы нас не поддержите, то нам поможет мистер Вейл. В противном случае у нас остается еще финансовая поддержка мисс Роуэн и наше собственное профессиональное умение. Пусть расследование займет несколько месяцев или даже лет, нас уже ничто не остановит.

— А мистер Вейл обещал вам свою помощь в том случае, если я откажусь?

— Нет. Он сказал, что готов помочь, но твердого обещания не дал.

— Значит, вы мне угрожаете?

— Мистер Джессап, почему вы расцениваете простое намерение как угрозу?

— Подобные намерения могут таить в себе угрозу. Мне посоветовали, чтобы я просил вас точнее формулировать слова. Вы сказали, цитирую: «Ни я, ни мистер Гудвин этого не знаем. И даже не предполагаем». Я хочу уточнить: подозреваете ли вы Джилберта Хейта?

— Только наряду со всеми остальными. У него имелась побудительная причина, но у него есть алиби, и вроде бы надежное. Впрочем, попытки мистера Гудвина проверить алиби потерпели неудачу, как и во многих других случаях. Вы заявили, что рискуете своим будущим из-за нашего поведения. Так вот, это теперь вы ставите

свое будущее на карту из-за поведения мистера Хейта. Представьте сами: основываясь на уликах, полученных от мистера Хейта, вы обвините мистера Греве, его осудят, а месяц или год спустя мы предъявим доказательства его невиновности. Что тогда?

Джессап выпрямился, посмотрел перед собой, вытянул ноги, насколько хватало места, и уставился на приборный щиток. У меня уже выработалась определенная точка зрения на такие случаи: чем реже человек мигает, глядя в одну точку, тем усиленнее он размышляет. Три-четыре мигания в минуту означают, что мыслительный процесс идет с наибольшей напряженностью, а Джессап за три минуты мигнул лишь одиннадцать раз. Затем мигания участились, и он повернулся к Вулфу:

— Вот что я вам отвечу. Вы сказали, что, возможно, я согласился бы пойти вам навстречу и без просьбы мистера Вейла. Вы правы, это так. Скорее всего, так бы и случилось. Но меня настораживает, что вы обратились к нему, и я хочу кое с кем посоветоваться. Потом дам вам знать о своем решении.

Вулф нахмурился:

— Надеюсь, вы не собираетесь советоваться с

мистером Хейтом?

— Нет, конечно. Я советуюсь с человеком, взгляды и интересы которого полностью совпадают с моими. С моей женой. Скоро я вам перезвоню.

— Чем быстрее, тем лучше.

— По всей видимости, сегодня вечером, — кивнул Джессап. — Где вас найти? У мисс Роуэн?

Вулф, продолжая хмуриться, сказал, что да, и Джессап открыл дверцу, вылез и направился к своей машине. При развороте на пути его «форда» оказалось бревно, и Джессапу пришлось немного повозиться, чтобы вырулить на дорогу. Вот почему я всегда ставлю машину носом к выезду — предпочитаю, чтобы помех на пути не было.

— Значит, теперь все зависит от женщины, — изрек я, когда «форд» затрясся вдоль каньона.

— Он осел! — прорычал Вулф. — Еще не родились два человека, взгляды и интересы которых полностью совпадают.

— Юристу следовало знать это. Кстати, он отъявленный лгун. Без вмешательства Вейла он бы даже не чихнул в вашу сторону и, конечно, не прикатил бы к усыпальнице Уэдона на встречу с вами.

Я повернул ключ в замке зажигания, и мы тронулись. Часы показывали без трех минут шесть,

и я был рад, что позвонил Лили. Когда мы выбрались на дорогу, я осведомился, предпочитает ли Вулф ехать помедленнее и объезжать ухабы и колдобины или ехать быстро и не обращать на них внимания, но в ответ удостоился только свирепого взгляда.

Когда до Лейм-Хорса оставалось около мили, Вулф внезапно заговорил:

— Останови машину.

Голос прозвучал громче обычного, почти как крик, но Вулф всегда говорил так во время езды. К тому же забыл добавить «пожалуйста», но я не стал обижаться. Я притормозил, съехал на обочину, заглушил двигатель и спросил:

— Что случилось?

— Мы могли бы сейчас воспользоваться телефоном мистера Степаняна?

— Думаю, да. Вуди живет в том же здании, с другой стороны.

— Тогда позвони Солу. Сколько сейчас времени в Нью-Йорке?

— Восемь. Чуть больше. Он должен быть дома. По четвергам у него вечер покера.

— Свяжись с ним. Мне не нравится возможность, пусть даже призрачная, что трижды в день мы сидим за одним столом с убийцей, а особых

полномочий на то, чтобы это выяснить, нам не требуется. Пусть Сол узнает, не общался ли мистер Броделл во время своих посещений Нью-Йорка с мисс Кейдани или с мистером Уорти. Ты можешь достать фотографии и выслать их Солу, чтобы никто об этом не узнал?

— Наверное, но вряд ли это понадобится. Она актриса, и Солу не составит труда разыскать ее снимки. А что касается Уорти, его фотографии наверняка есть в издательствах. Может, я сперва позвоню мисс Роуэн и скажу ей?

— Позже скажешь, или даже я скажу. Я сам оплачу гонорар и расходы Сола.

— Она хочет оплатить все сама.

— Хорошо. В конце концов, это пустяки.

Выехав на дорогу, я решил записать слова Вулфа в блокнот, чтобы потом тыкать ему в глаза: надо же, пара тысяч для него, оказывается, пустяки! С каких это пор, а?

Глава 6

Издававшаяся на восьми полосах газета «Вестник округа Монро» выходила в Тимбербурге раз в неделю, по пятницам. В Лейм-Хорс ее доставляли примерно к пяти часам в универмаг «Вотер». На ранчо Лили мы обычно получаем газету в субботу, а порой даже в понедельник или во вторник. Но в эту пятницу в пять часов я уже поджидал в универмаге и купил сразу два экземпляра. А в половине шестого мы сидели с Вулфом в его комнате и обсуждали заметку на первой полосе под заголовком:

ДЖЕССАП ПРИВЛЕКАЕТ НИРО ВУЛФА К РАССЛЕДОВАНИЮ УБИЙСТВА НА ТЕТЕРЕВИНОЙ ГРЯДЕ

Знаменитая нью-йоркская ищейка расследует убийство Филипа Броделла.

Окружной прокурор Томас Р. Джессап сообщил сегодня, что договорился со знаменитым частным сыщиком Ниро Вулфом и его доверенным помощником Арчи Гудвином о том, что они примут участие в расследовании произошедшего 25 июля убийства Филипа Броделла из Сент-Луиса,

который проживал на ранчо Уильяма Т. Фарнема неподалеку от Лейм-Хорса.

В ответ на вопрос корреспондента «Вестника», ожидает ли он, что Вулф и Гудвин добудут улики, которые усилят позицию обвинения в деле Харви Греве, находящегося сейчас в тюрьме округа, Джессап сказал: «Не совсем. Если бы я считал позиции обвинения недостаточно сильными, Греве не сидел бы сейчас в тюрьме без права выхода под залог. Просто я узнал, что мистер Вулф сейчас не занят, и решил, что жители округа Монро и всего штата Монтана заслужили, чтобы этим делом, которое вызвало общенациональный интерес, занялся такой выдающийся сыщик, как Ниро Вулф».

Окружной прокурор также добавил: «Я буду постоянно контролировать действия Вулфа и Гудвина. Дополнительных расходов для налогоплательщиков округа не предвидится, поскольку от гонорара сыщики отказались, а все улики, найденные ими, будут самым тщательным образом проверяться и анализироваться в моем офисе. Если им не удастся найти новые улики, то ничего не изменится. Если же новые улики будут выявлены и подтверждены нашими работниками, то, я уверен, жители округа согласятся со мной в том,

что Вулф и Гудвин оказали нам услугу».

В ответ на вопрос, известно ли ему, что Арчи Гудвин, гостящий на ранчо «Бар Джей-Эр» у мисс Лили Роуэн, пытается самостоятельно раздобыть улики, которые могут ослабить позицию обвинения, а не усилить ее, окружной прокурор сказал, что ничьи личные интересы, включая Арчи Гудвина, не повлияют на исполнение его служебного долга.

«Единственное, чего я хочу, — сказал он, — и чего хотят жители округа Монро, так это правды, одной лишь правды и ничего, кроме правды».

В ответ на вопрос корреспондента «Вестника», советовались ли с ним по поводу обращения к Вулфу и Гудвину, шериф Морли Хейт сказал: «Никаких комментариев». В ответ на последующие вопросы он говорил только: «Мне нечего добавить».

Ниро Вулф, также гостящий на ранчо у мисс Роуэн, в ответ на обращение к нему по телефону нашего корреспондента сказал, что ничего говорить не будет, поскольку считает, что все сведения о его участии в расследовании должны исходить только от окружного прокурора Джессапа.

Все эти новости мы получили непосредственно

перед выходом номера и гордимся, что наша газета первой сообщила об этом. Нечасто на долю провинциального еженедельника выпадает такая удача. Пять экземпляров мы отсылаем в Библиотеку Конгресса в Вашингтон. Свой номер сохраните. Когда-нибудь он будет стоить приличную сумму.

Читая, Вулф несколько раз корчил гримасы, но во время обсуждения выразил недовольство лишь по поводу двух слов. Он сказал, что «ищейка» — это вульгаризм, а «контролировать» — вранье и бахвальство. Со всем остальным Вулф согласился.

Накануне вечером, когда позвонил Джессап, мы с Вулфом немного поспорили. Джессап сказал, что интересы общества побудили его принять наше предложение и привлечь нас к расследованию, так что утром в одиннадцать мы можем явиться в прокуратуру и получить письменные полномочия. Вулф сказал, что приеду только я. Я слегка удивился, когда Джессап не стал настаивать на том, чтобы Вулф явился лично, но он, должно быть, опасался, что Вулф потребует для ознакомления дело Греве.

Поспорили же мы немного позже. Я сказал, что, получив письменные подтверждения наших

полномочий, первым делом заскочу на автозаправочную станцию, чтобы побеседовать с Джилбертом Хейтом. Вулф же сказал, что нет, мол, Хейт подождет. Я начал упрямиться, делая упор на то, что, помимо всего прочего, хотел бы посмотреть на его физиономию, когда он увидит мои новые документы.

— Нет! — отрезал Вулф. — Чтобы разоблачить его алиби, нужно доказать, что лгут свидетели, подтверждающие его, а это может подождать.

— Я хочу сказать Хейту, что у меня есть к нему пара вопросов, а потом спрошу, предпочтет ли он ответить сразу или пройти со мной в офис прокурора, чтобы ответить там. Да, именно так я и сделаю.

— Нет!

— А я говорю — да! — запальчиво выкрикнул я.

Это было настоящее столкновение. Наши взоры скрестились. Мой дружелюбный взгляд выражал позицию равноправного партнера, сознающего свою правоту и понимающего, что спорить бесполезно. А вот глаза Вулфа превратились в едва различимые щелочки. Он закрыл их, испустил два тяжелых вздоха, потом открыл глаза.

— Сегодня восьмое августа, — произнес он. —

Четверг.

— Совершенно верно.

— Твой отпуск закончился в среду, тридцать первого июля. Насколько тебе известно, я захватил чековую книжку с собой. Выпиши чек на свое жалованье за полторы недели, которые истекают в воскресенье, а затем выписывай чеки еженедельно, как обычно.

Я приподнял одну бровь, что меня частенько выручает, поскольку Вулф так не умеет. Нужно было взвесить «за» и «против»: я знал местный народец и местные обычаи, а Вулф — нет; отпуск за свой счет я взял по собственному желанию, а не по предварительной договоренности с Вулфом.

«За» были такие: приезд сюда Вулфа, чтобы побыстрее вернуть меня в Нью-Йорк, также состоялся по его собственной инициативе, а не по договоренности со мной; если для него две тысячи долларов — пустяки, то для меня такая сумма небезразлична; наконец, напряжение, вызванное необходимостью вспоминать о том, чтобы говорить «пожалуйста», оказалось явно непосильным для Вулфа и портило его манеру выражаться. В итоге доводам «за» потребовалось около минуты, чтобы одержать верх. Я набросал цифры на листке бумаги, который выдрал из

блокнота: 600 долларов за вычетом федерального подоходного налога (153 доллара 75 центов), подоходного налога штата Нью-Йорк (33 доллара) и социального страхования (23 доллара 88 центов), потом достал из ящика стола чековую книжку, выписал на имя Арчи Гудвина чек на сумму 389 долларов 37 центов и передал книжку Вулфу вместе с ручкой. Вулф молча подмахнул чек.

— Ладно, — сказал я. — Ваша взяла. Каковы указания? Что вы считаете более важным, чем допрос Джилберта Хейта?

— Не знаю. — Вулф встал. — Пора спать. Завтра решим.

А назавтра, в пятницу, погода внезапно испортилась. Обычно здесь, на восточных отрогах Скалистых гор, солнце летом жарит вовсю. За весь июль не набралось и трех дней, когда, седлая лошадей, мы подумывали о том, не прихватить ли с собой пластиковый плащ. Но именно в эту пятницу ни с того ни с сего зарядил дождь. Он лил не переставая и когда я встал поутру, и когда поехал в Тимбербург, и когда вернулся, опоздав к ланчу, и в пять часов, когда я отправился в Лейм-Хорс за «Вестником округа Монро». Я не обвиняю Вулфа в бездействии. Наши полномочия, отпечатанные на фирменном бланке прокуратуры

и подписанные самим Джессапом, выглядели и впрямь впечатляюще, но я согласился с Вулфом, когда тот предложил дождаться выхода «Вестника» с сенсационными новостями.

Ужинали мы на кухне, поскольку дождь лил как из ведра и на террасе было холодно и сыро. Экземпляр «Вестника», привезенный мной для Лили, лежал на полке. Должно быть, Лили подумала, что Мими тоже не помешает узнать о новом статусе двоих гостей. Остальные уже прочитали газету. Когда мы с Вулфом вошли, Диана оторвалась от тарелки и одарила нас таким взглядом, словно видела впервые, а Уэйд сказал:

— Поздравляю! Я и не знал, что вы такие знаменитости. Когда начнется потеха?

Я ответил, что только после ужина, поскольку у нас не принято обсуждать деловые проблемы за едой. Мы с Вулфом решили, что пока не станем рассказывать Лили о моем звонке Солу. Вряд ли ей пришлось бы по душе, что мы копаемся в прошлом ее гостей; а если Сол убедится, что оба они в порядке, то Лили никогда и не узнает о нашей затее. Я и сам испытывал неловкость, передавая Диане соль или спрашивая Уэйда, как продвигается работа. Вулфу, должно быть, тоже было не по себе. В этом не было никакого смысла, так

как они чертовски хорошо знали, что были бы подозреваемыми, если бы у них был какой-либо мотив. Однако имелся один шанс из десяти миллионов, что Сол не промахнется, и в таком случае возникнут проблемы с поведением, которые не описаны в правилах этикета Эйми Вандербильт. Тем не менее, пока мы уплетали телячью ногу, зеленую лимскую фасоль (из морозилки), хлеб выпечки миссис Барнес, нарезанные помидоры, черничный пирог с кофейным мороженым, мне доставляло удовольствие наблюдать за тем, как Диана решает проблему, менять ли свое поведение с нами, и если да, то как. Что касается Уэйда, то он решил сразу. Для него мы по-прежнему оставались собратьями-гостями, с которыми можно было вести беседы о бейсболе (со мной) или о структурной лингвистике (с Вулфом).

В дождливую погоду не сыскать лучшего занятия, чем провести вечерок возле приятно потрескивающего камина. Все отправились туда пить кофе, а мы с Вулфом уединились в его комнате, чтобы обсудить планы на завтрашний день. Однако, вместо того чтобы устроиться в кресле, Вулф остался на ногах и спросил:

— У мистера Фарнема есть телефон? — (Я ответил, что да.) — Он прочитал «Вестник»?

— Наверное.

— Позвони ему. Скажи, что мы хотим приехать и поговорить с ним и всеми остальными.

— Утром?

— Сейчас.

Я едва не сморозил глупость. Я уже раскрыл рот, чтобы произнести: «Там же дождь», но вовремя сдержался. Люди удивительно быстро ко всему привыкают. Не счесть, сколько раз Вулф отказывался посылать меня по всяким поручениям только из-за того, что шел дождь или снег. А уж его самого выманить из дому в плохую погоду могло только что-то исключительное, например возможность приобрести новый вид орхидеи. Видимо, теперь случай был еще исключительнее — Вулф стремился как можно быстрее вернуться домой, — поэтому я, ни слова не говоря, протопал по коридору до гостиной, вошел, прошагал к столу, на котором стоял телефон, снял трубку и набрал номер. Четыре гудка, потом мужской голос сказал:

— Алло?

— Билл? Арчи Гудвин.

— О, приветик. Я прослышал, что вы заимели полицейские бляхи.

— Не совсем. Пока только удостоверения. Вы,

судя по всему, прочитали «Вестник»?

— Еще бы! Надо же: и вы, и Ниро Вулф! Теперь только пух и перья полетят, да?

— Надеюсь. Мы с мистером Вулфом хотели бы заскочить к вам и побеседовать с вами, вашими работниками и постояльцами… Если вам удобно, конечно. И особенно с Сэмом Пикоком. Скоротаем дождливый вечер.

— Почему «особенно с Сэмом Пикоком»?

— Потому что человек, нашедший тело, всегда заслуживает особого внимания. Но и остальные нас тоже интересуют… прежде всего те, кто больше знал Броделла. Хорошо?

— Конечно. Почему нет? Мистер Дюбуа как раз сказал, что мечтал бы познакомиться с Вулфом. Приезжайте.

Он положил трубку. Лили, Диана и Уэйд сидели возле камина, уставившись в телевизор. Я спросил Лили, можно ли нам воспользоваться ее машиной, чтобы съездить к Фарнему. Она ответила, что да, мол, конечно, и не стала задавать лишних вопросов. Тогда я отправился в свою комнату, чтобы взять пластиковые плащи от дождя.

Мне никогда прежде не доводилось видеть Вулфа в непромокаемом плаще с капюшоном, а у Лили все они были ярко-красного цвета, причем

все одного размера, так что Вулф с превеликим трудом натянул на себя плащ. Зрелище вышло — обхохочешься. Представляете: ярко-красный плащ в сочетании с его мрачной физиономией! Она оставалась мрачной и тогда, когда мы, добравшись до ранчо Фарнема, вылезли из машины и пошлепали по лужам к дому, светя себе под ноги фонариками. Добравшись до входа, я постучал. Дверь нам открыл сам Уильям Т. Фарнем.

Поздоровавшись за руку с Фарнемом, Вулф отдал ему плащ, а потом выступил во всем блеске. Он вообще обожает показуху, но в данном случае убил сразу двух зайцев: произвел впечатление на зрителей и избежал необходимости обмениваться с ними рукопожатиями. Помимо Фарнема, в гостиной было еще шестеро: трое мужчин и одна женщина сидели за карточным столиком у камина и еще двое мужчин стояли рядом с ними и разговаривали. Вулф прогромыхал в гостиную, остановился шагах в четырех от карточного столика и сказал:

— Добрый вечер. Мистер Гудвин рассказал мне о вас. Рад познакомиться, миссис Эймори, — кивнул Вулф женщине и перевел взгляд на сидевшего напротив круглолицего, начинающего лысеть мужчину с густыми бровями. — И с вами, доктор

Роберт Эймори из Сиэтла. — Потом он кивнул в сторону соседа миссис Эймори слева, широкоплечего небритого здоровяка около сорока лет, с квадратным подбородком: — А вы мистер Джозеф Колихан из Денвера. — Затем кивнул игроку справа от миссис Эймори, лет сорока пяти, со смуглым лицом и кустистыми бровями: — Мистер Арман Дюбуа, также из Денвера. — Вулф посмотрел на мужчину, стоявшего за спиной Эймори, лет шестидесяти, с обветренной кожей, пышной седой шевелюрой, в комбинезоне и розовой рубашке, порванной на плече: — Мистер Берт Маги. — И наконец, последний кивок в сторону низкорослого мужчины, расположившегося за спиной Колихана, лет тридцати, с тонкой гусиной шеей, худым вытянутым лицом, также в комбинезоне и засаленной кожаной рубашке, с красно-белым шейным платком: — Мистер Сэм Пикок.

Фарнем, повесив наши плащи, произнес:

— Как видите, все в полном сборе.

Из шести присутствующих мужчин, не считая меня с Вулфом, он был единственным, кого бы я назвал красивым — настоящий голливудский ковбой. Он обратился к Вулфу:

— Не желаете промочить горло? У меня найдется все, что душе угодно, от речной воды до

бобровой струи.

— Он пьет пиво, — заметил Арман Дюбуа.

— Принести пива? — спросил Фарнем.

— Спасибо, пока не надо. Может быть, попозже. Как вам известно, мы с мистером Гудвином расследуем убийство. Однако я вижу, что мы помешали вашей игре.

— Бридж — это не игра, а драка, — улыбнулся Дюбуа. — Мы режемся уже целый день. — Он отодвинул стул и встал. — Мы бы предпочли послушать, как вы ведете допрос. По меньшей мере я предпочел бы.

— Я слышал, что вы жестокий человек, — добавил Фарнем, — хотя с виду вы таким не кажетесь. Хотя, как сказал один заезжий хлыщ, глядя на строптивую кобылу: «По внешности не судят». Как вам лучше допрашивать нас, поодиночке или всем стадом?

— На индивидуальный допрос не хватило бы и всей ночи, — ответил Вулф. — К тому же мы приехали поговорить, а не вести допрос. Присядем?

По обеим сторонам камина вдоль стены стояли два длинных дивана. Дюбуа и Фарнем отодвинули карточный столик и кресла. Зная, что Вулф согласится сесть на диван с кем-нибудь еще только в том случае, если никакого другого выхода

не будет, я выбрал самое просторное кресло и поставил его напротив диванов. Потом принес кресло для себя. Фарнем, Пикок, Маги и Колихан уселись на диван слева от нас, а Дюбуа и чета Эймори заняли правый диван. Миссис Эймори, едва успев сесть, заговорила:

— Я стараюсь угадать, о чем вы меня спросите. Честно говоря, сегодня из-за этой холодрыги я так наклюкалась, что с трудом представляю, как буду вам отвечать. — Она поспешно прикрыла рукой рот, чтобы подавить отрыжку. — Ладно, авось как-нибудь выкручусь.

— Не советую, мадам. Мистер Гудвин полностью ввел меня в суть дела. — Вулф обвел всех семерых глазами. — Мне известно, как каждый из вас провел тот четверг, известно также, что вы говорили мистеру Гудвину. Я также знаю, что все, за исключением миссис Эймори, считают, что убийца — мистер Греве. Мы же с мистером Гудвином думаем иначе. Мистеру Джессапу это известно, но он знает, что мы вовсе не намереваемся состряпать выгодные для нас улики. Мы намерены добыть истинные доказательства, а начать это лучше всего здесь, среди людей, в обществе которых мистер Броделл находился последние три дня и три ночи. Первый вопрос

к вам, мистер Фарнем. Вы знаете, что пули на месте преступления не обнаружены, но характер ранений позволяет судить о том, какое ружье было использовано. У вас есть ружье?

— Конечно. Как и почти у всех остальных.

— Где вы держите ружье?

— В стенном шкафу в моей комнате.

— Шкаф заперт?

— Нет.

— Ружье заряжено?

— Нет, конечно. Кто же станет держать дома заряженное ружье?

— А патроны у вас есть?

— Да. Естественно. Кому нужно ружье без патронов? Они на полке в том же шкафу.

— Было ли в тот четверг какое-либо другое ружье на вашем ранчо?

— Настоящих ружей больше нет. Но у меня есть еще два дробовика и револьвер, да и у Берта Маги есть дробовик. И все.

— Вы сказали мистеру Гудвину, что в тот день ездили с миссис Эймори верхом по тропе в верховье Берри-Крика. Это так?

— Да.

— Весь день?

— С двух часов дня и до самого вечера.

— Значит, вы не знаете, как провело это время ваше ружье. Любой мог воспользоваться им, а потом вернуть на место. Когда вы увидели ружье в следующий раз, оно было точно в таком же положении, в каком вы его оставили?

— Чушь собачья! — Фарнем повысил голос. — По-моему, сыщик вы никудышный. Если я отвечу, что да, мол, ружье было точно в таком же положении, то вы скажете, что я пошел смотреть на него, когда узнал об убийстве Броделла, то есть заподозрил, что шлепнуть его мог кто-то из моих постояльцев. Нет, репутация у вас липовая. На такие уловки и ребенок не попадется. — Он встал и шагнул вперед. — И вообще, уносите отсюда ноги подобру-поздорову. Здесь мои гости и мои работники, и нам претит слушать всякую галиматью. Валите отсюда!

Плечи Вулфа дернулись вверх на одну восьмую дюйма и снова опустились.

— Я считал, что лучше для вас и для нас принять мое предложение, — произнес Вулф. — Вызывать вас по очереди в прокуратуру будет хлопотно для меня и причинит массу неудобств вам. Если вы отвергаете мысль о том, что один из присутствующих здесь мог убить мистера Броделла, то вы попросту недоумок. С какой стати, по-вашему, я

приехал бы сюда под таким дождем? Я сказал, что мы приехали поговорить, а не вести допрос, но, когда речь идет об убийстве, вы не в праве ожидать, что все вопросы покажутся вам невинными. Итак, мы продолжаем здесь или в другом месте?

— Билл, это вовсе не ерунда, — сказал Дюбуа. — Да, это правда, что все мы, кроме миссис Эймори, считаем, что Броделла убил Греве, но Ниро Вулф отнюдь не простофиля. Я же говорил тебе, что шериф зря не поинтересовался твоим ружьем. Он даже не осмотрел его.

— Нет, осмотрел, — возразил Фарнем. — На следующий день, в пятницу.

— Вот он-то и в самом деле никудышный сыщик. Сядь и остынь. — Дюбуа повернулся к Вулфу. — Поговорите со мной, пока он придет в себя. В тот день мы с Джо Колиханом и Бертом Маги лазили по горам по ту сторону речки. Алиби у нас есть, но мы с Джо друзья, так что он, безусловно, соврет, чтобы выручить меня. Так же, как и я его. Поэтому можете допросить меня с пристрастием.

— Позже! — отрезал Вулф. — Я еще не закончил с мистером Фарнемом. — Он повернул голову и уставился на Фарнема. — Чтобы больше не возвращаться к вашему ружью, вопрос такой:

проверяли ли вы свое ружье и патроны после того, как узнали о смерти Броделла, думая, что убийца мог воспользоваться этим ружьем?

— Конечно. — Фарнем снова сел. — В тот же вечер. Любой поступил бы так на моем месте. Должен же я был удостовериться, на месте ли ружье. Оно было на месте, из него не стреляли, и все патроны были целы.

Вулф кивнул:

— Я не спрашиваю, не закрадывались ли в вашу голову мысли о том, кто именно мог взять ружье, когда вы шли проверять, на месте ли оно. Вы скажете, что нет, а только вы знаете, что на самом деле творится в вашей голове. Мой же вопрос такой: за те три дня, что провел здесь мистер Броделл, не возникали ли ссоры между ним и кем-нибудь еще?

— Нет.

— Билл, не надо, черт побери! — Высокий голос Джозефа Колихана плохо сочетался с широченными плечами и квадратным подбородком. — Этому человеку нужны факты. — Он повернулся к Вулфу. — Мы повздорили с Броделлом в первый же день, когда он приехал. В понедельник. Я жил здесь уже две недели и ездил на той самой лошади, на которой в прошлом году ездил Броделл.

Он снова потребовал себе эту лошадь, но и мне она нравилась. Во вторник утром, выйдя из дому, я увидел, что Броделл уже оседлал ее, и тогда я снял седло. Он замахнулся уздечкой и рассек мне кончик уха, а я в ответ угостил его парой увесистых тумаков. После этой стычки мы не разговаривали, но на лошади ездил я, так что причины убивать его у меня не было. К тому же я не охотник и понятия не имею, как заряжать ружье. Я даже не знал, что у Фарнема оно есть.

— Я тоже не знал, — вставил Дюбуа, — хотя доказать это не могу.

— Кто-нибудь из вас ранее был знаком с мистером Броделлом? — спросил Вулф.

Оба ответили, что нет.

— А вы, доктор Эймори? — поинтересовался Вулф, повернув голову вправо. — Видели ли вы мистера Броделла хоть раз до того понедельника?

— Нет, — твердо заявил Эймори; его звучный голос в самый раз подошел бы Колихану.

— А вы, миссис Эймори?

— Нет.

Вулф не отрывал от нее взгляда.

— А какого мнения вы были о нем?

— Вы имеете в виду Филипа Броделла?

— Да.

— Э-э-э… Я могла бы что-нибудь придумать, поскольку того, что творится в моей голове, вы тоже не знаете. Но я, как вам известно, на вашей стороне. Хотя уверена, что никто из присутствующих Броделла не убивал. Мое мнение о нем… Понимаете, мы знали о его приезде заранее и знали, что он отец ребенка этой девушки, так что можете себе представить, что я о нем думала. Сами знаете, как устроен женский ум.

— Нет! — решительно ответил Вулф. — Никто этого не знает. А почему вы на моей стороне?

— Уж слишком они все уверены в своей правоте. Оскорбленный отец, поруганная честь дочери и — вперед, ура! Что касается Филипа Броделла, то я была настолько поглощена тем, чтобы попытаться понять, как он мог соблазнить эту девушку — она же из тех девушек, которых называют порядочными, — что даже не успела составить о нем твердого мнения. Потом, к чему это сейчас?

— Кто знает, возможно, оно помогло бы мне. Одна из версий, предложенных мистеру Гудвину, заключалась в том, что мистер Броделл соблазнил вас, а ваш муж, узнав об этом, устранил его. Привлекательность этой гипотезы еще и в том, что у вашего мужа нет алиби.

Муж и жена открыли рот одновременно. Мистер Эймори презрительно что-то буркнул, а миссис Эймори изумленно фыркнула.

— Такое могла предположить только дочка Греве, — сказала она. — Конечно. Да ему и за три года не соблазнить меня, не то что за три дня. — Она посмотрела на меня. — А почему вы меня не спросили?

— Я пытался решить, как это преподнести, — ответил я. — Кстати, версию высказала вовсе не мисс Греве.

— Я знаю, — начал Эймори, — что при расследовании убийства на подозреваемых льется поток оскорблений и нелепостей, но мы вовсе не обязаны поощрять это. Так вот, в тот день я прошел миль десять вдоль речки и ружья у меня не было, а моя жена, как вам известно, была вместе с мистером Фарнемом. Ни один из нас не знает ничего, что имело бы отношение к вашему расследованию. Я живу в другом штате, но законы у нас в основном одни, и я хочу узнать, насколько вы правомочны вмешиваться. Если полицейский задает нелепые вопросы, то гражданин вправе, ответив на них, избавиться от него, но при чем тут вы? Если вы сказали окружному прокурору что-то такое, что заставило его усомниться в

виновности Греве, то скажите это и нам, если хотите, чтобы к вам относились с уважением. Почему прокурор наделил вас особыми полномочиями?

— Чтобы застраховаться, — ответил Вулф.

— Застраховаться? От чего?

— От возможности провала, в случае если я докажу, что моя репутация вполне заслуженна. Вы, конечно, знаете, доктор Эймори, что ценность репутации определяется ее статусом. Слава чемпиона по бегу или метателя диска носит объективный характер, поскольку определяется показаниями секундомера или измерительных приборов. А в вашей профессии? Слава практикующего врача тоже частично объективная — столько-то пациентов выздоровело, а столько-то умерло, — но она зависит также от факторов, которые не поддаются объективной оценке. Например, коллеги могут считать врача, которого высоко ценят больные, шарлатаном. А репутацию профессионального сыщика и вовсе трудно оценить объективно, а то и невозможно. В основе его подвигов, которыми восхищается публика, может быть, например, чистое везение. Возьмите меня. Меньше дюжины человек достаточно компетентны, чтобы подтвердить, что моя репутация

вполне заслуженна.

— Один из них — Арчи Гудвин, — подсказал Дюбуа.

— Вы правы, но он необъективен. Мнение ex parte[4] всегда вызывает подозрение. — Вулф обвел взглядом присутствующих. — Мистер Джессап узнал достаточно, чтобы осознать, что в интересах дела следует предоставить мне особые полномочия. Он проявил благоразумие, чтобы не выяснять у меня, почему мы с мистером Гудвином отвергаем всеобщую убежденность в виновности мистера Греве, и знал, что мы будем стоять на своем, пока не раздобудем убедительные доказательства. Что же касается нашего приезда сюда, то мы не настолько наивны, чтобы рассчитывать хоть на какой-то успех от банальных вопросов. Взаимные алиби возможных подозреваемых компетентный следователь в расчет не принимает. Мистер Дюбуа, вы предложили, чтобы я подверг вас допросу. Поверьте, в этом случае я уже не буду задавать вам нелепые вопросы.

Он вновь обвел всех глазами.

— Я надеялся, что, встретившись с вами, смогу получить представление о возможных разно-

---

[4] Примечания: 4

Здесь: со стороны заинтересованного лица *(лат.)*.

гласиях, которое может оказаться полезным в расследовании. Трудно ожидать, чтобы пять человек прожили вместе под одной крышей без сучка без задоринки целых три дня. Я должен был решить, стоит ли тратить время и силы на то, чтобы расспрашивать каждого из вас поодиночке обо всем, что говорилось и делалось каждую минуту из трех дней пребывания здесь мистера Броделла. Так вот, я решил, что не стоит. Я не заметил никаких признаков враждебности или разногласий, которые позволили бы мне надеяться на то, что кто-нибудь из вас поделится со мной своими подозрениями относительно контактов любого другого члена вашего коллектива с мистером Броделлом. Так что, если кто-то из вас и знал мистера Броделла раньше, здесь я об этом не узнаю. Возможно, придется поехать в Сент-Луис, его родной город, или послать туда кого-нибудь. Но я надеюсь, что этого не понадобится.

— Я бы все равно не возражал против того, чтобы меня допросили, — не унимался Дюбуа. — Когда хотите.

— Я тоже, — решительно заявила миссис Эймори. — Если только…

— А я вот против, черт побери! — выпалил Фарнем. — По-моему, вы просто пустобрех. И чем

быстрее вы отправитесь в Сент-Луис, тем лучше. С нами вы уже поговорили. Дверь позади вас!

Вулф кивнул:

— Возможно, у вас и в самом деле скверный характер либо вы опасаетесь чего-то, что может выплыть в ходе расследования. Прежде чем уйти, я должен побеседовать еще с одним человеком, который может знать кое-что полезное для меня. Но сначала, мистер Маги, вопрос к вам. В тот четверг вы сопровождали мистера Дюбуа и мистера Колихана в горы по ту сторону речки. Так?

— Да, — кивнул Берт Маги.

— Это заняло у вас весь день?

— Ага.

— В котором часу вы вернулись?

— Около шести.

— Вы знаете, что я ищу: любые сведения, догадки, намеки, которые подтвердят мою гипотезу о невиновности мистера Греве. Вы можете мне помочь?

— Нет. Ясно, что Харви застрелил его. Это проще пареной репы, но я надеюсь, что его оправдают.

— Это было бы гуманно, но противозаконно, — произнес Вулф. — Мистер Пикок, у меня к вам много вопросов, в основном по мелочам. Вы часто общались с мистером Броделлом в течение тех

трех дней?

Сидя между двумя здоровяками, Фарнемом и Маги, Сэм Пикок казался еще тщедушнее, чем был на самом деле. Красно-белый шейный платок, вместо того чтобы скрывать его тонкую гусиную шею, наоборот, привлекал к ней внимание. Бегающие серые глазки, прежде чем посмотреть на Вулфа, метнулись к лицу Фарнема.

— Угу, — пробормотал он. — Можно сказать, что часто. В прошлом году я дал ему блесну, на которую он поймал радужную форель весом шесть фунтов. С тех пор он ко мне проникся. А в этот раз, когда Броделл приехал, Билл послал меня в Тимбербург встретить его. Так первым делом Броделл спросил, есть ли у меня еще такая блесна.

— В котором часу он приехал?

— В Тимбербург его доставил полуденный автобус, но он еще долго копался, собирая всякое барахло. Так что сюда мы приехали уже… Билл, когда мы приехали?

— Часов в пять, — не задумываясь, выпалил Фарнем.

— Да, наверное. Или даже немного позже.

— Вы присутствовали, когда мистер Броделл встретился с остальными постояльцами? С доктором и миссис Эймори, мистером Дюбуа и

мистером Колиханом?

— Нет, сэр. Я, должно быть, ужинал на кухне с Бертом. А потом Фил попросил меня пойти с ним на речку, и я согласился, хотя в мои обязанности это не входило.

— Вы обращались к нему по имени? — уточнил Вулф.

— Угу. Он сам так предложил еще до того, как изловил ту форель.

— А во вторник вы с ним тоже общались?

— Да, сэр. — Пикок метнул взгляд на Колихана; глаза у него двигались быстрее, чем язык. — Как раз тем утром и вышла заваруха из-за Монти. Фил велел, чтобы я надел на него упряжь, и я так и сделал. А потом подошел мистер Колихан и… Он сам вам про это рассказал. Тогда я отправился на конюшню и вывел для Фила Геркулеса. Мы поехали верхом вниз по реке и вернулись только к ужину. Фил и Геркулес не больно поладили, но вам это вряд ли интересно, хотя Арчи я все это рассказал.

Вулф кивнул:

— Порой он бывает невнимателен к мелочам. Для меня важно все, что вы можете мне рассказать. А после ужина вы еще видели мистера Броделла?

— Нет, сэр. Он очень устал, да и я не стал заходить в дом.

— А на следующий день? В среду?

— Да, ему было уже лучше. Мы с Филом встали рано поутру и пешком отправились вверх по речке. Такую гигантскую форель он в тот раз не выловил, но корзину заполнил доверху. Так что день выдался удачный. Возле водопада он поскользнулся на мокром камне и свалился в воду, но ничего не сломал и обсох на солнце. Правда, к тому времени как мы подходили к дому, он едва волочил ноги, да и после целого дня езды на Геркулесе все кости у него болели, так что, когда я спросил его, какие у нас планы на следующий день, он сказал, что настолько разбит, что не встанет с постели, даже чтобы поесть. Но, как выяснилось, он все же вставал. Конни сказала, что на завтрак он уплел три рыбины и взял стопку пластырей для натертых мест.

— Кто такая Конни?

— Кухарка.

— А в четверг утром он тоже был с вами?

— Нет, сэр. Он сказал, что хочет просто пошататься по окрестностям и полюбоваться на Берри-Крик, а я хожу слишком быстро для него. А вот потом после ланча он сказал…

— Подождите, пожалуйста. Как долго он отсутствовал утром?

— Часа два. Может, чуть больше. А после…

— Куда он ходил, вверх или вниз по течению?

— Не знаю. Отсюда тянется прямая тропинка до излучины, а там сами выбирайте, куда идти. Думаю, что к заводи он не ходил, потому что не брал ни одной удочки.

— Он не говорил, что собирается с кем-нибудь встретиться?

— Нет, сэр. — Пикок принялся теребить кончик шейного платка. — У вас и впрямь много вопросов.

— Как-то раз мне довелось задать одной женщине десять тысяч вопросов. А то утро особенно интересует меня, поскольку, судя по всему, мистер Броделл впервые уходил в одиночку… А тропинка до излучины, о которой вы упомянули, нигде не проходит вблизи от дороги, по которой мы приехали?

— Проходит. В том месте, где огибает холм.

— Значит, мистер Броделл мог вовсе не идти на речку, если, допустим, договорился встретиться с кем-нибудь на дороге. Вы говорили с ним по возвращении?

— Нет. Только после ланча.

— И что он сказал? Что был на речке?

— Я не очень-то понимал, о чем он говорил. Если он сказал, что видел четырнадцатидюймовую форель Долли Варден в заводи над излучиной, то, возможно, он был у речки. Надо подумать. Может, он видел, а может, и нет. Иногда такие вещи говорят, потому что это звучит красиво. Во всяком случае, после ланча мы мало разговаривали. Я был у кораля, подрезал столб, когда он пришел и сказал, что собирается на гряду пособирать чернику. Это было в пять минут четвертого. Конни сказала, что, когда он вышел из дому, было пять, но у меня часы точнее. — Он посмотрел на запястье. — Сейчас, например, без девяти десять.

— И с тех пор вы его не видели… живым?

— Да, сэр.

— Где вы были в течение последующих пяти часов?

— Трудно сказать, — пожал плечами Пикок. — То тут, то там. Сперва вкапывал столб в корале, потом ковырялся с подковой, потом чинил подпругу и так далее.

— Но вы не покидали территорию?

— Смотря что вы понимаете под территорией, — ухмыльнулся Пикок. — Если вас интересует, не ходил ли я на гряду с ружьем и не подстрелил

ли там Фила, то нет, сэр. Это не входило в программу. Каждый раз, как Конни высовывалась и звала меня, я был на подхвате.

— И вы не видели никого с ружьем?

— Нет, сэр. Первым я увидел Билла, который вернулся с прогулки с миссис Эймори. Я принял у них лошадей. Когда вернулся Берт с мистером Дюбуа и мистером Колиханом, я умывался у себя в комнате. Сразу после ужина Билл снова спросил меня, не знаю ли я, где Фил, но добавить мне было нечего. Потом, когда зашло солнце, мы с Биллом и Бертом решили, что пора заняться поисками, и отправились на гряду. Я лучше знаю излюбленные места Фила, так что немудрено, что я его и нашел.

Вулф повернул голову и посмотрел на меня. Я понял его немой вопрос: «Не отличаются ли показания Пикока от сказанного им раньше?»

Я потряс головой:

— Все верно. Ни к чему даже пускать в ход наши полномочия.

Вулф снова обвел всех глазами и вдруг совершенно нагло соврал:

— Пожалуй, мне пора вмешаться. Прежде чем продвигаться дальше, я должен посоветоваться с мистером Джессапом, поскольку он контро-

лирует ход расследования. Мне представляется вполне вероятным, что по меньшей мере один из вас утаивает важные для нас сведения, но вряд ли нам удастся доказать это сейчас. Очевидный вопрос: можно считать относительно установленным, где каждый из вас был в четверг днем, но вот где вы были утром в течение тех двух часов, когда мистер Броделл отсутствовал? — Вулф покачал головой. — Мне не хотелось бы посылать мистера Гудвина в Сент-Луис, он нужен мне здесь, но я подумаю на сей счет. — Он встал. — Поразительно, насколько часто взрослые люди в здравом уме полагают, что им удастся скрыть от следствия факты, установить которые совсем не сложно. Я не забыл, мистер Дюбуа, о вашем желании подвергнуться допросу. Возможно, я этим воспользуюсь.

С этими словами Вулф повернулся и решительно зашагал к нише, где стояла вешалка, на которой оставались наши плащи и фонари. Я последовал за ним. Остальные не шелохнулись. Лишь когда я надвинул капюшон, из комнаты появился Фарнем, набросил плащ и открыл дверь. Я усомнился, что Фарнем вдруг стал вежливым. Видимо, ему просто понадобилось выйти по своим делам.

— Я вовсе не хочу, чтобы вы думали, будто я пытаюсь что-то скрыть, — сказал он. — Просто кое-какие факты совершенно не обязательно знать посторонним. Не думаю, что кому-нибудь здесь известно, что у отца Фила Броделла имеется закладная на мое ранчо, но если Гудвин поедет в Сент-Луис, то безусловно это выяснит, так что я решил, что лучше будет, если вы узнаете это от меня самого.

Вулф фыркнул:

— Закладная на большую сумму?

— Да, черт побери!

Фарнем захлопнул за нами дверь — гораздо сильнее, чем требовалось.

Глава 7

В субботу утром, в четверть одиннадцатого, я вошел в дверь на первом этаже здания суда округа Монро, на которой крупными черными буквами было выведено:

МОРЛИ ХЕЙТ

ШЕРИФ

Войдя, я, даже не удостоив взглядом блюстителя порядка, сидевшего за столом за загородкой, прошагал к двери в левой стене, распахнул ее и вошел.

Сказать по правде, я с некоторым злорадством предвкушал, как утру нос шерифу, рассчитывая с его помощью привлечь к ответу одного нарушителя правопорядка. А случилось вот что. Двадцать минут назад, в 9:55, я приехал на автозаправку «Престо», вышел из машины, вежливо поинтересовался у механика, где могу найти Джила Хейта, и проследовал в указанном направлении с яркого солнечного света в полумрак гаража, где Джилберт Хейт слева ставил банки с маслом на полку. Он выгнул длинную шею, чтобы посмотреть на меня, потом вернулся к своему занятию,

аккуратно поставил еще пару банок и наконец соизволил поздороваться:

— Добрутро.

Будь это вчера, а не сегодня и я бы пришел из прокуратуры с мандатом, подписанным Джессапом, то, конечно, немного развлекся бы, но сейчас это была просто работа.

— Лучше, чем вчера, — откликнулся я. — Настоящий дождь.

— Точно.

— Посидим немного, потолкуем?

— Я знал, что вы приедете, — кивнул он.

— Конечно. Но если ваш отец по-прежнему запрещает вам разговаривать со мной, то я могу сперва заскочить к нему. Труда мне это не составит.

— Пожалуй, да. Нет, сейчас он уже так не говорит. Он сказал, что закон есть закон. А закон он знает. Только вот разговаривать здесь неудобно. Слишком много людей. У вас есть бумага, подписанная окружным прокурором?

Я извлек из кармана конверт, достал из него подписанный Джессапом бланк, развернул и протянул Хейту-младшему.

Тот дважды перечел бумагу и возвратил мне:

— Вроде все нормально. Но говорить нам все-

таки лучше всего в его кабинете, чтобы соблюсти законность. Сестра забрала мою машину, так что поедем в вашей. Вернее, в машине мисс Роуэн.

Я мог бы съязвить насчет того, что «папочке лучше знать», но смолчал. Джилберт расставил по местам еще несколько банок, потом вышел, сообщил товарищам, что на некоторое время отлучится, — его отпустили, благо заправкой владел его отец, — и наконец залез на переднее сиденье универсала Лили. До здания суда ехать было около полумили. Как и в любое субботнее утро, поставить машину было негде, но я свернул, обогнул здание и въехал во двор мимо щита с надписью «Стоянка только для служебных машин». Во-первых, я теперь состоял на службе, а во-вторых, рядом со мной сидел Хейт. Дверь служебного входа была открыта, так что мы вошли и по длинному коридору направились к центральной лестнице. Я шел впереди, а Джилберт — следом. Мы миновали несколько дверей, три из которых по левую сторону были зарешечены, так как раньше здесь располагалась окружная тюрьма. Выйдя в просторный вестибюль, я повернул направо к лестнице, но на полпути оглянулся и остолбенел. Незаметно отставший сынок шерифа шмыгнул в боковой проход. Желания гнаться за ним у меня

не было, но я решил хотя бы выяснить, куда он спрятался, поэтому быстро прошел по коридору в вестибюль и подоспел как раз вовремя, чтобы заметить, в какую дверь он проскользнул.

Дежурный за столом что-то рявкнул и вскочил, когда я быстрым шагом направился к внутренней двери и вошел за перегородку. Я остановился у стола и сказал:

— Какого черта, если это законно!

Вы не встречались шерифом Морли Хейтом, что вполне справедливо, потому что он еще не появлялся в моих записках. А вот нам с Лили такое счастье уже выпадало. Его кумиром был Уайатт Эрп[5], поэтому он и одевался именно так, но револьвер носил в кобуре, подвешенной к ремню, как у полицейского штата, хотя и знал, что не должен. Большая трудность состояла в том, что он был прирожденным грубияном и «крышевателем», что, конечно, совсем не соответствовало образу Уайатта Эрпа. Как будто этого было недостаточно, он говорил разным людям, с двумя из которых я встречался, что, когда возникает проблема, которую нужно решить, он всегда спрашивает себя, что сделал бы Дж. Эдгар Гувер.

---

[5] Примечания: 5

Уайатт Эрп — американский страж закона времен освоения американского Запада.

В общем, в голове шерифа царила путаница, которую не мог бы сделать хуже даже опытный психоаналитик.

Поскольку Морли Хейт, безусловно, знал, чего следует от меня ожидать, с той минуты, как прослышал о наших новых полномочиях, и поскольку он сказал сыну, как поступить, мое появление не стало для него сюрпризом. Он даже не попытался прикинуться удивленным. Вместо этого он прищурился, как Уайатт Эрп, и прорычал:

— Почему вы так долго не приходили?

Его сыну Джилу, стоявшему рядом с картотечными шкафами, длинные конечности, включая лишние полтора дюйма шеи, достались от отца. Конечно, это не было идеальным для шерифа, но его все равно избрали. Одна из уловок шерифа заключалась в том, чтобы держать плечи приподнятыми и отведенными назад, чтобы они выглядели шире. Именно это он и делал сейчас.

У края его стола стоял простой деревянный стул. Я подошел к нему и сел.

— Мистер Вулф посчитал, что вчера у нас были более важные дела, — вежливо ответил я. — Пожалуй, впервые мне придется задавать вопросы подозреваемому в убийстве в присутствии шери-

фа. Нам понадобится стенографистка?

— Нет! — отрезал Хейт.

Открыв ящик стола, он пошарил в нем, достал несколько бумаг и выбрал одну из них.

— Вот дополнительный экземпляр протокола, подписанного одним из подозреваемых, которых я допросил. — Он протянул бумагу мне. — Читать, надеюсь, умеете?

Я взял бумагу, не моргнув и глазом. На стандартном листе с широкими полями через один интервал шел плотно напечатанный текст:

> Тимбербург, Монтана
> 27 июля 1968 года
>
> Я, Джилберт Хейт, проживающий в доме 218 на Джефферсон-стрит в г. Тимбербурге, штат Монтана, настоящим заверяю, что в четверг 25 июля 1968 года находился на автозаправочной станции «Престо» на Мейн-стрит с 12:50 до 14:25. Далее график моих передвижений таков, с точностью до пяти минут: с 14:35 до 16:25 я был в гостях у мисс Бесси Боутон, проживающей по адресу: Уиллоу-стрит, 360. С 16:40 до 17:05 я был в офисе «Кровельной компа нии Дауда» на Мейн-стрит, где

встречался с мистером Хомером Даудом. С 17:20 до 18:00 я посещал птицеферму мистера Джимми Негрона на шоссе 27 к югу от Тимбербурга.

Подпись: Джилберт Хейт

Свидетель: Эффи Т. Даггерс

Имена и фамилии были подпечатаны под собственноручными подписями. Ни к чему не придерешься. Шериф, конечно, ожидал, что я попытаюсь найти прореху в алиби Джилберта либо займусь выяснением личных отношений Джилберта с Альмой Греве и Филипом Броделлом, так что мне надо было сменить тактику. Хотя выбирать было особенно не из чего. Я аккуратно сложил документ, спрятал его в карман, прищурился и прогнусавил в лучшей манере шерифов из голливудских вестернов:

— Это только то, что касается его, и я это еще проверю. А вот как насчет вас? Где были вы с четырнадцати до восемнадцати часов в четверг двадцать пятого июля?

Результат превзошел мои ожидания. Его рука метнулась к кобуре, и на мгновение мне даже показалось, что кровопролития не избежать. Глаза шерифа вылезли из орбит, потом он заревел,

словно бык, которому выжигают клеймо:

— Ах ты, нью-йоркский подонок!

В следующий миг шериф рванулся со стула, но дальнейшие его действия я описать не в состоянии, так как, повернувшись к нему спиной, уже покидал кабинет.

Поскольку мне доводилось наведываться к дому 360 по Уиллоу-стрит, спрашивать дорогу было не к чему. Одноэтажный белый домик с крылечком в три ступеньки. Внутри я, правда, не бывал, поскольку мисс Боутон разговаривала со мной через затянутую сеткой дверь. На сей же раз мисс Боутон распахнула ее передо мной, так что я вошел. Похоже, она тоже ожидала моего визита, хотя признаваться в этом не стала. Проведя меня в небольшую уютную комнату с двумя окнами, одна стена которой была заставлена стеллажами с книгами, мисс Боутон сказала, что мне следовало позвонить, поскольку уик-энды она часто проводит на ранчо своего брата. Прежде чем сесть в самое большое из трех стоявших в комнатке кресел, мисс Боутон взяла с сиденья лежавшие там пяльцы с незавершенной работой. Видимо, портрет Томаса Джефферсона, который украшал спинку моего кресла, был выполнен ее руками.

— Два года я преподавала Джилберту Хейту

обществоведение, — сказала мисс Боутон. — Тридцать восемь лет назад, когда я только начала работать, этот предмет еще называли историей.

Я вежливо улыбнулся. Похоже, никакие вступления нам не требовались, но тем не менее я спросил, не желает ли она взглянуть на мой мандат.

Мисс Боутон помотала головой, постреливая на меня глазками. Оправа очков с толстыми линзами была слишком велика для ее маленького круглого личика.

— Джилберт видел ваш мандат, — ответила она. — Он сказал мне только что по телефону. В прошлый раз я и права не имела говорить с вами, ведь вы были просто незнакомцем, о котором я и знать ничего не знала. Теперь — другое дело. Кое-кто злословит, что зря, дескать, Том Джессап привлек на помощь посторонних — вас с Ниро Вулфом, — но я считаю, что он прав. Так и надо. Том — хороший парень. Он учился у меня в сорок третьем году, во время войны. Все мы граждане великой страны и живем по законам одной конституции. Так что вы хотите знать?

— Да только кое-какие мелочи, — сказал я. — Вам, конечно, известно, что когда совершается преступление, например убийство, то всех подо-

зреваемых допрашивают, а потом проверяют их показания. Вот, скажем, Джилберт Хейт показал, что пару недель назад провел здесь у вас часть дня. Это верно?

— Да. Он пришел в половине третьего, а покинул мой дом в половине пятого.

— В какой день это было?

— В четверг. Двадцать пятого июля.

— Почему вы так уверены, что именно в тот четверг?

Ее губы раздвинулись, обнажив два ряда мелких ровных белых зубов. Она, должно быть, считала, что улыбалась, хотя мне так не показалось.

— Думаю, — с расстановкой начала мисс Боутон, — что никому за последние тридцать восемь лет не пришлось ответить на столько вопросов, как мне. Я уже заранее знаю, какие вопросы ждать, и поэтому решила, что лучше всего рассказать все как есть. Так вот, прослышав на следующий день, что этого человека убили, я сказала себе: «Теперь Джилберту не придется мазать его дегтем и вываливать в перьях».

— Вот как?

Она кивнула, и стекла очков снова заблестели.

— Вам, конечно, хочется знать, что делал здесь

Джилберт целых два часа. Так вот, мне потребовалось столько времени, чтобы убедить его. Не скажу, что я заменяю ему мать — ему было всего четыре, когда она умерла, — но Джилберт не единственный юноша, который приходит ко мне за советом в трудный час. И это вовсе не хвастовство, поверьте. Он еще раньше поделился со мной своими трудностями… рассказал и о девушке, на которой хотел жениться, и об этом человеке, который ее соблазнил. А в тот день Джилберт примчался взъерошенный, потому что Броделл опять приехал сюда. Джилберт не знал, как быть. Первым делом он спросил, можно ли заставить этого хлыща жениться на Альме.

— А ружье у него есть?

— Конечно. У всякого мальчишки здесь есть ружье. Но дело не в этом. Джилберт и сам мечтал на ней жениться, а Альма еще к тому же говорила, что ненавидит Филипа Броделла и встречаться с ним не хочет. Я сказала, что советовать тут нечего, поскольку он все равно не послушает ничьего совета. Даже если бы ему удалось каким-то образом заставить Броделла, то уж ее заставить не удалось бы, принимая к тому же во внимание, что он и сам хотел жениться на ней. Да и как, кстати, жениться, если у нее уже был бы муж? Я

сказала, что он еще как следует не обдумал, что делать. Я всегда учу своих мальчиков и девочек сперва как следует все обдумать. Как Джордж Вашингтон, Джон Адамс и Авраам Линкольн.

— И еще вы.

— Да, я тоже пытаюсь. И вот тогда он высказал другую мысль. Вам известно, что более девяноста процентов всех дуэлей в нашей стране случились к западу от Миссисипи?

— Если вы имеете в виду телевидение, то да.

— Я имею в виду вовсе не телевидение, а историю. Я изучала этот вопрос. Правда, дуэлями эти поединки не называли, да и начались они только тогда, когда наши предки продвинулись к западу от Миссисипи. Это важный исторический факт, и мои ученики всегда проявляли к нему интерес. Я не думаю… — Она поджала губы и закрыла глаза, потом открыла их и продолжила: — Я пыталась вспомнить, произнес ли Джилберт слово «дуэль» в тот день. Нет, не произнес. Он только сказал, что должен достать два пистолета, чтобы один отдать Филипу Броделлу, а потом спросил, как организовать это, сколько взять патронов и так далее. Сами понимаете, я его отговорила.

— Почему?

— Здесь было слишком много неточностей и

неувязок. Прежде всего в историческом плане. Я имею в виду нашу, западную историю. Тогда у каждого дуэлянта был свой пистолет, а у Броделла, скорее всего, не было собственного оружия. Кто бы в таком случае проверил пистолет, переданный ему Джилбертом? Нужно было посвятить в эту историю как минимум двоих, готовых пойти на подобный риск. Кому захочется оказаться замешанным в дело, которое могло привести к насильственной смерти? И привело бы — Джилберт стреляет отменно. Вот мне и пришлось отговаривать его, хотя для этого я пустила в ход иные аргументы и предложила свой план.

— Я попробую угадать. Деготь и перья?

— Это я вам уже говорила. Увы, на американском Западе деготь и перья не получили такого распространения, как дуэли. Хотя и зря. Если бы это наказание применяли в законном порядке, а не по суду Линча, оно было бы куда эффективнее, чем штраф или месяц тюремного заключения. Вы бы подумали лишний раз, прежде чем подвергнуться риску быть вымазанным дегтем и вываленным в перьях?

— Я бы подумал лишний раз и раньше, прежде чем подвергнуться риску заплатить штраф. А вот тут я бы вообще подумал два лишних раза.

Мисс Боутон кивнула. Стекла вновь заблестели.

— Я решила, что нужно любой ценой убрать отсюда Броделла и не допустить его возвращения. Для этой цели деготь и перья подходят просто идеально. Джилберт попытался было спорить, но потом согласился, потому что тоже не хотел, чтобы Броделл возвращался сюда. А узнал он о его возвращении через десять минут после того, как Броделл вышел из автобуса в тот понедельник, — от своего друга. У каждого из нас есть такие друзья. Мы решили, что ему понадобятся в помощь человек восемь-десять. Джилберт сказал, что может собрать сколько угодно, а лучше проделать это в субботу в Лейм-Хорсе, поскольку Броделл почти наверняка будет там, у Вуди. Вы знаете, что творится в субботу вечером у Вуди?

— Да.

— Мы обсудили все до мелочей. Даже где достать деготь и перья.

— У Хомера Дауда и Джимми Негрона.

Подбородок мисс Боутон дернулся вверх, и она нахмурилась:

— Вам уже все известно.

Судя по ее тону, будь я одним из ее учеников, она послала бы меня к директору.

Скрытничать мне было незачем, так что я пояснил:

— Нет, я просто знал, куда он поехал после того, как повстречался с вами. Джилберт сам показал, что сперва заехал к мистеру Хомеру Дауду, а потом посетил птицеферму Джимми Негрона. Но причину я не знал. — Я встал. — Значит, он полностью удовлетворился дегтем и перьями?

— Не совсем. Он просто согласился, что это и впрямь лучший выход. Вы уходите? Я вам почти ничего не рассказала. Вы только хотели знать, почему я так уверена, что Джилберт приходил именно в тот день, и я вам сказала. Вот и все. Что еще вас интересует?

— Я хочу знать, кто застрелил Филипа Броделла. — Я снова сел. — Если вы располагаете временем, я попросил бы вас рассказать еще все, что он говорил вам про Броделла.

— Что ж… Мы обсуждали, не стоит ли Джилберту подать на него в суд за совращение несовершеннолетней. Ведь бедняжке было всего восемнадцать. Но Джилберт не захотел затевать процесс.

— Я знаю. Мистер и миссис Греве тоже были против. Но что он говорил вам про Броделла? Вы же знаете, что я убежден в невиновности Харви

Греве и пытаюсь доказать это. Возможно, Джилберт сказал вам что-нибудь такое, что могло бы пролить свет на случившееся.

— Нет. Мне очень жаль, мистер Гудвин. Я вам сочувствую, но помочь ничем не могу.

— И конечно, вы тоже полагаете, что убил его Харви Греве? — спросил я.

Она вскинула брови:

— Разве я так сказала?

— Нет.

— Тогда не возводите на меня напраслину. Пока присяжные не признают его виновным, он невиновен. Это одно из величайших достижений нашей демократии.

— Это точно. Как, впрочем, и вы. Такие граждане, как вы. — Я поднялся. Не могу сказать, чтобы был слишком зол на нее, просто мало кто любит, когда перед самым их носом захлопывают дверь, будь то человек или, скажем, лошадь. — Я не слишком хорошо понимаю, как вы решились, блюдя нашу великую конституцию, посоветовать Джилберту прибегнуть к дегтю и перьям, что, безусловно, противозаконно и уголовно наказуемо, но оставим это на вашей совести. Обдумайте все как следует.

Я не стал благодарить ее за потраченное время

и испарился. Не бегом, но достаточно быстро, чтобы не слышать ее ответа. Захлопнув дверцу машины, я по привычке бросил взгляд на наручные часы, а потом посмотрел, что показывают стрелки циферблата на приборной панели. Семнадцать минут двенадцатого. Добравшись до Мейн-стрит, до которой было всего три коротких квартала, я успел проанализировать положение. Чтобы наведаться в «Кровельную компанию Дауда», нужно было свернуть направо, а чтобы поехать в Лейм-Хорс — налево. Я повернул налево.

Неспешно преодолевая ухабы и колдобины, я подъехал к универмагу «Вотер» в три минуты первого. В Нью-Йорке было три часа дня. Поскольку сегодня была суббота, а большинство обитателей Манхэттена на уик-энд уезжают, Сол, возможно, уже прервал поиски. Я припарковался у Дома культуры, разыскал Вуди и попросил разрешения воспользоваться телефоном. С Солом мы условились, что сам он звонить не будет, кроме самого крайнего случая. Я набрал номер два раза, но услышал в ответ только длинные гудки. Так что пришлось положить трубку и отправиться к машине несолоно хлебавши. Я решил поехать домой. Авось поспею к ланчу.

Однако ланча не было. И терраса была пуста. Как, впрочем, и гостиная, и комната Лили, и моя, и Вулфа. Лишь с кухни доносился какой-то шум. Я поспешил туда и застал там Уэйда, который пытался вскрыть консервным ножом банку супа из моллюсков. Я полюбопытствовал, хватит ли ее содержимого на двоих, и Уэйд ответил, что нет, но в кладовой есть еще. Я сунулся в холодильник и разыскал в нем копченый окорок, вернее, его остатки.

— Они все уехали верхом? — полюбопытствовал я, доставая из ящика нож.

Уэйд вывалил суп из моллюсков в кастрюлю.

— Нет, на колесах. Взяли машину с ранчо. Если я правильно понял, вы с Вулфом сегодня днем собираетесь на ранчо?

— Да, была такая мысль. Во второй половине дня.

— Ну… приехала миссис Греве и сказала, что угостила бы Вулфа настоящей форелью по-монтански, приготовленной по собственному рецепту, будь у нее форель. Ее тут же поймали на слове, собрали удочки, прихватили кое-какую снедь и смотались на речку.

— Мистер Вулф тоже?

— Нет, только Лили, Диана и Мими. Ну и миссис

Греве, естественно. Про Вулфа не знаю. Я был у себя в комнате, но около десяти слышал, что он возится на кухне и в кладовой. Так что он вряд ли умирает с голоду. Пиво или кофе не желаете?

Я поблагодарил и сказал, что предпочитаю молоко. Ели мы молча, поскольку мои мысли витали в стороне. Не мог же Вулф пешком пройти три мили до ранчо Фарнема, чтобы сдержать свою угрозу о допросе Дюбуа? Не мог. Тогда где же он? Уорти сказал, что при нем телефон не звонил, но это ничего не значило, поскольку он был в своей комнате. Да и сам Уорти, признаться, немало меня беспокоил. Вот уже две недели я тычусь носом, как слепой котенок, и не могу напасть на след, а тут к тому же выясняется, что у Джилберта Хейта и впрямь железное алиби. И все это время я сижу за одним столом и веду светские беседы с человеком, располагавшим как средством, так и возможностью для того, чтобы прихлопнуть Броделла. Меня так и подмывало заявить ему примерно следующее: «Поскольку мы с вами оба гостим здесь, я считаю своим долгом предупредить вас, что по моей просьбе лучший сыщик Нью-Йорка Сол Пензер в настоящее время занимается вами. Если вы когда-либо контактировали с Филипом Броделлом, Сол неминуемо это

откопает, так что вам лучше признаться сразу. Я собираюсь звонить ему между шестью и семью вечера сегодня и каждый день».

Мне пришлось совершить над собой волевое усилие, чтобы не произнести эту речь. Если бы это случилось и если бы и в самом деле рыльце у Уорти было в пушку, то, скорее всего, к шести часам его и след бы простыл. В таком случае оставалось бы только его поймать, что меня вполне устраивало. Но я собрал волю в кулак и отказался от этого плана. Как-никак платил мне Вулф, а действовать, руководствуясь собственным опытом и интеллектом, мне вменялось в обязанность лишь тогда, когда возможности связаться с самим Вулфом не было. Вот почему за едой я не проронил ни слова.

Вымыв за собой тарелки, мы разошлись. Уорти отправился в свою комнату, а я вышел на свежий воздух. Вопрос был в том, насколько хорошо я знаю Ниро Вулфа, и пару минут спустя я ответил на него. Прими он решение совершить безрассудный поступок, например позвонить, чтобы за ним прислали машину, или пойти пешком к Фарнему, то оставил бы мне записку. Записки не было. Он не знал, когда я вернусь из Тимбербурга, но наверняка хотел услышать, добился ли я чего-

нибудь от Джилберта Хейта, так что уйти далеко Вулф не мог. А раз так, то я знал, где он. Я отправился в свою комнату, переоделся, переобулся, вышел через террасу, выходящую к речке, и полез на гору. Приближаясь к месту нашего пикника, я чуть сбавил ход.

Самого Вулфа на прежнем месте не оказалось, зато на валуне красовался его жилет, а также куртка, книга и рюкзак. Я вышел на берег речки, довольно крутой в августе, и тут-то увидел его. Вулф, закатав рукава желтой рубашки и брючины, сидел на камне, погрузив ноги по щиколотки в воду.

— Пальчики отморозите, — предупредил я, повысив голос, чтобы перекрыть шум воды.

Вулф повернул голову:

— Когда ты вернулся?

— Полчаса назад. Заморил червячка и помчался прямо сюда. Где ваши запонки?

— В кармане куртки.

Я возвратился к валуну, взял куртку и разыскал запонки в правом кармане. Два изумруда размером с яйцо дрозда когда-то украшали сережки одной женщины, которая умерла и отписала их Вулфу в завещании. Всего лишь год назад один человек предложил за них Вулфу тридцать пять

тысяч, поэтому мне вовсе не хотелось, чтобы цена, которую Вулф заплатил за мое скорейшее возвращение в Нью-Йорк, возросла на столь несусветную сумму. Я опустил запонки в собственный карман и тут заметил, что книга на валуне называется «В круге первом» Александра Солженицына. Пожалуй, это вряд ли было про индейцев. Я вернулся на берег и произнес:

— Я познакомился с женщиной, которая могла бы посвятить вас в любые подробности жизни краснокожих, особенно тех, что живут к западу от Миссисипи. Кстати, алиби Джилберта Хейта она поддержала руками и ногами.

— В каком смысле?

— Не важно. Можете выкинуть его из головы.

Вулф вынул ноги из воды, подвигал ими вперед и в стороны, выискивая более надежное место, и наконец встал, повернувшись лицом к берегу. Зная, насколько легко потерять равновесие, перебираясь по скользким камням даже на берегу, не говоря уже о речке с быстрым течением, где их даже не видно, я мысленно поставил пять против одного на то, что Вулф нырнет. Но я проиграл. Вулф выкарабкался на сушу, протопал к обломку скалы, на котором оставил носки и туфли, сел и сказал:

— Докладывай.

— Не могу, пока вам грозит опасность. Поднимайтесь сюда.

— Я не могу надеть носки, пока солнце не высушит и не согреет мои ноги.

— Нужно было захватить полотенце, — упрекнул я, усаживаясь на край обрыва. — Дословно?

— Если ты еще не разучился.

Я доложил. Про обоих Хейтов, включая подписанные показания Джилберта, потом — про Бесси Боутон. Передавая диалоги дословно, я поначалу чуть запинался, поскольку не практиковался с самого июня, но в конце, когда дошел до дегтя с перьями, речь полилась уже совсем гладко, чему я искренне порадовался. Тем более, что мне никогда еще не доводилось докладывать Вулфу, когда он сидел на камне босиком и шевелил пальцами ног.

— Так что, — заключил я, — если мы и найдем замену Харви Греве, то не в лице Джилберта Хейта. До половины пятого она за него горой стоит. И любой суд присяжных ей поверит. Хотя это никогда не дойдет до суда присяжных. Словом, можете выкинуть Хейта-младшего из головы.

— Ты прав. Проклятье!

Он потянулся за носками, надел их, потом

туфли, придерживаясь рукой за камень, приподнялся и выбрался на берег. Я не стал протягивать ему руку: во-первых, потому, что он бы за нее не взялся, а во-вторых, лишняя физическая нагрузка ему не повредит. Пока он приводил рукава рубашки и брючины в порядок, я вынул из кармана запонки, и, ясное дело, мне самому пришлось и вставлять их. Вулф, видите ли, не мог показаться в коттедже с болтающимися манжетами. Потом он протопал к валуну, надел жилет и куртку, уселся и спросил:

— Что такое форель по-монтански?

— Хороший вопрос, — ответил я. — И мне, право, жаль, что вы его задали. — Я устроился на камне напротив Вулфа и продолжил: — Все зависит от того, кто, когда и где ее готовит. Первая настоящая форель по-монтански — первая в том смысле, что ее впервые приготовил бледнолицый, была зажарена во время экспедиции Льюиса и Кларка[6] на ржавой сковороде, политой бизоньим жиром, и с солью, если она еще осталась. С тех пор в рецепт вносили сотни изменений, в зависимости от того, что имелось под рукой.

---

[6] Примечания: 6

Экспедиция Льюиса и Кларка — первая сухопутная экспедиция через территорию США из Сент-Луиса к Тихоокеанскому побережью и обратно в 1804–1806 годах.

Например, один старожил, работающий в скобяной лавке в Тимбербурге, уверяет, что нужно вымазать свиным жиром коричневую оберточную бумагу, завернуть в нее форель целиком, щедро посыпав солью и перцем, и засунуть в раскаленную печь. Время зависит от размеров рыбы. Миссис Греве позаимствовала свой рецепт у родного дяди. Она внесла два уточнения: поменяла оберточную бумагу на алюминиевую фольгу, а печь на духовку. Все очень просто. На лист фольги кладете тонкий ломтик сала шириной дюйма три, посыпаете коричневым сахарным песком, добавляете несколько колечек лука и несколько капель вустерского соуса. Укладываете на фольгу очищенную и выпотрошенную форель с головой и хвостом и солите. Добавляете еще немного коричневого сахарного песка и вустерского соуса, плотно заворачиваете рыбу в фольгу и помещаете в духовку. Если форели сильно различаются по размеру, то рассчитать время приготовления довольно трудно. Подаете на стол прямо в фольге.

Вулф не испепелил меня взглядом и не зарычал, а просто сказал:

— Да, это может быть вполне съедобно.

— Угу, — кивнул я. — Кстати, я заметил, что за все время вы ни разу не заговорили о еде, даже со

мной. Должно быть, дали себе честное слово, скорее всего по пути в аэропорт, что беспрекословно стерпите все надругательства над своими вкусовыми сосочками. Представляю, что вы наплетете Фрицу, если мы, конечно, вернемся домой. Надеюсь, им удастся наловить достаточно форели. Какого вы, кстати, мнения о консервированном консоме?

Я думал, что Вулф будет рад-радешенек возможности излить душу, но он, похоже, придерживался иного мнения.

— Тебе нельзя ехать в Сент-Луис, — произнес он. — Ты нужен здесь.

— Еще бы! — хмыкнул я. — Должен же кто-то разоблачать фальшивые алиби.

— Пф! Что ты можешь еще сказать о вчерашнем вечере?

— Добавить мне, пожалуй, нечего. И тот и другой меня по-прежнему привлекают. Например, слова Фарнема про залог. Возможно, это связано с нашим делом. Или как Сэм Пикок пытался неуклюже увильнуть от расспросов про то утро, когда Броделл ходил на Берри-Крик. Вам пришлось дважды перебивать его, а когда вы спросили, не говорил ли Броделл, что встречал кого-нибудь по дороге, Пикок нервно затеребил шейный платок

и начал ныть, что вы задаете слишком много вопросов. Будь Броделл жив, я бы предпочел расспросить его про это утро.

— Да. Сможем ли мы поговорить с мистером Пикоком, если поедем туда сейчас?

— В субботу днем? Сомневаюсь.

— Можем ли мы застать его сегодня вечером у мистера Степаняна?

— Вот это как пить дать.

— Значит, поговорим с ним там.

— Поговорим? Вы тоже едете?

— Да.

Я даже не поднял бровь: уж слишком он меня поразил. Я просто таращился на него.

— Я хочу пить, — сказал Вулф. — Там в ручье две банки пива.

Я молча встал и спустился по крутому склону к воде.

Глава 8

В двадцать минут пятого мы вчетвером сидели в гостиной в доме Греве — той самой, где были выставлены фотографии, вымпелы, медали, серебряный кубок и знаменитое седло. В гостиной собрались только мужчины. Кэрол Греве и Флора Итон, невезучая вдовушка, колдовали на кухне над форелью по-монтански, которую должны были подать на стол к шести часам. Альма хлопотала над младенцем. Мы с Вулфом прибыли к пяти. Пит Инголлс с Эмметом Лейком уже были на месте, а вот Мел Фокс застрял, что-то случилось с лошадью, — и теперь мы все ждали его. Эммет, видавший виды ковбой лет пятидесяти, произнес всего два слова: «Садитесь сюда», обращаясь ко мне, а вот Пит Инголлс, напротив, оказался разговорчивым малым. Судя по его телосложению, Пита должно было увлекать нечто, где требовалось применение недюжинной физической силы, а он тем не менее заканчивал Калифорнийский университет в Беркли, специализируясь по палеонтологии, но вот уже третье лето подряд подрабатывая на ранчо «Бар Джей-

Эр». Вулф неосмотрительно задал ему вопрос о студенческих демонстрациях в Беркли, и Пит в ответ разразился речью, которая затянулась бы до самого ужина, не прерви ее появление Мела Фокса. Мел извинился за опоздание и поздоровался с Вулфом за руку. Потом придвинул стул к моему, подтянул по привычке джинсы, сел, взглянул на свои руки и заметил, что еще не успел даже умыться. И спросил, не пропустил ли чего важного.

Вулф покачал головой:

— Мы ждали вас. Я здесь уже три дня, мистер Фокс, и вы, должно быть, недоумеваете, почему я до сих пор не поговорил с вами.

— Я, наверное, был слишком занят, чтобы недоумевать.

— Завидую вам. А я вот больше ничем другим все это время и не занимался. — Вулф обвел глазами собравшихся. — Мистер Гудвин рассказал мне про вас, джентльмены, и будь у меня хотя бы малейшее подозрение, что один из вас мог застрелить Филипа Броделла, я бы не стал дожидаться сегодняшнего дня, чтобы встретиться с вами. Сюда же я приехал, теша себя надеждой, что кто-нибудь из вас может, сам того не подозревая, знать хоть что-нибудь, что может натолкнуть

меня на определенные выводы. Вот я и хочу попросить вас рассказать все, что вам известно. Начнем с вас, мистер Фокс. Расскажите мне про Филипа Броделла и про его гибель.

— Рассказчик из меня неважный. — Мел покосился на меня, потом снова посмотрел на Вулфа. — И я все уже рассказывал Арчи.

— Я знаю, но хочу сам послушать вас. Начинайте.

— Что ж... — Мел закинул ногу на ногу. — Вообще-то, я и двадцатью словами с Броделлом не перекинулся. А было дело так. Утром в воскресенье я покупал что-то у Вотера, а Броделл подошел, представился и спросил, нет ли у меня лишнего, уже использованного лассо. Он хотел купить его и забрать домой. Я ответил, что нет. Нет, пожалуй, тут и двадцати слов не наберется. Видел я его еще пару раз, но мы не разговаривали. Правда, когда стало известно, что Броделл — отец ребенка Альмы, этот паразит, на свое счастье, уже смотался отсюда. Иначе я бы за себя не поручился. Альма... Я выковыривал из ее ножки иглы дикобраза, когда малышке было всего пять лет от роду. Тогда про этого прохвоста и впрямь много говорили, но я только слушал. Говорить мне было нечего, кроме того, что, попадись он тогда мне в руки, я

бы с него живого шкуру содрал.

— Значит, вас бы тоже стоило заподозрить?

— Да, конечно. Шериф повозился со мной немного.

— А почему оставил вас в покое?

— Потому что Харви был в таком же положении, как и я, а на Харви у него зуб. Потом, Харви в тот день был один, а я нет. Эммет Лейк был со мной весь день, да и Пит Инголлс не раз присоединялся к нам. А врать Эммет не станет, потому что считает, что вполне достоин занять мое место.

— Чушь собачья! — процедил Эммет.

Пререкаться никто не стал. Вулф спросил Мела:

— Вы знали, что Броделл вернулся?

— Да, все тут знали. Первым проведал Пит, еще во вторник, и сразу рассказал нам. Тогда же вечером мы здорово поспорили на его счет. Пит сказал, что мы должны всячески помогать Харви и Кэрол, чтобы не допустить его встречи с Альмой, а Эммет заявил, что мы не должны вмешиваться, поскольку Броделл может надумать жениться на ней. Я же стоял на том, что решать должны родители Альмы, а нам вообще не надо встревать, если нас не попросят. Но, как всегда, каждый остался при своем мнении.

— Знаю. И на следующий вечер, в среду, спор возобновился?

— Да. Хотя мы уже немного успокоились, так что до кровопролития не дошло. Тем более в четверг. Харви сказал мне, что, по словам Кэрол, Альма не только не встречалась с Броделлом, но и не питала ни малейшего желания его видеть. Вечером после ужина, как я уже сказал Арчи, мы с Питом говорили о Броделле возле кораля, а он в это время лежал на том валуне, простреленный в двух местах… Когда я услышал об этом в пятницу, это лишний раз подтвердило то, что не всегда знаешь, о чем говоришь.

— Продолжайте, пожалуйста, — попросил Вулф, видя, что молчание грозит затянуться.

Мел потряс головой:

— Продолжать-то уже нечего. Я знаю, куда вы клоните. Вы хотите доказать, что Броделла убил не Харви, а кто-то другой. Я бы рад помочь вам с Арчи, но если вам нужно заклеймить теленка, который спрятался в кустарнике, то сперва этого теленка надо найти и связать. А как насчет младшего Хейта?

— Мистер Гудвин вычеркнул его из списка подозреваемых.

— Безнадежно, Мел, — пояснил я. — Я потратил

на него все утро. Никаких шансов.

— А кто тогда остается?

— Никто. Поэтому мы и здесь. Мистер Вулф надеется, что вы знаете про Броделла хоть что-то, что может нам помочь.

— После ареста Харви мне было уже не до разговоров. За две недели я лишь раз выбрался в Тимбербург, надеясь повидать его, но Морли Хейт не пустил меня. Вот бы кого надо заклеймить, черт возьми!

Глаза Вулфа переместились направо.

— Мистер Лейк. Расскажите мне про Броделла.

— Дерьмо собачье этот Броделл! — смачно сплюнул Эммет.

На самом деле он выразился чуть-чуть иначе. Но дело в том, что примерно год назад я получил письмо на четырех страницах от пожилой женщины из Уичито, штат Канзас, в котором она сообщила, что прочитала все мои отчеты и всякий раз, когда очередному из ее четырнадцати внучат исполняется двенадцать лет, она дарит ему или ей сразу три книги, чтобы дети вошли во вкус. Так что, сами понимаете, если я изложу то, что на самом деле сказал Эммет Лейк, то наверняка лишусь симпатий этой старушки, не говоря уже о ее внуках, которым еще нет двенадцати.

Цензуру я люблю не больше вашего, но, если бы в конце концов вдруг вышло, что Броделла прихлопнул именно Эммет, мне пришлось бы передавать разговоры с ним дословно, а стало быть, распрощаться с милой старушкой. На самом же деле он оказался невольным участником событий просто в силу того, что служил на ранчо, поэтому я позволил себе, излагая текст его речи, заменить самые скабрезные словечки, пометив их аббревиатурой «ВЦ» (вычеркнуто цензурой). Те из вас, кто любит смачные выражения, могут вставить их сами, дав волю фантазии. Итак:

— Дерьмо собачье (ВЦ) этот Броделл! — примерно такой смысл несла реплика Эммета.

— Его счастье, что он мертв, — процедил Пит Инголлс. — Уж мы бы его отделали!

— А ведь это я говорил, что эта нехорошая (ВЦ) падаль (ВЦ) может жениться на Альме. Вот каким невежественным (ВЦ) оболтусом (ВЦ) я был.

— А я думал, ты им искренне сочувствовал, — сказал Инголлс.

— Ерунда! Ты прекрасно знаешь, что я об этом думаю. Все эти красивые (ВЦ) женщины (ВЦ) — прирожденные кокетки (ВЦ). А нехорошей (ВЦ) падалью (ВЦ) я назвал его только потому, что все эти пыльным мешком ударенные (ВЦ) хлыщи

(ВЦ), собираясь сюда, должны оставлять свои кочерыжки (ВЦ) дома, если не хотят, чтобы тут их оторвали…

О, черт (ВЦ), хватит с меня! Занятие цензурой оказалось мне явно не под силу. Не упоминать об Эммете я не имел права, а излагать его монологи — дело безнадежное. Так что хватит с него. Вулф продержался ненамного дольше. Вообще-то, он способен вынести все, что угодно, если надеется, что это может принести пользу, но в конце концов оборвал его тоном, который заставлял замолчать и куда более строптивых людей с куда более изысканной манерой выражаться:

— Благодарю вас, мистер Лейк, вы великолепно используете все богатство нашего языка. Мистер Инголлс, вы показали, что тоже за словом в карман не лезете. Мистер Гудвин сказал, что вы чаще общались с Броделлом.

— Да, но только в прошлом году, — ответил Пит. — Этим летом я вообще его не видел. Арчи, наверное, сказал вам, что я разделяю ваше мнение насчет Харви, хотя и по другой причине. Харви убивает только то, что собирается съесть. Поэтому он даже в койотов никогда не стреляет. Когда я впервые приехал сюда, одна кобыла сломала ногу, но Харви так и не смог пристрелить

ее, так что пришлось это сделать Мелу. Я считаю, что человек с такой сложившейся психологией может совершить убийство только в каком-то внезапном порыве, но, безусловно, не способен пойти на преднамеренное и продуманное преступление. Я достаточно знаю…

— Прошу прощения, — перебил его Вулф. — Мистеру Греве требуется освободитель, а не адвокат. Так вы и в самом деле часто общались с мистером Броделлом прошлым летом?

Пит развел руками. Он вообще довольно оживленно жестикулировал при разговоре.

— Я бы так не сказал. Просто он сам очень тянулся ко мне. Он знал, что мой отец — преуспевающий бизнесмен, который занимается торговлей недвижимостью, а я собираюсь стать палеонтологом. Броделла очень интересовало, как мне удалось «вырваться». Это его слово. Он тоже хотел вырваться из сферы влияния своего отца и его газетного бизнеса, но отец не позволял ему.

— А чем он хотел бы заниматься?

— Ничем.

— Вздор! Только святые ничем не занимаются.

Пит ухмыльнулся:

— Занятно. Не совсем верно, но мне понрави-

лось. Кто это сказал?

— Я.

— Я имею в виду, кто первым это сказал?

Вулф насупился:

— Я редко цитирую кого-то, а если все-таки цитирую, то называю источник.

— Что ж, я проверю. Но пока вернемся к Броделлу. На мой взгляд, он был из тех, кто настолько занят тем, чтобы чего-то определенного не сделать, что времени на все остальное просто не остается. Сам же я старался избегать его. Например, как-то раз он пригласил меня в Тимбербург, где договорился встретиться с двумя девушками, но я отказался. Так что обычно мы встречались с ним у Вуди по субботам, да еще пару раз я наскочил на него в «Вотере» или он наскочил на меня, не помню. Однажды мы еще поиграли вчетвером в кегельбане в Тимбербурге. *De mortus nil nisi bonum*. «О мертвых ничего, кроме хорошего». Но с ним было скучно. Очень скучно. На следующий день после его смерти я как раз размышлял об этом. Ему было всего тридцать пять. Так вот, его смерть вызвала больше шума и пересудов, чем вся предыдущая жизнь. Грустно, конечно, я понимаю. Но вы сами попросили, чтобы мы поговорили о нем. Не лучший, конечно, некролог,

я согласен.

— И не совсем точный. Мне кажется, что мисс Греве не было с ним скучно. Или нет?

— Вы правы. — Пит поджал губы. — Мне кажется, что Альму подвело любопытство. Порой любопытство бывает настолько сильным, что никто, будь то мужчина или женщина, не в силах перед ним устоять. Изучая окаменелости, я пришел к выводу, что еще в девоне или в силуре… О, привет, Альма!

В комнату вошла Альма, и четверо из нас встали. Обычай вставать, когда входит женщина, сохранился в Монтане в большей степени, чем в Манхэттене. Тем не менее, когда Мел и Эммет поднялись, мы с Питом последовали их примеру. Вулф не шелохнулся. Он крайне редко удостаивает подобной чести женщин, когда сидит за столом в своем кабинете; здесь же за последние дни ему пришлось нарушить так много своих правил, что, должно быть, он с наслаждением позволил себе соблюсти хотя бы одно. Тем более, что по приходе его представили как Альме, так и Кэрол с Флорой.

— Приходите быстрее, — позвала Альма, — пока жир не застыл.

Мел отправился мыть руки, а мы перешли в

столовую. Места за длинным столом было предостаточно. Порой Кэрол приходилось накрывать на большие компании — Харви пользовался репутацией хлебосольного хозяина. Вулфа усадили между Кэрол и Альмой, а я занял место напротив, так что мне было хорошо видно, как Вулф отреагировал на консервированный томатный суп. Он мужественно проглотил всю порцию. Если кто-то что-нибудь и заметил, то только я: Вулф старательно избегал моего взгляда. Флора помогла Кэрол и Альме убрать суповые тарелки и принесла блюдо с картофельным пюре, фасолью и печеным луком. Кэрол и Альма подали подносы с настоящей форелью по-монтански. Самый длинный и пузатый сверток из фольги положили перед Вулфом. Я сказал, что здесь не принято выкладывать форель на тарелку, а нужно просто развернуть фольгу и запустить в рыбу зубы. Что он и сделал, после того как женщины сели и приступили к еде. Рыбина ему досталась отменная — жирная, сочная радужная форель длиной дюймов пятнадцать. Лили, поймавшая ее, с гордостью похвасталась передо мной завидным уловом. Вулф, ловко орудуя ножом и вилкой, расчленил форель, отправил кусочек в рот, прожевал, проглотил и произнес:

— Замечательно!

Вопрос был решен. Придется потребовать у него прибавки к жалованью. Хочет вернуть меня в родные пенаты — пусть платит.

Глава 9

— Нет, — сказал Вулф, обращаясь к Вудро Степаняну. — Взвесив все обстоятельства, я, пожалуй, склоняюсь к тому, чтобы согласиться с вами. Хотя большинство ваших сограждан вряд ли думают так же.

Было без двадцати девять. Мы сидели в средней части Вуди-Холла, которую Лили называла галереей. Двери по обе стороны были закрыты; фильм еще не закончился, а танцы еще не начались. Встреча на ранчо «Бар Джей-Эр» принесла лишь один результат: Вулф согласился, что форель, запеченная в фольге со свиным жиром, коричневым сахарным песком и вустерским соусом, вполне съедобна. Если он и добился хоть чего-нибудь от Мела, Эммета или Пита, то для меня это осталось тайной. А я вот, позвонив из дома Греве Солу, выяснил, что если Филип Броделл, приезжая в Нью-Йорк, хоть раз встречался с Дианой Кейдани или Уэйдом Уорти, то Солу никаких доказательств подобной встречи раздобыть не удалось и он вообще сомневается, что такое возможно.

А обращение Вулфа к Вуди было вызвано вот чем. На стене позади стола Вуди висел вставленный в рамочку плакатик, на котором рукой самого Вуди было крупными буквами начертано:

НУ ЧТО Ж ДЕЛАТЬ, ПРИДЕТСЯ ГОРЕТЬ В АДУ.

Гекльберри Финн (Марк Твен)

Вулф поинтересовался, почему именно эта фраза удостоилась такой чести, а Вуди ответил, что, по его мнению, эта фраза лучшая во всей американской литературе. Вулф спросил, почему Вуди так считает, и Вуди сказал, что это изречение отражает самое главное для всех американцев, что никто не должен позволять кому-то другому принимать решения за себя, но самое главное в том, что произнес эту фразу не взрослый, а мальчик, не прочитавший ни одной книжки. А это доказывает, что он родился с этим, потому что был американцем.

У меня были кое-какие дела, но я задержался послушать, поскольку надеялся узнать что-нибудь новенькое и полезное либо об американцах, либо о литературе. Когда Вулф сказал, что большинство сограждан Вуди вряд ли с ним согласятся, Вуди в свою очередь спросил, какое изречение эти сограждане сочли бы более великим, и Вулф

сказал:

— Я мог бы предложить не меньше дюжины, но самое подходящее тоже висит у вас на стене. — Он указал на обрамленную Декларацию независимости. — «Все люди созданы равными».

Вуди кивнул:

— Звучит, конечно, здорово, но это вранье. При всем моем уважении. Пусть и во имя благой цели, но все равно вранье.

— Я не вполне согласен с вами, — произнес Вулф. — В биологическом смысле слова это не вранье, а нелепость, но как оружие в смертельной борьбе оно было мощным и убедительным. Правда, использовалось оно не для убеждения, а для разрушения. — Вулф снова ткнул в направлении стены. — А что это такое?

Там висело еще одно изречение в рамочке. Фотоаппарат я с собой не захватил, так что показать цитату вам не смогу. Там было восемь или девять слов, но на каком языке? Однако внизу более мелкими буквами было приписано: «Стивен Орбелян».

— Это изречение более древнее, — пояснил Вуди. — Ему около семисот лет. Не убежден, что оно такое великое, но я очень к нему привязан. Слова эти принадлежат перу армянского класси-

ка Степаноса Орбеляна и означают следующее: «Я люблю свою страну, потому что она моя». Просто, но удивительно тонко. Даже не верится, что такой глубинный смысл можно выразить всего восемью словами. Вы согласны?

— Согласен, — пробормотал Вулф. — И впрямь прекрасно сказано. Давайте сядем и обсудим это.

Моя помощь им не понадобилась, поэтому я отправился по своим делам, которые состояли в том, чтобы заехать на универсале за Лили, Дианой и Уэйдом Уорти. Я предположил, что к моему приезду Лили с Уэйдом будут уже дожидаться меня в гостиной, готовые ехать, а вот Диана задержится. Так оно и вышло. Конечно, девять женщин из десяти всегда опаздывают, но о Диане я хотел бы поговорить особо. Дело в том, что каждое свое появление она обставляла как выход на сцену. Она никогда, например, просто не появлялась на кухне к завтраку. Она выходила. Без зрителей никакой выход не состоялся бы, а для Дианы было важно, чтобы аудитория была как можно больше. Мы договорились, что я заеду за ними в начале десятого. Я сидел вместе с Лили и Уэйдом в гостиной и рассказывал, каким успехом пользовалась форель по-монтански, когда послышался легкий шорох и в комнату вплыла Диана в

сногсшибательном платье из красного шелка. В верхней части шелка было гораздо меньше, зато внизу платье доходило почти до щиколоток. А вот Лили предпочла одеться в скромную нежно-розовую блузку и белые слаксы.

Главная улица Лейм-Хорса была запружена машинами, но я, как было оговорено, обогнул универмаг и остановился напротив служебного входа. С Вуди мы условились, что он предоставит нам с Вулфом свои апартаменты в задней части Вуди-Холла и я препровожу туда Сэма Пикока, как только разыщу его. Войдя, я увидел, что Вулф сидит на слишком узком для него стуле у задней стены, и, увы, не один. В субботний вечер встретить здесь полицейского — большая редкость. Я уже говорил вам, что Вуди сам настолько строго следил за порядком, что вмешательство копов никогда не требовалось. Лишь изредка полицейский в форме заглядывал внутрь, чтобы проверить, все ли нормально. На сей же раз не только сам шериф Морли Хейт восседал на стуле в трех шагах от Вулфа, но и его помощник Эд Уэлч, потрепанный жизнью детина с широченными плечами, о которых мечтал Морли, околачивался тут же рядом. Он подпирал дверь, перед которой сидел кассир. Диана с Уэйдом двинулись прями-

ком к этой двери, тогда как Лили посмотрела на Уэлча, потом на шерифа и спросила нарочито громко, чтобы тот слышал:

— Не видела ли я прежде этого человека?

И тут же, не дожидаясь моего ответа, зашагала к двери в танцевальный зал, на ходу доставая кошелек из брючного кармана. Я подошел к Вулфу и спросил:

— Вы знакомы с шерифом Хейтом?

— Нет, — ответил он.

— Вот он, — указал я. — Представить вас?

— Нет.

Я повернулся к Хейту:

— Добрый вечер. Хотите спросить нас с мистером Вулфом о чем-нибудь? Или рассказать что-нибудь?

— Нет.

Решив, что хватит с меня этих «нет», я направился к двери, вручил кассиру два доллара и вошел в зал. Музыканты отдыхали, но пока я продирался сквозь толпу к Лили, оркестр заиграл какую-то незнакомую мне мелодию. Я прорвался к Лили и увлек ее танцевать. За время нашего знакомства мы уже настолько натанцевались вдвоем, что передвигались, как одно четвероногое животное.

Обычно мы с ней мало разговариваем, когда танцуем, но минуту спустя Лили сказала:

— Он вошел следом за тобой.

— Кто? Хейт?

— Нет, другой.

— Все правильно. Но я не стану доставлять ему радость и оборачиваться.

Еще минуту спустя:

— А на что, по-твоему, этот орангутан рассчитывает, торча тут?

— Он надеется. Ищет предлога, чтобы вышибить нас из своего округа.

И еще через минуту, в течение которой мы видели, как Диана лихо отплясывала с парнем в джинсах и лиловой рубашке, а Уэйд кружился с девушкой в свитере и мини-юбке, Лили сказала:

— Ты же говорил, что Вулф собирается ждать нас в кабинете Вуди.

— Ну да, так он мне сказал. Должно быть, решил налюбоваться на все стадо воочию и выбрать из него подходящего убийцу. От него всего можно ожидать.

Через две минуты:

— А что там насчет Сэма Пикока? Впрочем, ладно, не буду задавать лишних вопросов. Просто этот гиббон действует мне на нервы. Он меня

пугает. Так ты расскажешь мне про Сэма Пикока или нет?

— Нет.

— Кстати, я его еще здесь не видела.

— Он всегда приходит поздно. В прошлый раз он появился только в одиннадцать. Помнишь, я говорил тебе, как подслушал его рассказ о том, что его мать приходилось связывать, чтобы заставить покормить младенца Сэма грудью.

Когда музыканты снова взяли перерыв, я оставил Лили на ее излюбленном месте у открытого окна, а сам отправился на разведку. Эд Уэлч торчал возле сцены, и я прошел так близко от него, что едва не задел его локтем — пусть знает, насколько он мне безразличен. Но мне будет вовсе не безразлично, если Морли Хейт так и останется сидеть на том же месте, когда я поведу Сэма Пикока в апартаменты Вуди, где нас должен ждать Вулф. Хейт, безусловно, дождется, пока их встреча завершится, и сцапает Сэма на выходе. А Сэм единственный, из кого Вулф мог выцарапать ценные для нас сведения. И не только про то утро в четверг, когда Броделл ходил на Берри-Крик, но и про среду, когда они были вдвоем. Мне вовсе не улыбалось, что Хейту станет известно то же, что и нам, да и Вулфу это не пришлось бы по нутру.

Выскользнув украдкой за дверь, я заметил, что Морли Хейт сидит за столом Вуди и читает книжку, а вот Вулфа уже не было.

Я вернулся в зал, обошел его и встал в углу. В следующие полчаса я заметил не менее ста восьмидесяти трех лиц, которых видел раньше и знал имена примерно половины из них, включая большинство людей с ранчо Фарнема, а также Пита Инголлса и Эммета Лейка с «Бар Джей-Эр». Пит танцевал с Лили, и она пошевелила пальцами, когда оказалась близко от меня. Сэм Пикок пока не появился, но я заметил его подружку, девушку, которая на прошлой неделе заявила ему, что он ужасно выглядит. На ней была та же вишневая блузка либо ее точная копия. Когда танец закончился и она с не слишком довольным видом отошла, оставив своего партнера, я приблизился к ней:

— Я танцую лучше, чем он.

— Знаю, — ответила она. — Я видела. Вы Арчи Гудвин.

Вблизи она выглядела моложе и привлекательнее.

— Поскольку вам известно мое имя, — улыбнулся я, — то и мне следует знать ваше.

— Пегги Труэтт. Спасибо, что сказали, как вы

танцуете.

— Я просто закидывал удочку. Следующий шаг — продемонстрировать это вам. К этому я и клонил.

— Я так и поняла. — Она смахнула со лба выбившуюся светлую прядь. — Ваша беда в том, что вы слишком робкий. А я вот — нет. Я бы с радостью приняла ваше приглашение, но, пожалуй, не стану. Я много раз видела вас в прошлом году и в этом, но почему-то вы только сейчас обратили на меня внимание. А знаете почему? Это очень просто. Вы хотите расспросить меня про Сэма Пикока.

— Вот как? А зачем он мне сдался?

— Сами знаете. Вчера вечером вы допрашивали его вместе с вашим жирным Ниро Вулфом только потому, что он честно делал свое дело и сопровождал этого хлыща. На его месте я бы вообще рта не раскрывала… — Пегги вдруг запнулась и посмотрела куда-то поверх моего плеча и в сторону.

В следующее мгновение она, оставив меня, решительно зашагала прочь. Я повернулся и увидел вошедшего в танцевальный зал Сэма Пикока. Заметив приближающуюся Пегги Труэтт, он заспешил ей навстречу. Я взглянул на наруч-

ные часы и засек время: без девяти одиннадцать. Оркестр вновь заиграл, и я переместился к стене у входной двери, откуда было удобно наблюдать за танцующими. Лили танцевала с Вуди, Билл Фарнем — с миссис Эймори, Пит Инголлс — с Дианой Кейдани, Арман Дюбуа — с женщиной в черном платье, а Уэйд Уорти — с девушкой с одного из близлежащих ранчо. Эд Уэлч, помощник шерифа, сидел на краю сцены, чуть повыше, чем на стуле.

Решив, что никакой пользы принести здесь не могу, я вышел в холл. Шериф Хейт уткнулся в журнал, закинув обе ноги на стол Вуди. Он метнул на меня взгляд, но промолчал. Я тоже не горел желанием говорить с ним. Я подошел полюбоваться на величайшую фразу в американской литературе, досчитал до ста и обернулся. Да, Уэлч был тут как тут. Я мигом придумал три варианта обращения к нему, все чрезвычайно едкие и остроумные, но потом отверг их. Прошагав к двери в задней стене, я открыл ее, вошел и притворил за собой.

Я оказался на кухне в апартаментах Вуди, которая уступала по размерам кухне Лили, но обставлена была столь же современно. Вслед за кухней располагались спальня и ванная, тоже маленькие и функциональные, а затем комната,

которую Лили называла музеем. Огромная, примерно двадцать четыре фута на тридцать шесть, с шестью окнами и с образцами, должно быть, всего, чем в свое время торговал отец Вуди, от точильных камней и восьми сортов жевательного табака в стеклянной витрине до кружевных занавесок на вешалке. Самым тяжелым предметом был 26-дюймовый точильный камень, а самым большим — комбинация маслобойки и морозильника для мороженого. Единственными предметами в комнате, которые не считались музейными, были стулья, светильники и полки с книгами, все в твердых переплетах. Дешевых изданий Вуди не держал. Это была его личная библиотека.

Когда я вошел, две из этих книг лежали на маленьком столике у стены, а еще одна была в руках Вулфа, развалившегося в огромном кресле возле столика. Слева от него стоял торшер, а справа на столике рядом с книгами я увидел стакан и две пивные бутылки — одну пустую, вторую уже начатую. При моем появлении Вулф задрал голову и произнес:

— Неужели?

Имея в виду: где меня черти носили? Я придвинул себе стул и сел лицом к Вулфу:

— Я же говорил вам, что он придет поздно. Он только появился.

— Ты успел побеседовать с ним?

— Нет. И очень сомневаюсь, что стоит это делать.

— Почему? Он пьян?

— Нет. Хейт до сих пор здесь и уходить не собирается. Допустим, я приведу Сэма и через час или шесть часов вы либо выведаете от него что-то, либо нет. Если нет, то вы просто зря потратите время и силы, что достойно сожаления, но случается сплошь и рядом. Если же да, а Хейт по-прежнему будет караулить снаружи, то только сожалением вы уже не отделаетесь. Хейт…

— Я не настолько туп, Арчи. — Он захлопнул книгу, заложив пальцем место, где читал.

— Согласен.

— А это, — он ткнул рукой, — не наружная дверь?

— Наружная. Я тоже не настолько туп. Вы заметили дюжего бабуина, стоявшего недалеко от вас, когда я вошел в холл? Он следует за мной по пятам. Это помощник шерифа Эд Уэлч. На сегодняшний вечер — мой верный хвост. Если я проведу Сэма Пикока сюда через эту дверь, Хейт возьмется за него еще ретивее, когда мы расста-

немся. Да и вывести Пикока через эту дверь не удастся. Уэлч наверняка будет караулить снаружи. Мы все-таки оба оплошали, особенно я. Мне следовало предвидеть, что Хейт явится сюда. Мне следовало отловить Пикока днем или во время ужина, а не развлекаться с этой чертовой форелью по-монтански. В результате же вы можете похвастаться разве что рецептом приготовления форели по-монтански, который передадите Фрицу, и умной фразой на древнем армянском языке. Завтра воскресенье, у Сэма, вероятно, будет выходной, но я все равно разыщу его и доставлю к вам. Чем больше я ломаю себе голову, тем больше мне кажется, что Сэм Пикок — как раз тот, кто нам нужен. Не верю я, что за весь вторник, среду и половину четверга он не слышал от Броделла ни одного слова, которое могло бы пролить свет на то, что случилось. Кстати, не говорил ли я уже то же самое три дня назад?

— Два. В четверг днем. Ты сказал, что пытался использовать мой метод, но так ничего и не добился.

— Да, Сэм упрям, как стадо мулов. Вчера вечером вам удалось выудить из него куда больше, чем мне с трех попыток. Но вы не я, к тому же теперь вы лицо официальное, и Пикок это знает.

Предлагаю сейчас тихонечко улизнуть отсюда через эту дверь. Я отвезу вас домой, вы спокойно выспитесь, а завтра я приведу Сэма Пикока. За остальными заеду сюда потом.

Вулф скорчил гримасу.

— Который час? — прорычал он.

Я взглянул на часы:

— До полуночи еще двадцать четыре минуты.

— Я добрался только до середины книги, которая освежает мне память, — пожаловался он и налил себе пива. — Может, ты пока предупредишь мисс Роуэн, что мы уезжаем?

Я сказал, что это ни к чему, поскольку обычно мы танцуем до часа, и заглянул ему через плечо, чтобы посмотреть, чем он освежает себе память. Это оказался томик эссе Томаса Маколея, посвященный сэру Уильяму Темплу, о котором я не мог вспомнить. Я ходил по комнате, изучая музейные экспонаты, но думал о людях, особенно о Морли Хейте и Эде Уэлче. Я не восхищался ими. Если шериф и его помощник настолько уважают закон и порядок, что остаются на работе в субботу вечером, то могли бы найти занятие поважнее, чем следить за парой достойных граждан, уполномоченных окружным прокурором провести расследование преступления, совершенного на

их территории. Их нужно поставить на место. Я рассмотрел три или четыре способа, как это сделать, когда вернусь, но ни один из них не был достаточно хорош.

Стрелки уже совсем приближались к полуночи, когда Вулф допил пиво, закрыл книгу, выключил торшер, поставил все взятые книги на полку и спросил:

— Что делать со стаканом и бутылками?

У себя дома в такое время он бы сам отнес их на кухню, здесь же приходилось делать скидку на непривычные условия, так что я уважил его и отнес все на кухню сам. Когда я вернулся, Вулф, переместившись в другое кресло, склонился в три погибели и изучал уголок ковра. Он разбирался в коврах, так что я мог представить, о чем он думает, но он даже не хмыкнул. Молча поднялся и протопал вслед за мной к двери, которую я уже открыл. Выходя, спросил, не следует ли выключить свет, а я ответил, что нет, добавив, что выключу потом, когда вернусь.

Снаружи слабый свет, падавший из зашторенных окон, помог нам преодолеть первые двадцать ярдов, потом мы завернули за угол «Вотера» и оказались в кромешной тьме. Луна и звезды скрылись за облаками.

Остаток пути мы прошли едва ли не на ощупь. Других машин рядом с нашим универсалом не было. Ключ от замка зажигания я прихватил с собой, а дверцы запирать не стал, так что сначала, считая это элементарной вежливостью, а не баловством, я распахнул заднюю дверцу перед Вулфом. При этом зажглась лампочка освещения салона, которая принесла нам долгожданный свет. И не только свет, но и чрезвычайно неприятную неожиданность. На заднем сиденье, вернее, частично на сиденье лежало туловище, а голова и ноги свешивались вниз.

Вулф посмотрел на меня, и я открыл дверцу пошире. Я не хотел ни к чему прикасаться, но оставалась надежда: а вдруг он еще дышит? Поэтому я подпер дверцу спиной, а сам наклонился к нему. Проще всего было бы положить ему на ноздри пушинку или что-то в этом роде, но у меня ничего подобного под рукой не оказалось, и я взял его за запястье. Пульс не прощупывался, но рука была теплая. Неудивительно, ведь какой-то час назад я еще видел его в танцевальном зале. Крови не было видно, лишь на виске багровел кровоподтек. Я осторожно прикоснулся к нему, нащупал рядом глубокую вмятину и выпрямился.

— Не думаю, что он жив, — сказал я. — Я оста-

нусь здесь, а вы ступайте назад, к этому чертову шерифу. Крайне некстати. Пусть захватит врача — там их по меньшей мере двое.

Я вытащил из-под переднего сиденья фонарик, зажег и посветил в направлении прохода между двумя зданиями.

— Вот кратчайший путь. Ступайте туда.

Я протянул фонарик Вулфу, но тот помотал головой:

— А нельзя ли…

— Сами знаете, что нельзя. Есть один шанс из миллиона, что он еще жив, а раз так, то может заговорить. Но вы вовсе не обязаны признаваться Хейту, что это Сэм Пикок. Скажите: какой-то неизвестный. Берите.

Вулф взял фонарик и растворился в темноте.

Глава 10

Человеческий мозг напоминает свалку мусора — мой, во всяком случае. После ухода Вулфа следовало срочно обдумать как минимум дюжину разных вариантов; вместо этого мой мозг настойчиво спрашивал: как Лили доберется домой? Едва мне удалось найти приемлемый выход из положения и переключиться на более насущный вопрос, как в проходе загромыхали шаги. Хейт приблизился, заглянул внутрь, повернулся ко мне и спросил:

— Это ваша машина?

Будь в его распоряжении даже целая ночь, вряд ли он придумал бы более глупый вопрос. Как это могла быть моя машина, если моя машина осталась в Нью-Йорке, а ведь Хейт прекрасно это знал.

— Все документы на автомобиль в бардачке, — ответил я. — Врача нашли?

— Полезайте на переднее сиденье! — велел Хейт и переложил фонарик в левую руку, а правую опустил на рукоять пистолета в поясной кобуре.

— Я предпочел бы не прикасаться к машине, —

сказал я. — Если бы я хотел смыться, то не стал бы дожидаться вас здесь. Мне не впервой попадать в такое положение. Врача нашли?

— Я приказал вам садиться вперед. — Он вытащил пистолет из кобуры.

— Катитесь к дьяволу!

Неужели он был настолько глуп, чтобы подумать, что я могу удрать или напасть на него. А может, он вообразил себя Дж. Эдгаром Гувером? Продолжить мужской разговор мы не успели, потому что в проходе послышались торопливо приближающиеся шаги, и Хейт направил туда луч фонарика. В тусклом свете я разглядел лысого мужчину в яркой спортивной куртке. Это был врач Фрэнк Милхаус, которого я знал в лицо, но знаком с ним не был. Милхаус остановился позади универсала и неуверенно огляделся по сторонам.

— Фрэнк, он в машине, — сказал Хейт.

Милхаус заглянул внутрь, потом выпрямился и посмотрел на шерифа:

— Что с ним случилось?

— Это ты должен мне сказать, — ответил Хейт.

Врач пыхтя полез внутрь. Три минуты спустя он выбрался наружу и сказал:

— Ему нанесли по меньшей мере три удара по

голове тупым предметом. Думаю, он мертв, но не смогу сказать наверняка, пока… А вот и он.

Я оглянулся и увидел Эда Уэлча, который подошел, держа в одной руке фонарик, а в другой какой-то черный предмет. Приблизившись к машине, он заглянул внутрь.

— Это Сэм Пикок, — сообщил он.

Воздадим должное офицерам полиции округа Монро: мало кто мог сравниться с ними в проницательности. Милхаус взял у помощника шерифа черный предмет, оказавшийся чемоданчиком, извлек из него стетоскоп и снова склонился над телом того, кого наконец официально признали Сэмом Пикоком. Две минуты спустя он выпрямился и сообщил:

— Он мертв.

— Это окончательно? — спросил Хейт.

— Конечно окончательно. Что может быть окончательнее смерти?

— Есть еще следы, кроме ударов по голове?

— Не знаю. — Милхаус убрал стетоскоп в чемоданчик. — Смерть, безусловно, насильственная, тут сомнений нет, а остальное определит коронер.

— Мы занесем тело внутрь, где вы сможете его осмотреть.

— Не я. Как вам известно, я уже имею печальный опыт и не хотел бы его повторить.

И он зашагал прочь. Хейт что-то сказал ему вслед, но доктор не остановился и вскоре пропал из виду. Хейт повернулся ко мне и процедил:

— Вы арестованы. Садитесь вперед.

— На каком основании? — поинтересовался я.

— Как важный свидетель. Пока хватит и этого. Залезайте.

— Что ж, вам и карты в руки. — Я пожал плечами. — Но каждый дюйм этой машины… — Я замолчал, заметив, как дернулось правое плечо шагнувшего ко мне Эда Уэлча.

Я верно истолковал его жест. Увесистый правый кулак помощника шерифа вылетел из темноты, метя мне в подбородок. Правда, двигался он не по прямой, а по дуге, так что, когда кулак должен был соприкоснуться с моей челюстью, она была уже в шести дюймах правее, и он просвистел мимо. Однако Хейт тоже не терял времени даром. Не успел я выпрямиться, как в ребра мне больно вонзился ствол пистолета. Уэлч снова размахнулся, но на сей раз я применил другую уловку: в последний миг чуть-чуть отвернул лицо, и кулак лишь скользнул по скуле. От такого удара не пострадало бы и пугало, я же пошатнулся и

мешком рухнул на землю.

Уэлч ударил меня ногой, целя в голову, но из-за темноты угодил в плечо. Не хочу передавать его слова, поскольку вы все равно мне не поверите, но сказал он следующее:

— За сопротивление аресту.

Когда слышать его могли только мы с Хейтом. Я покрутил головой налево и направо, думая, что подоспели какие-то зрители, на которых Уэлч хотел произвести впечатление, но нет. Потом он произнес:

— Ну-ка вставай!

Я не шелохнулся по той же причине, по которой только что брякнулся наземь: я слишком хорошо представлял, что меня ждет, если рискну подняться. Возможно, вы еще не поняли, в каком настроении я пребывал после двух недель совершенно никчемного времяпрепровождения. А тут еще Сэма Пикока убили. Прощай, наша последняя надежда! Так что нервы мои были уже на пределе. Встань я сейчас — и либо Хейт с Уэлчем горько пожалеют, что попались на моем пути, либо меня угостят одной или несколькими пулями… И в том, и в другом случае я проигрывал, поэтому предпочел оставаться на месте, хотя в спину больно впился какой-то камешек.

— Вставай, гад! — злобно прошипел Уэлч.

Я подумал, что он опять собирается меня лягнуть. Так, должно быть, подумал и сам Уэлч. Однако Хейт вмешался:

— Он же обделался. Если Милхаус начал трепаться, здесь скоро будет целая толпа. Иди и отправь сюда Фарнема, быстро разыщи Эверса, а потом позвони доку Хатчинсу, чтобы поспешил сюда. До его прихода труп должен оставаться на месте. Ради всего святого, шевелись!

Я точно знаю, сколько времени оставался на земле: с 00:46 до 01:28. Я предпочитаю точность в важных вопросах. Будь дело только в Хейте с Уэлчем, я бы поднялся куда раньше: народ валом повалил сразу с трех сторон — через проход, из-за угла Дома культуры и из-за универмага «Вотер», так что добрых полчаса я наблюдал, как Хейт размахивает пистолетом, урезонивая толпу, а Уэлч с Биллом Фарнемом безуспешно стараются отпихнуть зевак сразу со всех сторон универсала. Впрочем, вплотную к телу сумел пробиться лишь один человек — доктор Хатчинс, коронер, который появился на месте происшествия в 01:19. К тому времени Хейту удалось найти из числа любопытных троих или четверых, которые помогали сдерживать толпу, да еще двое привели

свои машины, фары которых освещали место действия. В 01:28 Хейт стоял в четырех шагах от меня, переговариваясь с доктором Хатчинсом, и я решил, что пора подняться и проверить, по-прежнему ли меня хотят впихнуть на переднее сиденье. Сказано — сделано. Я встал, нагнулся, чтобы отряхнуться, а когда выпрямился, рядом стоял Эд Уэлч. В правой руке он держал пару наручников. Я вытянул вперед обе руки, чтобы ему не пришлось выкручивать мне запястья, и Уэлч защелкнул наручники. Новенькие, блестящие — загляденье.

— Моя машина там на улице. — Он кивнул в направлении прохода между двумя зданиями. — Сюда.

Он схватил меня за руку и потащил за собой. Толпа немного поредела, но все равно добрая сотня зевак следила за тем, как офицер полиции эскортирует преступника, явно опасного, благо он в наручниках, к машине. В луче света одной из фар мне удалось разглядеть Лили, а рядом с ней Диану с Уэйдом и Питером Инголлсом. Они помахали мне, и я помахал в ответ — обеими руками сразу, после чего Лили выкрикнула:

— Вуди отвез его!

Я вздохнул с облегчением. В глубине души я

опасался, что в машине меня уже ожидает Вулф, тоже в наручниках, а такая цена была чрезмерно высокой даже для меня.

Но в полицейском «меркурии», поставленном во втором ряду напротив универмага «Вотер», тем не менее кто-то сидел. Правда, на месте водителя. Приглядевшись, я узнал Джила Хейта. Уэлч открыл передо мной заднюю дверцу, Джил повернул в нашу сторону длинную шею, и я поздоровался:

— Добрутро.

Джил рассмеялся. Смешок вышел довольно нервозный. Уэлч уселся рядом со мной, захлопнул дверцу и сказал:

— Давай, Джил, поехали. Папаша передал, чтобы ты сразу возвращался.

В четверть третьего мы подкатили к зданию суда в Тимбербурге. За всю дорогу никто не проронил ни слова. Когда трое мужчин трясутся вместе в машине, которая то и дело подпрыгивает на ухабах или проваливается в яму, и при этом не обмениваются ни единым словом, это означает, что они что-то не поделили. В нашем случае, как вам известно, что-то не поделили мы с Уэлчем, но и между Уэлчем и Джилом тоже явно кошка пробежала. Когда мы с Уэлчем вылезли

на тротуар, помощник шерифа повернулся к Хейту-младшему:

— Передай отцу, что я скоро вернусь.

— Угу, — откликнулся Джил.

Четверо подростков — двое парней и две девушки — остановились поглазеть, когда заметили, что я в наручниках, так что Уэлч снова мог покрасоваться. Из большого вестибюля он провел меня по коридору до двери, в которую я заходил каких-то шестнадцать часов назад, еще не закованный в кандалы. Достав из кармана связку ключей, Уэлч выбрал нужный и отпер дверь. Это меня удивило. Я думал, что к тому времени кто-то уже должен дежурить у телефона, чтобы поддерживать связь. Уэлч щелкнул выключателем, кивком указал мне на стул у стены, а сам сел за стол.

— Штаны просохли? — поинтересовался он с мерзкой улыбочкой.

Я счел ниже своего достоинства отвечать на такой вопрос и промолчал.

Уэлч выдвинул ящик стола, достал стопку бланков, поставил шариковой ручкой на верхнем бланке дату и время и спросил официальным тоном:

— Вас зовут Арчи Гудвин? А-Р-Ч-И?

— Я хочу позвонить своему адвокату, — за-

явил я.

Уэлч ухмыльнулся, очень гаденько:

— Каждую пятницу вечером Лютер Доусон уезжает в свой горный коттедж, к югу от Хелены. Телефона там нет и…

— Доусон меня не интересует. Я хочу позвонить Томасу Р. Джессапу.

Ухмылку как ветром сдуло.

— Но Джессап — не ваш адвокат, — проблеял он.

— Он юрист. У меня в кармане лежит подписанная им бумага. Я меняю свою просьбу. Теперь это уже требование. Я настаиваю на том, что хочу позвонить своему юристу.

— Я передам ваше требование шерифу, когда его увижу. Значит, А-Р-Ч-И?

— Напишите просто «Икс». И зарубите себе на носу: пока я не переговорю с мистером Джессапом, я буду нем как рыба. Это мое конституционное право. Спросите, что я предпочитаю на завтрак — грудинку или окорок, — я все равно буду держать рот на замке. Поскольку вы не спросили, я замечу, что лучше всего подать мне и то и другое, а я сам выберу. Или даже…

Я болтал первое, что взбредет в голову, поскольку Уэлч пытался привести в порядок свои мысли

и решить, что делать дальше, а моя трескотня явно сбивала его с толку. Дело, конечно, было не во мне, а в Томасе Р. Джессапе. Уэлч, наверное, хотел бы посоветоваться с Хейтом, но найти того можно было только через Вуди. В лучшем случае. Наконец Уэлчу удалось собраться с мыслями, и он потянулся к телефону. Я ожидал, что он наберет номер Вуди, но он просто нажал на кнопку и через несколько секунд заговорил:

— Морт? Говорит Эд Уэлч. Тут тебя кое-кто дожидается в офисе шерифа. Приезжай и забери его… Нет, ходить он в состоянии… А тебе какое дело, черт побери?! Забери его! Пошевеливайся!

Он положил трубку и принялся что-то писать на бланке. Тем временем я лихорадочно думал, как мне выкрутиться. Лили, конечно, пыталась разыскать Доусона, а Вулф, наверное, старался связаться с Джессапом. Увы, помочь им я был не в силах и мог только надеяться на удачу. Одно я знал наверняка: в воскресенье на завтрак мне не подадут ни грудинку, ни окорок, как, впрочем, и в понедельник. Вопрос стоял иначе: мог ли я вообще хоть что-то предпринять? Например, сказать Уэлчу что-нибудь такое, что испортило бы уик-энд и ему?

Когда открылась дверь и вошел Морт, я так и не

успел придумать ничего стоящего. Морт оказался довольно жилистым недомерком с длинным багровым шрамом на левой щеке, в мятых серых форменных брюках, грязной серой рубашке и с револьвером на ремне. Уэлч окинул его мрачным взглядом и спросил:

— Где твоя куртка?

— Там жарко, — пожал плечами Морт. — Забыл надеть.

— Придется подать рапорт, — процедил Уэлч, поднялся, подошел ко мне, отомкнул наручники и снял их.

— Встаньте! — приказал он. — И выньте все из карманов. Все до последней мелочи.

— Я оставлю себе бумагу, которую подписал Томас Р. Джессап, — заявил я.

— Ничего вы не оставите. Выкладывайте.

Я повиновался. Куча на столе быстро росла. Я порадовался, что не прихватил с собой ничего личного вроде копии своего письма Вулфу. Когда я закончил, Уэлч обыскал меня, довольно профессионально, а потом поразил меня. Взяв в руки мой бумажник, он извлек из него банкноты и, вместо того чтобы пересчитать их и дать мне расписку, как я ожидал, протянул бумажки мне:

— Можете оставить.

Я с удивлением забрал деньги, а Уэлч тем временем сгреб со стола всю мелочь и тоже отдал мне. Такого со мной не случалось еще ни разу, хотя я давно потерял счет арестам. Что ж, я лишний раз убедился, что жители Монтаны непредсказуемы. Правда, не исключено, что помощник шерифа просто пускал мне пыль в глаза, рассчитывая, например, на то, что мой сокамерник или тюремщик оберет меня до нитки, а потом поделит добычу пополам.

— Посади его в пятую камеру! — приказал Уэлч Морту. — И будь с ним поосторожнее. Греве по-прежнему в двенадцатой?

— Сами знаете, — кивнул Морт.

— Ладно, веди этого в пятую. Отпечатки пальцев Эверс возьмет у него потом. Похоже, он убийца, так что времени у нас хватит. Не могу сказать тебе, как его зовут, потому что отвечать он отказывается. Можешь называть его…

— Я знаю его имя, — перебил Морт. — Это Гудман. — Он положил руку на кобуру. — Пойдем, Гудман.

Я повиновался.

Глава 11

В воскресенье в десять минут шестого утра надзиратель открыл ключом дверь моей камеры и объявил:

— К вам пришли.

Не могу сказать, что я очень обрадовался. Ни Вулф, ни Лили прийти ко мне не могли. Скорее всего, это был Лютер Доусон, поскольку Лили, когда ее припирают к стенке, становится чрезвычайно предприимчивой. Но в любом случае это всего лишь визит вежливости. Я мысленно поставил двадцать против одного, что в августовское воскресенье во всем округе не сыскать ни единого судьи, который мог бы распорядиться выпустить меня под залог. Конечно, гостем мог оказаться и шериф Хейт, но толку от такого посещения было бы кот наплакал. Он бы пытался заставить меня говорить, а я бы со свойственным мне остроумием препирался, настаивая на том, что нем как рыба. Словом, меня мало беспокоило, кем в итоге окажется мой посетитель. Я шагнул к двери и столкнулся нос к носу с Эдом Уэлчем. Увидев, что он держит в руке наручники, я удив-

ленно приподнял бровь. Куда мы отправляемся на сей раз?

Уэлч ловко защелкнул наручники у меня на запястьях и сказал:

— Пошли.

Я зашагал по коридору. Проходя мимо камеры номер двенадцать, я мысленно выразил надежду, что Греве не придет в голову именно в этот миг выглянуть и увидеть меня, поскольку времени на объяснения не было. Уэлч отпер ключом массивную зарешеченную дверь в конце коридора, потом еще одну, и мы очутились в самом конце бокового крыла здания суда. Однако мы и там не остановились, а продолжили путь до главного вестибюля и поднялись по лестнице. Я уже начал думать, что проиграл пари о судьях. Неужели Лили и Доусону удалось прервать уик-энд одного из них? Но на втором этаже Уэлч увлек меня направо к двери, в которую мне уже доводилось заходить прежде. Она была нараспашку, и в проеме при нашем приближении показался тот самый человек, имя которого красовалось на прикрепленной к двери табличке — окружной прокурор Томас Р. Джессап. Нас разделяло еще шага четыре, когда он заговорил:

— А зачем наручники, Уэлч?

— А почему бы и нет? — переспросил Уэлч.

— Снимите их.

— Если это приказ, то ответственность ложится на вас. Он оказал сопротивление при аресте.

— Это приказ. Снимите их и заберите с собой. Я позвоню, когда вы мне понадобитесь.

— Я никуда не ухожу. Мне приказали присутствовать при разговоре.

Джессап шагнул вперед:

— Снимите наручники либо отдайте ключ мне. Если вы сами не сознаете, кто здесь вправе отдавать приказы, то шерифу Хейту это, без сомнения, известно. Как и мне. Так что отдайте мне ключ и не переступайте порог моего кабинета. Когда вы мне понадобитесь, я позвоню.

После мучительного раздумья Уэлч вынул связку ключей, отцепил от нее нужный ключ и отдал Джессапу, после чего повернулся и загромыхал вниз по лестнице.

Джессап кивком показал, чтобы я заходил, вошел следом и закрыл за собой дверь. Выглядел он таким же молодцеватым и подтянутым, как обычно, но глаза были красные и опухшие, а на щеках появилась щетина. Ни в приемной, куда мы вошли, ни в кабинете, куда мы последовали, кроме нас, не было ни души. Кабинет был хорошо

освещен светом, проникавшим через три окна. Джессап придирчиво осмотрел меня и сказал:

— Никаких отметин я не вижу.

— За исключением плеча, в которое меня лягнул Уэлч, — сказал я. — Мое сопротивление аресту проявилось в том, что я попытался уклониться от зуботычины.

Я протянул вперед обе руки. Джессап снял с меня наручники и спросил:

— Что вы им рассказали?

— Ничего. Только объяснил Уэлчу, что означает выражение «буду нем как рыба». И еще попросил разрешения позвонить юристу по имени Джессап. Это было около трех утра. С тех пор разговаривать было не с кем.

— А Хейт?

— Не появлялся.

— Хорошо. Сейчас мы поговорим, но сначала… — Он указал на обвязанную бечевкой коробку. — Это от мисс Роуэн. Закуска. Сейчас поедите или сначала поговорим?

Я ответил, что лучше поговорить, а уж потом не торопясь перекусить. Джессап уселся за свой письменный стол. Когда я сел напротив, Джессап извлек из внутреннего кармана пиджака конверт и протянул мне:

— Тут все написано.

Я взял конверт. Он не был запечатан и внутри находился один лист бумаги с шапкой ранчо «Бар Джей-Эр». На листе знакомым мне до боли почерком было написано:

А. Г.

Я долго беседовал с мистером Джессапом и рассказал ему обо всем, что имеет отношение к проводимому нами расследованию. Будь с ним также полностью откровенен. Мы втянули его в эту игру, и, мне кажется, он полностью на нашей стороне.

Н. В.

11 августа 1968 г.

Сложив записку, я убрал ее в конверт, который вернул Джессапу.

— Я бы хотел сохранить ее на память, — сказал я, — но Уэлч наверняка обыщет меня по возвращении. Хорошо, я все вам расскажу, но сперва, если позволите, пара вопросов. Где мистер Вулф?

— В коттедже мисс Роуэн. Я подписал бумагу, где сказано, что он арестован и я слежу за его передвижениями, но трогать его без моей санкции нельзя. Юридическая ценность этой бумажки сомнительна, но пока она нас устроит. Второй вопрос?

— Чем убили Сэма Пикока?

— Камнем размером с ваш кулак. Всего ему нанесли четыре или пять ударов. Камень нашли на земле футах в двадцати от машины. Доктор Хатчинс отправил его в Хелену на экспертизу, но он уверен, что именно этот камень и послужил орудием убийства. Поверхность, по его словам, слишком шершавая, чтобы на ней остались отпечатки пальцев. Взять камень могли где угодно. Сами знаете, местность здесь каменистая.

— Какие-нибудь предположения есть? Улики?

— Ровным счетом ничего. Не считая вас, конечно. Вы там были, так что вы подозреваемый номер один. Вулф в записке написал, что вы втянули меня в свою игру и что я полностью на вашей стороне. Это и в самом деле так, поэтому молю Бога о том, чтобы мне не пришлось впоследствии пожалеть об этом. Поговорив с Вулфом, я пришел к убеждению, что вы не убивали Сэма Пикока, но толку от этого мало. Вулф считает, что оба убийства взаимосвязаны. Вы, должно быть, придерживаетесь того же мнения.

— Конечно. Предлагаю пари на любую сумму.

— Почему?

— Чуть позднее объясню. — Я откинулся на спинку стула и закинул ногу на ногу. Замеча-

тельное ощущение после колченогого табурета в моей камере. — Вам, конечно, не терпится сравнить мои показания с тем, что рассказал Вулф. С чего начнем?

— Со дня его приезда, — сказал Джессап. — В случае чего я перебью вас.

Я начал рассказывать. Поскольку мне велели быть полностью откровенным, никаких сложностей я не испытывал. Умолчал я лишь о телефонных звонках Солу Пензеру — как-никак целых две тысячи миль отделяли его от округа Джессапа. Что касается разговоров, то я изложил их кратко, кроме беседы Вулфа с Сэмом Пикоком в пятницу вечером. Это я передал дословно. Джессап оказался хорошим слушателем и лишь дважды прервал меня, чтобы задать вопрос. Записей он не делал. Напоследок я рассказал ему о разговоре с Пегги Труэтт в танцевальном зале и о заключительной беседе с Вулфом в кабинете Вуди.

— Потом, — закончил я, — мы отправились к машине и увидели сами знаете что. Дальнейшие подробности вас, должно быть, мало интересуют, поскольку связаны уже только со мной, а не с расследованием. Извините за хрипоту — в горле пересохло. Официанты в тюрьме никудышные.

Водичкой не угостите?

— О, прошу прощения. Мне следовало… — Он встал. — Виски или водку?

Я ответил, что с меня хватило бы и воды, но если он настаивает, то немного виски мне не повредит. Джессап подошел к медно-красному холодильнику в углу кабинета и достал бутылки и лед. Даже самая придирчивая женщина заметила бы лишь один изъян: он не захватил поднос. Правда, как я не крутил головой, подноса нигде не увидел. Когда Джессап вернулся к своему креслу и сел, на столе передо мной стоял внушительных размеров стакан с двумя кубиками льда, погруженными в виски, а также графинчик с водой. Сам прокурор тоже прихватил стакан. Я наполнил свой до краев водой и пододвинул графинчик к Джессапу, сделал приличный глоток и произнес:

— Совсем другое дело. — Я отхлебнул еще виски и продолжил: — Насчет того, что оба убийства взаимосвязаны. Вы, конечно, понимаете, что мистер Вулф и я хотим, чтобы они были взаимосвязаны, но этого мало. В пятницу у мистера Фарнема мистер Вулф дал всем понять, что еще не закончил разговор с Сэмом Пикоком. Возможно, кому-то из присутствующих было известно, что

Сэм и впрямь что-то видел или слышал, о чем мистер Вулф не должен знать, но это не обязательно. Прошлой ночью у Вуди были все с ранчо Фарнема. И любой из них мог проболтаться, что Ниро Вулф собирается всерьез заняться Сэмом Пикоком. — Я сделал глоток и поставил стакан. — Как-то мистер Вулф сказал одному человеку: «В мире причин и следствий любые совпадения подозрительны». Вчера у Вуди собралось человек двести, а то и триста, а убит был только один. И кто? Именно тот, который сопровождал Броделла за два дня до того, как того убили, и именно тот, кого собирался допрашивать Ниро Вулф. Нет, таких совпадений не бывает.

— Вулф тоже так считает, — кивнул Джессап.

— Еще бы! Он мыслит примерно так же, как и я. Мои показания не слишком разнятся с его?

— Вообще не разнятся.

— У него хорошая память. Этот виски напомнил мне, что я голоден. Когда до моих ноздрей донесся аромат тюремной стряпни, я решил сесть на диету. Мистер Вулф никогда не говорит о деле за едой, но я могу отступить от этого правила. — Я поднялся. — Могу я вскрыть эту коробку?

Джессап сказал, что да, конечно, и я перетащил ее на стол. Не став ковыряться с довольно

запутанным узлом, я одолжил у Джессапа нож, перерезал бечевку, раскрыл коробку и принялся выкладывать содержимое на стол.

Когда я закончил, места на столе почти не оставалось. Вот что было в коробке:

1 банка ананасов,
1 банка слив,
10 (или даже больше) бумажных салфеток,
8 картонных тарелочек,
1 банка икры,
1 кварта молока,
8 ломтей хлеба, выпеченного миссис Барнес,
6 бананов,
1 пластиковый контейнер с картофельным салатом,
4 яйца вкрутую,
2 куриные ножки,
1 кусок висконсинского сыра,
1 баночка паштета,
1 пирог с черникой,
6 бумажных стаканчиков,
2 ножа,
2 вилки,
4 ложки,
1 консервный нож,
1 солонка с солью.

Я выразил надежду, что мистер Джессап тоже проголодался. Он ответил, что сказал мисс Роуэн, что попытается устроить мне еще одно свидание в понедельник, если удастся.

— Конечно, — добавил он, — это не так просто, потому что завтра здесь будут сновать люди. Мисс Роуэн все утро пыталась связаться с Лютером Доусоном, но так и не смогла. По уик-эндам он вне досягаемости. У себя в офисе он не появится до завтрашнего полудня, но мисс Роуэн позвонит ему домой, а ехать сюда от Хелены часа три. Потом, завтра здесь уже будет судья. Вы понимаете, что мое положение несколько… щекотливо. На судебных заседаниях я представляю население штата Монтаны, и Хейт будет настаивать, чтобы я попросил назначить высокий залог. Он даже захочет, чтобы я попытался добиться запрещения отпускать вас под залог, но на это я, конечно же, не пойду. Я уже объяснил положение Вулфу и мисс Роуэн.

Я сосредоточенно пережевывал крутое яйцо, в то же время намазывая на хлеб икру и паштет.

— Больно не то, что я нахожусь внутри, — сказал я, — а то, что я не нахожусь снаружи. После того как я был совершенно бесполезен в течение двух недель, теперь я мог бы заняться детек-

тивной работой с реальным шансом на успех, если бы меня не заперли. — Я пододвинул к нему несколько предметов. — Угощайтесь чем-нибудь. Прошу вас.

— Спасибо. — Джессап потянулся за ломтиком хлеба и икрой. — А что бы вы сделали, если бы были снаружи? — полюбопытствовал он.

— То, что должен был сделать Хейт, но не делает. И Уэлч. Вместо того, чтобы следить за мной. Объяснить?

— Да.

Я намазал хлеб икрой.

— Я все как следует обмозговал, пока сидел в камере. Каким образом Пикок и Икс встретились там, на задворках универмага «Вотер»? Договорились о встрече. Заранее? Нет. Уже после прихода Пикока без девяти одиннадцать. Встретились в танцевальном зале и прямо там же договорились о времени и месте. Вышли по очереди и…

— Это только ваши предположения.

— Конечно. Начинать можно только с предположений. А уж потом выстраивать всю логическую цепочку и отбрасывать лишнее. Итак, в танцевальном зале произошли три события: Пикок и Икс встретились, поговорили и потом вышли по отдельности. Кто-то наверняка это видел. Разы-

щите свидетелей. Именно этим я бы и занимался сейчас, если бы был свободен. Работенка, конечно, пустячная — и ребенок справился бы с ней, но сыскное дело большей частью состоит именно из такой работы. Именно этим и должен заниматься Хейт, но если на работе он держит глаза открытыми, то ему и не нужно это делать. Если он находился там, где был, когда я вошел к мистеру Вулфу четверть одиннадцатого, а он наверняка прямо там и был, а не в десяти шагах от двери, через которую они вышли. Причина, по которой я считаю, что они ушли по отдельности, — это лишь мои мысли — Икс, когда уходил, не предполагал, что Пикок вернется. Вероятно, Икс уже побывал на задворках «Вотера», и, возможно, у него был камень в руке, когда пришел Пикок. Но это всего лишь детали, которые помогают скоротать время, когда сидишь в камере. Вопрос в том: кого заметили разговаривающим с Пикоком в танцевальном зале? И кто покинул зал между одиннадцатью пятнадцатью и полуночью?

Я подцепил вилкой кусок паштета, перенес его на хлеб, потом прикончил виски и налил молока.

Джессап ковырял вилкой куриную ножку на картонной тарелке.

— Но многие выходили, ведь так? — возразил он.

— Я бы не сказал, что многие. Конечно, некоторые выходят, но большинство возвращаются. В этом нет ничего странного, только усложняет ситуацию… Могу я попросить у вас листок бумаги и ручку или карандаш? Что угодно…

Джессап протянул мне блокнот и ручку, которую вынул из кармана. Я жевал хлеб с паштетом и пил молоко, которое было теплым, пока решал, как лучше выразиться, а потом написал:

Н. В.

Я беседую с Джессапом согласно инструкциям. Рад, что Вас содержат под домашним арестом, поскольку местная тюрьма слишком старая, а разных средств от насекомых здесь не жалеют. Пусть Лили Роуэн или еще кто-нибудь разыщут и приведут к вам девушку по имени Пегги Труэтт. Она дружила с Сэмом Пикоком и может знать кое-что ценное для нас. Возможно, она даже знает, с кем он должен был встретиться. Надеюсь, что Хейту не удастся опередить Вас и наложить на нее лапы, прежде чем Вы с ней поговорите. Надеюсь также, что мне не придется ехать в Сент-Луис, поскольку Вы явно потревожили зверя в его логове, и мы возьмем его здесь.

А. Г.

11 августа 1968 г.

Я протянул блокнот Джессапу со словами:

— Прочитайте, пожалуйста. Чем быстрее он получит эту записку, тем лучше.

Джессап пробежал записку глазами, потом перечитал второй раз:

— А почему именно так? Почему не позвонить ему?

Я покачал головой:

— Телефон Лили могут прослушивать. А судя по тому, что мне говорили про Хейта и про его отношение к вам, ваш телефон тоже могут прослушивать.

— Чертовски неприятное положение!

— Согласен.

Джессап посмотрел на записку:

— «Вы явно потревожили зверя…» Каким образом?

— Неужели не ясно? Конечно, Пикока и так могли убить, если, например, он шантажировал убийцу, но, скорее всего, он и сейчас был бы жив, если бы Ниро Вулф так не насел на него. Другое дело, что вместо Вулфа это давно должен был сделать Хейт. Или вы.

Джессап пропустил мой выпад мимо ушей.

— Пегги Труэтт — это та девушка, с которой вы разговаривали, когда появился Пикок?

— Совершенно верно. Как видите, я ничего не утаил. Если хотите допросить ее сами, то…

— Не хочу. — Джессап еще раз взглянул на листок. — Вам ни к чему ехать в Сент-Луис. Туда летит некий Сол Пензер. Собственно говоря, — Джессап кинул взгляд на часы, — он уже должен быть там, если самолет не задержался.

— Вот как? — Я смачно откусил добрых полбутерброда с икрой. — Я, по-моему, не упоминал о нем. А что сказал Вулф? Он звонил? Когда?

— Сегодня утром. Я отвез его к Вуди. Вулф сказал Пензеру, чтобы тот оставил вместо себя в Нью-Йорке другого человека… Забыл имя.

— Должно быть, Орри Кэтер.

— Да, точно. Потом Вулф сказал, чтобы Пензер первым же рейсом вылетел в Сент-Луис, и дал дальнейшие инструкции. У меня сложилось впечатление, что Вулф пришел к заключению… Словом, Вулф полагает, что кто-то из гостей Фарнема знал Броделла раньше. Вернувшись на ранчо мисс Роуэн, мы прихватили ее с собой и поехали к Фарнему. И я… я попросил, чтобы он разрешил мисс Роуэн их сфотографировать. Она взяла фотоаппарат с собой.

— Да, — кивнул я, — она увлекается фотографией. Кто-нибудь возражал?

— Нет. Фарнем восторга не выказал, но возражать не стал. Пленку я привез сюда и сейчас ее проявляют в лаборатории. Я хотел отвезти снимки мисс Роуэн вечером, но, поскольку нужно передать записку Вулфу, съезжу сейчас. Как только будут готовы фотографии. Кстати, мне понравилась затея мисс Роуэн с закуской. Хорошо, когда женщины понимают, что не хлебом единым жив человек. Завтра рано утром она едет в Хелену, чтобы отправить фотографии авиапочтой Солу Пензеру и заодно прихватить с собой Лютера Доусона. Она не… Вы помните, что при нашей прошлой встрече она потребовала, чтобы я убрался вон.

— Она просто предложила вам подождать в машине. Очень вкусный сыр. Попробуйте.

— А если бы я не убрался, вы бы выставили меня силой. Так вот, теперь с обоюдного согласия этот досадный эпизод забыт. Я немного разоткровенничался с мисс Роуэн. Только это между нами, ладно? Я давно должен был понять, что конфликт между мной и Хейтом закончится только тогда, когда один из нас уйдет со сцены. И что я воспользовался возможностью, предоставленной мне

его некомпетентным расследованием убийства Филипа Броделла. Я признался также в том, что рад оказаться в одной упряжке с вами и Вулфом. Если мы проиграем, то мне конец, но я убежден, что мы победим.

Он взял ломтик сыра.

— А мистеру Вулфу вы это сказали?

— Нет. Только мисс Роуэн. Он… как бы сказать… не совсем располагает, что ли.

— Это верно. Метко сказано: не располагает. Что ж, передайте тогда ему и мисс Роуэн, что коль скоро они так легко без меня управляются, то пусть не беспокоятся о залоге. Сберегут деньги. К тому же Доусон мне не слишком нравится. А Хейт меня выпустит, когда они доставят к нему убийцу. У вас в холодильнике хватит места для того, что осталось?

— Конечно. Но здесь целый день будут люди.

— Подождем, пока они разойдутся. До тех пор я все равно не успею проголодаться. Средство, которым они морят тараканов, плохо возбуждает аппетит. — Я взял со стола консервный нож. — Ананасы или сливы?

Глава 12

Поскольку я не спрашивал, то так до сих пор и не знаю, какая участь постигла остатки закуски.

Когда вы в следующий раз попадете в тюрьму, попытайтесь действовать так. В две стадии. Сначала определите, можете ли думать о чем-нибудь полезном и практичном. Если да, то приступайте. Если нет, то переходите сразу ко второй стадии. Прежде всего, дайте себе зарок, что окончательно и бесповоротно оборвете всякую связь между собой и собственным мозгом. Кажется, такой фокус порой проделывают люди, пытаясь уснуть, но мне судить трудно, поскольку у меня такой проблемы никогда не было. Вообще, попав в тесную одиночную камеру, вы поразитесь тому, как тянется время. И еще обнаружите, что ваш мозг дьявольски горазд на всякие выдумки, и если вы оставили для него пусть даже самую незаметную и крохотную лазейку, он ее непременно отыщет. Например, в понедельник днем я решил, что пора бы часок соснуть, и, закрыв глаза, принялся представлять себе женские коленки. Так вот, я просмотрел уже добрых несколько сот коленок

самой разной формы и привлекательности, когда вдруг обнаружил, что мой мозг стучится в дверь и требовательно вопрошает, не думаю ли я, что кто-то в данный миг любуется на коленки Пегги Труэтт. И если да, то кто — Ниро Вулф или шериф Хейт? И что они при этом говорят?

Прямо наваждение какое-то! Я рассвирепел, вскочил с койки, ударом ноги отбросил с дороги табурет и принялся мерить шагами камеру.

О кормежке я вам рассказывать не буду, поскольку вы сочтете, что я просто капризничаю. Но мне и в самом деле кажется, что и в овсяную кашу, и в рагу добавляют средство от клопов.

Когда без двадцати шесть перед дверью моей камеры остановились шаги, я валялся на койке, сняв туфли и размышляя о том, не остался ли еще Джессап один. Признаться честно, остатки трапезы меня заботили, но еще больше я ждал новостей. Шагам за дверью я особого значения не придал. Надзиратель частенько проверял, не перепиливаю ли я прутья решетки или не пытаюсь ли смастерить бомбу. И вдруг повернулся ключ в замочной скважине. Я свесил ноги с койки и сел. Дверь распахнулась, и вошедший произнес:

— Выходите. Обувайтесь и прихватите с собой пиджак.

Я узнал в посетителе Эверса, второго помощника Хейта. Он стоя следил за тем, как я одеваюсь, а потом, когда он нагнулся, заглянул под кровать и сказал, чтобы я ничего не оставлял, я вдруг сообразил, что в эту камеру уже не вернусь. Наручников Эверс не захватил, да и пока мы шли по коридорам, не особенно следил, иду я за ним или впереди. Открыв дверь в офис шерифа, он пропустил меня вперед. В приемной никого не было, и Эверс кивнул в направлении кабинета Хейта:

— Проходите.

Хейт сидел за столом, погруженный в какие-то бумаги. Спиной к нему стоял замечательный адвокат Лютер Доусон, больше похожий на работягу-фермера, и сосредоточенно изучал настенную карту Монтаны. Увидев меня, он развернулся и расплылся до ушей.

— О, привет, привет! — Его рукопожатие было крепким и уверенным. — Прибыл вот вытащить вас отсюда. Все уже согласовано и подписано.

— Прекрасно. В следующий раз я не соглашусь, чтобы меня арестовывали в субботу. Это, кажется, мое? — Я указал на кучу выложенных на стол предметов.

Я подошел к столу, чтобы забрать свои вещи. Эверс встал рядом со мной. Все было на ме-

сте, включая содержимое визитницы, которая должна лежать в моем нагрудном кармане, и не подлежащие передаче предметы, хранимые в бумажнике, который помещается в кармане брюк. Когда я взял последний предмет, ключ зажигания от универсала, Эверс протянул мне листок бумаги и ручку:

— Подпишите здесь.

— Позвольте мне взглянуть, — вмешался Доусон, протягивая руку к бумаге.

— Не стоит, — сказал я. — Чтобы в ней ни говорилось, я ничего подписывать не стану.

— А расписку вам давали? — спросил Доусон. — За изъятые у вас вещи?

— Нет, но это не имеет значения. Все равно я не буду ничего подписывать.

С этими словами я двинулся к выходу, не удостоив Хейта взглядом, но краешком глаза следил за ним. Он так и не оторвал головы от бумаг. Видно, воображал себя Уайаттом Эрпом. В вестибюле здания суда меня нагнал Доусон.

— Мисс Роуэн ждет вас в машине на улице, — предупредил он. — И я хочу вам сказать еще кое-что, Гудвин.

Я остановился и повернулся к нему:

— Только не мне. Десять дней назад, в пятницу,

второго августа, я сказал вам, что Сэм Пикок, возможно, что-то знает, но от меня скрывает, тогда как знаменитый адвокат сумел бы его расколоть. Вы заявили, что слишком заняты важными делами. И теперь никто…

— Я этого не говорил. Я сказал только…

— Знаю. И теперь никто уже не сможет расколоть Сэма Пикока. И уж его-то убил точно не Харви Греве. Кстати, вы говорили с Ниро Вулфом?

— Нет. Он отказался от встречи со мной. Я хочу…

— Мне плевать на то, что вы хотите, но если мое имя есть в вашей записной книжке, вычеркните его. Я поздоровался с вами за руку только потому, что там были люди.

И я зашагал прочь. Мне показалось, что я достаточно твердо объяснил, что желаю, чтобы меня оставили в покое. И в самом деле, шагов за своей спиной я не слышал. В вестибюле толклись какие-то люди. Кто-то даже воскликнул: «Да ведь это же Арчи Гудвин!», но я не останавливаясь прошел на улицу. Мне пришлось дважды осмотреться, прежде чем я заметил Лили. Машина, темно-синий «додж-коронет», стояла почти в конце квартала. Лили глядела в другую сторону,

поэтому заметила меня не сразу.

Я открыл дверцу и сказал:

— Ты даже на день не постарела, не говоря уже о двух.

— А вот о тебе этого не скажешь. — Она окинула меня придирчивым взглядом.

— Я постарел на два года. Поручения есть?

— Нет. Залезай.

Лили сидела спереди, но не на водительском месте.

— Лучше бы тебе пересесть назад, — посоветовал я. — И опусти стекла с обеих сторон. От меня несет, как из ночлежки. Ты не выдержишь.

— Я буду дышать через рот. Поехали.

Я обошел вокруг машины, сел на место водителя, завел машину и поехал на восток. По дороге поинтересовался, откуда появился «додж». Лили сказала, что взяла его напрокат, поскольку универсал остался у шерифа как вещественное доказательство. Да и потом, ей не хотелось разъезжать на машине, в которой убили человека.

— Я не спросил Доусона, сколько за меня выложили, поскольку решил поставить его на место. Сколько?

— Тебе это так важно?

— Да. Для отчетности. Самая низкая сумма, за

которую меня выкупали, была пятьсот долларов, а самая высокая — тридцать тысяч. А сколько я стою для населения штата Монтана?

— Десять тысяч. Доусон предложил пять, а Джессап — пятнадцать. Судья взял середину. Меня никто не спрашивал.

— А что бы предложила ты?

— Пятьдесят миллионов.

— Умница.

Я восхищенно потрепал ее по коленке. Мы выехали за пределы города. Примерно милю я то нажимал на педаль газа, то отпускал ее, пробуя двигатель. Он был в порядке. Наконец Лили спросила:

— Ты не собираешься задавать мне никаких вопросов?

— Еще как собираюсь, но не среди этих колдобин. Скоро будет удобное местечко.

Прямо за оврагом слева, там, где дорога уходила на север от шоссе, раскинулся небольшой лесок, куда я и съехал. Остановившись в теньке, я заглушил мотор и повернулся к Лили:

— Два дня и одну ночь я мучился оттого, что не могу задать никому определенные вопросы. Теперь ты в моих руках, так что отвечай. Когда в субботу вечером я вышел из танцевального зала

четверть двенадцатого, вскоре после прихода Сэма Пикока, ты танцевала с Вуди, Фарнем — с миссис Эймори, Дюбуа — с женщиной в черном, а Уэйд — с девушкой, которую я прежде видел, но имени не помню. А ты сама-то видела Пикока?

— Пару раз, но издали, — ответила Лили. — Потом он куда-то пропал, да и тебя нигде не было. Я подумала, что ты повел его к Ниро Вулфу.

— Увы. Там торчали Хейт с Уэлчем, так что мы решили отложить свидание. Теперь слушай внимательно. После того как ты закончила танцевать с Вуди, видела ли ты, чтобы Пикок с кем-нибудь разговаривал?

— Нет. — Лили нахмурилась. — Я была довольно далеко и… Пожалуй, нет.

— А кто-нибудь из тех, кого ты знаешь, выходил из танцевального зала?

— Если да, то я не обратила внимания. Нет.

— Жаль. Это чертовски важно! Сама знаешь, бывает, что люди что-то видят, но не придают этому значения и отбрасывают как несущественное. Может быть, если ты закроешь глаза, или присядешь, или даже полежишь и сосредоточишься на всем, что видела, то тогда что-нибудь и вспомнишь? Попытайся.

— Вряд ли… Но я постараюсь.

— Ладно. Теперь о том, что тебе хорошо известно. Мой желудок почувствовал признательность. Ты не любишь благодарить или получать благодарность за вещи, которые следует принимать как должное. Я тоже. Но есть все-таки предел. Шесть бананов. Целый пирог. Лучшая икра и лучший паштет. И скромно окрестить это закуской. Правда, ты спасла мне жизнь.

— Иди к черту, Эскамильо! — отмахнулась Лили. — Я же тебя втянула в эту передрягу.

— Ничего подобного. Втянул меня Икс, и он горько раскается в содеянном. Где мистер Вулф?

— Должно быть, у Вуди. Мы туда заедем. Вчера и сегодня Вулф провел больше времени у Вуди и на ранчо, чем в коттедже.

— А почему на ранчо?

— Потому что там эта девица. Пегги Труэтт. Она живет в Тимбербурге. Кэрол привезла ее сюда вчера вечером. Джессап приехал и два часа допрашивал ее в твоей комнате. Около одиннадцати он позвонил Кэрол из гостиной, что выезжает к ней вместе с Пегги. Они поехали на его машине, а уже за полночь Джессап вернулся сюда с Вулфом. Они мне ровным счетом ничего не сказали, а сегодня спозаранку я выехала в Хелену. Вот на этом «додже». Домой я не возвращалась, но пару

часов назад позвонила Кэрол и сказала, что Вулф провел у нее почти весь день, разговаривая с Пегги Труэтт, и что он еще там, но спросил, может ли она часов в пять отвезти его к Вуди. Поэтому сейчас он, скорее всего, у Вуди. Либо на ранчо. Ты его знаешь лучше, чем я. Может, Пегги Труэтт — его идеал женщины?

— У него нет идеалов. Это обычное процеживание.

— В каком смысле?

— Тот же процесс, что при процеживании кофе, но наоборот. Когда фильтруешь кофе, то выпиваешь то, что проходит сквозь ситечко. Здесь же наоборот — используешь то, что остается после того, как задашь уйму вопросов. Значит, ты не знаешь, встречался ли он с Хейтом?

— Нет. А это важно?

— Может быть, и не очень. Просто мне хотелось бы поприсутствовать при их беседе. Я наверняка получил бы удовольствие. Что там еще? Ах да, Джессап сообщил, что ты ездила к Фарнему фотографировать его постояльцев и что никто, кроме самого Фарнема, не возражал. А как вели себя остальные?

— Джессап сказал, что это официальная просьба, но подчеркнул, что это только просьба,

поэтому любой вправе отказаться, не называя причин. По-моему, очень хитроумно. Вы с нашим гением еще сделаете из него человека. Кстати, теперь, когда мы сидим, я ощутила… аромат. Довольно экзотический. Это пройдет?

— Нет, сохранится навечно, — ответил я. — Отныне будем встречаться только на улице при сильном ветре. Ты отправила фотографии Солу?

— Еще бы! В шесть утра я была уже на ногах и отвезла их к десятичасовому самолету. Сейчас снимки уже у Сола. Ты тоже подозреваешь кого-то из наших?

— Не знаю. Я не имею права никого подозревать, пока хотя бы немного не поработаю. И не приму ванну, — добавил я, запуская мотор.

Мы выехали на шоссе. К Дому культуры мы подъехали без десяти семь. Я вылез из «доджа», открыл сетчатую дверь и вошел внутрь. В вестибюле никого не оказалось, и я направился в апартаменты Вуди. Сам Вуди сидел в кухне на табурете, помешивая что-то в кастрюле. Вулф стоял рядом и наблюдал. Из-за Вулфа кухня как-то съежилась и сразу стала очень маленькой.

— Похоже, я как раз вовремя, — сказал я.

Вулф взглянул на меня, шагнул навстречу, присмотрелся внимательнее и прорычал:

— Приемлемо.

Мои нервы были уже на пределе.

— Что для вас, черт побери, приемлемо?! — запальчиво спросил я.

— Ты здесь, целый и невредимый, и язык еще не отсох. Вовремя, говоришь? Да, ты и впрямь вовремя. Мистер Степанян как раз заканчивает готовить свое любимое блюдо, хюнкав беянди. Рецепт придумали в Армении, но турки уверяют, что знают его со времени Магомета. Это кебаб с фаршированными баклажанами, который турки называют «имам баялды» — «имам в обмороке». Лук, обжаренный в масле, помидоры, чеснок, соль и перец… В тюрьме было грязно?

— Да.

— Ты голоден?

Я понял, что при Вуди он ничего рассказывать не собирается. По меньшей мере пока не попробует хюнкав беянди.

— Конечно голоден. Но сперва мне нужно смыть грязь. Мисс Роуэн позвонила Мими и попросила приготовить филе-миньон. На тот случай, если вы тоже проголодались.

— Прошу прощения, — перебил Вуди. — Можете воспользоваться моей ванной и душем с горячей водой. Сочту за честь. Арчи, вы же знаете,

как я рад вас видеть.

— И я рад вас видеть, Вуди, — улыбнулся я, потом снова повернулся к Вулфу. — Хорошо, я вернусь позже. Часов в девять?

Вулф кинул взгляд на настенные часы. Как у себя дома.

— Я жду звонков. И сам должен позвонить. В девять-десять, как тебе удобно. Или мистер Степанян отвезет меня. Он сам любезно предложил это. А ты прими ванну, поешь и ложись спать.

— Гениальная мысль, — сказал я. — Мне бы это в голову не пришло. Ладно, до завтра. Спокойной ночи, Вуди.

— А Вулф с нами не едет? — поинтересовалась Лили, когда я открыл дверцу «доджа».

Ответил я только после того, как отъехал:

— В один прекрасный день я изжарю его в масле с чесноком. Он, видите ли, ждет звонков. Предложил мне принять ванну, поесть и отправляться спать. Одно из двух: либо он затеял что-то такое, что рассчитывает провернуть без моей помощи, либо это его выкрутасы. Послушай. Ты видишь, в каком я состоянии. Отмокая в горячей ванне, я даже не стану строить планы на завтра, а буду ломать голову над тем, что происходит с Вулфом. Пожалуйста, не обращай на меня внимания. Будь

у нас в коттедже собака, которая с радостным лаем выскочила бы мне навстречу, я бы пнул ее ногой.

Добрую милю Лили молчала, потом сказала:

— Схожу к Биллу Фарнему и одолжу у него собаку.

— Прекрасно. Валяй!

В следующий раз она раскрыла рот, когда мы уже подъезжали:

— Но от еды ты, надеюсь, не откажешься?

— Нет, конечно. Я умираю от голода.

У нас было заведено, что по вечерам тот, кто пользовался машиной последним, берет ключ от замка зажигания с собой и кладет его на условное место в гостиной, тогда как днем ключ просто оставляют в замке. Так вот, я забрал ключ с собой, чтобы показать Лили, что на сегодня я завязал. Если Вуди передумает отвозить Вулфа, пусть топает пешком.

Я поел. Чистый, как форель, гладко выбритый, вымытый, с вычищенными зубами, в красивом сером шелковом халате с черными точками поверх белой без точек пижамы, я сидел на кухне с Лили. Нам подали черепаховый суп, филе-миньон, картофельное пюре, хлеб, масло, молоко, шпинат с грибами и мадерой, белую мускатную

дыню и кофе. Дважды заходила Диана и интересовалась, не нужно ли нам чего. Мы, поблагодарив, отказывались. Когда Мими наливала нам кофе, Диана зашла в третий раз и спросила, нельзя ли присоединиться к нам. Мы разрешили. Не успев присесть, Диана выпалила, что ей не терпится послушать о моих приключениях в тюрьме и что Уэйду это тоже очень интересно. Она тут же позвала его, и он пришел.

Тюрьму я расписал в самых мрачных тонах, присовокупив насекомых, которых явно привлекло дезинфицирующее средство, и даже пару ящериц. Потом последовали вопросы о том, как мы обнаружили тело Сэма Пикока, а за этим — главный вопрос: кто убил его и за что? В ответ я сказал, что могу только предполагать, что им это куда проще, чем мне, поскольку я сидел в тюрьме. В заключение я предложил им сыграть в пинокль. Дружеская партия в пинокль, сказал я, поможет мне отвлечься от тягостных мыслей. Я не добавил, что вынашиваю план мести: если Вулф вернется и застанет меня с самым беспечным видом в гостиной за игрой, словно и не было никакого убийства, это будет для меня вполне приемлемо. Лили явно прочитала мои мысли. Уголок ее губ изогнулся в понимающей улыбке:

как ни крутись, голубчик, но я тебя знаю как облупленного.

Но торжествовать мне не пришлось. В начале двенадцатого мы услышали, как подъехала машина, хлопнула дверца и потом машина отъехала. Тут же в коридоре раздался его топот. Однако шаги, не останавливаясь у двери в гостиной, прогромыхали дальше — Вулф прошествовал в свою комнату. И это несмотря на то, что он, безусловно, видел нас через освещенное окно.

— Великий Ниро! — усмехнулся Уэйд. — Не обижайтесь, Арчи, я не сомневаюсь в его гениальности, но вот воспитания ему немного недостает. Никто не заставляет его рассказывать нам о своих подвигах, но уж можно было заглянуть сюда и пожелать хозяйке спокойной ночи. И вам. Он хоть знает, что вас выпустили?

— Знает, — кивнул я. — Мы с Лили заезжали к Вуди, а он был там. Следил, как Вуди стряпает какое-то блюдо, рецепт которого турки похитили у армян. Вам сдавать, Диана.

Мое решение пойти и пожелать Вулфу спокойной ночи вовсе не означало, что я поджал хвост. Как я сказал Лили, когда Диана и Уэйд разошлись по своим комнатам, вполне возможно, что у него была причина разыграть там спектакль с Вуди, и

такой широко мыслящий человек, как я, должен дать ему шанс сказать об этом. Поэтому я тихонько прошел по длинному коридору в мягких туфлях из оленьей кожи, постучал в его дверь и, едва расслышав «Заходите!», вошел. Вулф в желтой пижаме сидел в кресле у закрытого окна, поджав босые ноги.

— Спокойной ночи, — произнес я. — Возможно, я просплю до полудня.

— Пф! Сядь.

— Мне нужен отдых после столь…

— Сядь же, черт побери! — (Я подошел к креслу и сел.) — Полагаю, — начал Вулф, — мисс Роуэн сказала тебе, что миссис Греве привозила сюда эту девушку?

— Да. И еще она отослала Солу, который в Сент-Луисе, фотографии, а вы с Джессапом безостановочно допрашиваете Пегги Труэтт. Жаль, что без меня.

— Мне тоже. Нужно раз и навсегда установить, что всех особ женского пола интервьюируешь только ты. Значит, тебе известно, что она здесь, на ранчо. Мистер Джессап вчера вечером поместил ее под домашний арест. Для ее собственной безопасности. Миссис и мисс Греве охраняют ее от назойливых домогательств шерифа Хейта.

Мисс Труэтт была и остается важным звеном в расследовании. Даже необходимым. Должен сказать, что, будучи в заключении, ты сумел назвать одно имя, благодаря которому мне удалось решить эту загадку…

— Я?

— Да.

— Так вам уже известно, кто убийца?

— Да. Последний звонок от Сола час назад помог расставить все точки над «и». Я уже порадовал мистера Джессапа. Больше, к сожалению, ничего сейчас сказать не могу.

Мой рот открылся и тут же захлопнулся. Я окинул Вулфа взглядом от высокого широкого лба до босых пяток, потом уставился ему в глаза:

— Если вы опять приготовили одну из ваших излюбленных эффектных развязок, но она не сработает, то вы просто лишитесь клиента или гонорара. Вы потеряете меня, значит все тяготы и лишения последних пяти дней вы вынесли напрасно.

— Да, ты прав. — Вулф потряс головой. — Но дело не в этом. Тебе придется немного запастись терпением. Сейчас же я хочу с тобой посоветоваться. Я заметил, что ключ от машины мисс Роуэн, поворотом которого заводится машина,

вечером кладут на полку в гостиной. У новой машины, на которой сейчас ездит мисс Роуэн, тоже есть такой ключ?

Я, естественно, заподозрил, что он нарочно изменил тему, чтобы запудрить мне мозги, но ответил просто:

— Да.

— И без этого ключа машина не поедет?

— Может поехать, но для этого нужны специальные инструменты и навыки, которыми вы не владеете. Я смог бы запустить машину и без ключа. Вы не сможете.

— Я не смог бы даже с ключом, да и не собираюсь. А ключ от новой машины мисс Роуэн сейчас тоже лежит на полке?

— Да. Я сам положил его туда.

— Возьми его утром перед завтраком и положи в карман. Я бы сделал это сам, но может получиться неловко, если мисс Роуэн вдруг захочет воспользоваться машиной. Об этом я и хотел посоветоваться. Уже поздно. Спокойной ночи.

Я понял, что препираться с ним смысла нет, к тому же я здорово устал. Поэтому я встал, пожелал ему доброй ночи и вышел. Дойдя до своей комнаты, я решил, что убийца либо Диана Кейдани, либо Уэйд Уорти. Однако, бухнувшись в

постель, я окончательно остановил свой выбор на Уорти, поскольку никак не мог представить, чтобы Диана могла проломить Сэму Пикоку голову камнем.

Глава 13

На следующее утро в пять минут десятого я твердо решил, что Диана и Уэйд невиновны. Рассуждал я вполне логично и трезво. Насколько вы знаете, сама мысль о том, что он может сидеть за одним столом с убийцей, была для Вулфа невыносима. Следовательно, если бы убийцей оказался кто-нибудь из обитателей коттеджа, Вулф ни за какие коврижки не согласился бы выйти к завтраку, даже если бы это означало, что он вообще останется голодным. Когда же я, взяв ключ от «доджа», вошел на кухню, Вулф как ни в чем не бывало сидел за столом напротив Уэйда, потягивая апельсиновый сок и ведя непринужденную беседу. Мими жарила французские тосты, Лили раскладывала по тарелкам ветчину, а Диана разливала кофе. Я поздоровался и сел за стол в самом мрачном расположении духа. Приятно было узнать, что нам не придется сидеть за одним столом с убийцей, но зачем мне тогда в кармане ключ от машины?

Ответ я получил вместе со второй порцией тостов. Разговор шел в основном о тюрьмах, к

которым Диана питала, по-видимому, особое расположение. Вулф рассказывал про одну австрийскую тюрьму, из которой ему когда-то удалось совершить побег, потом он вдруг повернулся к Лили и произнес:

— Кстати, о побегах, мисс Роуэн. Не сочтите мой отъезд отсюда за бегство, но я приехал не для того, чтобы развлекаться, и не стану кривить душой, говоря, что хочу побыстрее вернуться в привычную среду обитания. Скоро, вероятнее всего завтра утром, мы с мистером Гудвином уедем. Благодарю за ваше гостеприимство и долготерпение, которые так скрасили мою жизнь здесь.

Лили крайне редко удается застать врасплох, но она так и вытаращилась на него. Посмотрела на меня, увидела, что помочь я ничем не могу, и снова перевела взгляд на Вулфа.

— Вы сказали… — Она опять повернулась ко мне. — Ты тоже едешь, Арчи?

Не знаю, что бы я ответил в присутствии Дианы и Уэйда, но Вулф помог:

— Есть еще крохотная вероятность, что я мог ошибиться. Хотя вряд ли. Вчера я несколько раз разговаривал по телефону с Солом Пензером, которого отправил в Сент-Луис… У него сомнений нет. Я отослал мистеру Пензеру на опознание

фотографии нескольких людей, которые живут сейчас здесь, в Монтане, и одного из них удалось опознать. Шесть лет назад, летом шестьдесят второго года, одна молодая женщина умерла насильственной смертью. Ее задушили мужским брючным ремнем. Все улики свидетельствовали о том, что убийство совершил некий Карл Йегер, но перед судом он не предстал, поскольку найти его не смогли. Он исчез. И вот сейчас мистер Пензер опознал его на одной из фотографий. Полицейский из Сент-Луиса уже выехал сюда. Кстати, который час, Арчи?

— Девять тридцать семь.

— Значит, полчаса назад он прилетел в Хелену и, должно быть, уже находится на пути в Тимбербург. — Вулф посмотрел на Лили. — Вот почему я вправе предположить, что не ошибся. Имя, под которым сейчас скрывается этот человек, я назвать вам не могу — официального статуса у меня нет. К тому же я связан обязательствами перед мистером Джессапом. Но могу сказать, что Карл Йегер поразительно неразборчив в способах убийства. Женщину он задушил, одного мужчину застрелил, а другому проломил голову камнем. Не многие убийцы так умело используют все, что подвернется под руку. Так что мистера Греве

скоро выпустят. Надеюсь, что успею поздравить его до своего отъезда.

Лили прищурилась:

— Так вы… Вы и в самом деле…

— Да, мы знаем, кто убийца. А рассказал я вам все это еще и потому, что надеюсь на одолжение с вашей стороны — в обмен на любезность со своей. Мне нужна форель. Если вы с мисс Кейдани и Мими пойдете сейчас на речку, то к пяти часам успеете вернуться. Вы можете это сделать?

— Это зависит от того, что вы задумали, — сказала Лили, не сводя с него по-прежнему прищуренных глаз.

— Я задумал ответную любезность, — пояснил Вулф. — Вы сделаете мне одолжение, наловив побольше форели. А я приготовлю для вас настоящую форель по-вулфовски. Кое-какие ингредиенты у вас, правда, отсутствуют, но я справлюсь. Идет?

Лили метнула на меня взгляд, который означал: «Это тоже его выкрутасы?»

Я ответил, повысив голос:

— Конечно, если я пойду с вами, мы наловим в несколько раз больше, но, скорее всего, мне придется заняться другим делом. Впрочем, на троих вам достаточно изловить пару дюжин форелей.

Мне снова, уже во второй раз за какой-то час, пришлось изменить свое умозаключение, поскольку теперь стало очевидным: ключ покоился у меня в кармане только по той причине, что убийцей все-таки оказался Уэйд Уорти и Вулф только что недвусмысленно дал это понять. Но что дальше? Зачем Вулф отсылает прочь женщин? Чтобы они не видели, как один из гостей применяет силу по отношению к другому? Если так, то почему Вулф не подождал с разоблачением до их ухода? Мысли роились в моей голове, а Вулф преспокойно приканчивал пятый или шестой французский тост. Уэйд заявил, что наелся, но рука, которой он держал кофейную чашку, не дрожала. Лили, Диана и Мими договорились, что выйдут в десять часов. Я сказал, что мы с Уэйдом уберем со стола, но женщины не согласились и начали убирать сами. А мы тем временем разошлись. Уэйд отправился к себе, а Вулф вышел на террасу. Я последовал за ним. Он протопал по террасе и, не останавливаясь, спустился по ступенькам, миновал парковку, вышел к началу подъездной аллеи и лишь тогда заговорил:

— Здесь нас никто не услышит.

— Да, — согласился я. — Я дождусь, пока мисс Роуэн и компания отойдут подальше, а потом под-

караулю Уэйда и скажу, что он арестован. Так?

— Нет. Будь так, я бы давно уже тебя предупредил. Ни тебе, ни мне не надо предпринимать ровным счетом ничего, пока не прибудет мистер Хейт с полицейским из Сент-Луиса. Думаю, что они приедут в час. В Тимбербурге полицейский будет около полудня. Если верить мистеру Джессапу, то он сперва должен пойти к шерифу, а уж тот привезет его сюда.

Я непонимающе уставился на Вулфа:

— А тем временем я не должен арестовывать Карла Йегера, или Уэйда Уорти?

— Совершенно верно. Думаю, когда они здесь появятся, его уже и след простынет. Увидев, что ключа от машины на месте нет, он, должно быть, переберется через речку и попытается угнать одну из машин с ранчо, но миссис Греве и мистер Фокс должны позаботиться о том, чтобы этого не случилось. Следовательно, ему придется рассчитывать только на собственные ноги. Скорее всего, он направится в Лейм-Хорс. Перестань на меня глазеть. Если я не поделюсь с тобой своим планом, ты наверняка бросишься в погоню и все испортишь. Так что лучше я тебе все расскажу.

И он рассказал.

Глава 14

Они приехали десять минут второго. Мы с Вулфом сидели на террасе и обсуждали деловые и личные качества Вудро Степаняна. В отсутствие женщин и Уэйда мы чувствовали себя вольготно, как у себя дома в старом особняке из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице. Мы не видели, как уходил Уэйд, так что он, по-видимому, и впрямь перебрался через речку и двинулся на ранчо, как и предположил Вулф. Мы были очень заняты. Я вынес свою тюремную одежду на воздух и развесил на кустах, поскольку времени на стирку или чистку не оставалось. Потом я навел порядок в комнате Уэйда, не для того, чтобы собрать какие-то улики, но для того, чтобы не оставить ничего, связанного с книгой, которую он уже не напишет. Все материалы я упаковал в две коробки, которые отнес в комнату Лили. Я оглядел ее комнату, свою и гостиную, чтобы посмотреть, не пропало ли чего-нибудь, но это был всего лишь профессиональный жест, поскольку Уэйд ушел пешком в спешке и должен был путешествовать налегке. Потом я позвонил

в Хелену и заказал два билета на утренний рейс до Денвера, а оттуда до Нью-Йорка. Тем временем Вулф собрал свои вещи, обследовал каждую полку в кладовой и буфет в поисках недостающих ингредиентов для приготовления настоящей форели по-вулфовски, прочитал главу книги об индейцах и приготовил нам запеканку с яйцами «буланжер». Прежде чем присоединиться к Вулфу на террасе, я запер наружные двери коттеджа и закрыл все окна.

А десять минут второго к дому подъехал черный «олдсмобиль» Хейта. Вслед за Хейтом и Эдом Уэлчем из машины выбрался высокий детина с квадратным подбородком, облаченный в довольно помятый синий костюм, что, впрочем, было вполне естественно, если он только что прилетел из Сент-Луиса. Нас с Вулфом удостоили лишь парой косых взглядов. Детина остановился у края террасы, а Хейт и Уэлч подошли к парадной двери и позвонили. Не дождавшись ответа, они постучали — сперва вежливо, потом уже настойчиво. Хейт подергал ручку двери, но та не поддалась. Хейт повернулся к Уэлчу, что-то сказал ему, и они двинулись вдоль дома и скрылись за углом. Незнакомец в синем костюме подошел к нам поближе и представился:

— Я сержант Шварц из полиции Сент-Луиса. А вы, я полагаю, Ниро Вулф?

— Да, — кивнул Вулф. — А это мистер Арчи Гудвин. Присаживайтесь.

— Спасибо. Рад вас видеть, мистер Гудвин.

Тем не менее он не стал садиться, а стоял с выжидающим видом. Пару минут спустя Хейт с Уэлчем, обогнув дом, вышли с другой стороны. Вид у них был озадаченный. Хейт подошел ко мне и требовательно спросил:

— Где мисс Роуэн?

Я помотал головой:

— Меня выпустили под залог. Я нем как рыба.

— Ах ты, чертов мерзавец! А где Уэйд Уорти?

Я прижал палец к губам.

— Я могу за него ответить, мистер Хейт, — вмешался Вулф. — Но я люблю, когда глаза находятся на одном уровне, так что вам придется сесть.

— Где Уэйд Уорти?

— Сядьте или уходите. Все. Это займет некоторое время. Карл Йегер, он же Уэйд Уорти, в данную минуту отсутствует.

— Где он?

— Сядьте или уходите.

Сержант Шварц первым шагнул вперед, сел на стул лицом к Вулфу и вежливо спросил:

— Где находится Карл Йегер, мистер Вулф?

— Не знаю. Мы ждали вас, мистер Шварц. Полагаю, вы встречались с мистером Солом Пензером, которого я послал в Сент-Луис. Он сказал мне по телефону, что вы должны прилететь.

— Я это знаю, — кивнул Шварц. — Так вам и правда неизвестно, где сейчас находится Карл Йегер?

— Нет.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Примерно четыре… — Вулф замолчал, дожидаясь, пока рассядутся Хейт с Уэлчем, потом вновь заговорил: — Примерно четыре часа назад. Но…

— Он в коттедже? — резко спросил Хейт.

— Нет, я сказал…

— А почему тогда двери заперты?

— Чтобы вы не смогли войти. В доме никого нет. Ключи находятся в кармане у мистера Гудвина. Мы не хотели впускать вас в дом мисс Роуэн в ее отсутствие. Я располагаю важными для вас сведениями об Уэйде Уорти, мистер Хейт, но изложу их только в должной последовательности и при условии, что меня не будут перебивать. Если это вас не устраивает, можете уйти.

— Я хочу знать только одно: где он?

— К этому я перейду. Но начну с самого начала.

Девятнадцать дней назад, в четверг утром, двадцать пятого июля, Филип Броделл отправился…

— К черту Филипа Броделла! — рявкнул Хейт. — Мне нужно только…

— Замолчите!

Жаль, что вы не слышали, каким тоном Ниро Вулф произнес это слово. Оно прозвучало и вполовину не так громко, как лай Хейта, но тем не менее заставило того прикусить язык.

— Я изложу все так, как считаю нужным, — жестко сказал Вулф. — Так вот, в четверг утром Филип Броделл отправился на прогулку в одиночку. «Полюбоваться на Берри-Крик», — сказал он Сэму Пикоку. Дойдя до речки, он пошел вниз по течению, или, наоборот, Уэйд Уорти пошел отсюда вверх по течению. Впрочем, это не важно. Важно то, что Броделл увидел Уорти и опознал в нем Карла Йегера. Причем Уорти это понял. Возможно, они о чем-то поговорили, но это тоже не важно. Вернувшись с прогулки, Броделл поел, а потом прилег поспать. На вопрос, почему он сразу не позвонил в Сент-Луис и не сообщил, что встретил Карла Йегера, ответа мы не получим, поскольку и Броделла, и Пикока уже нет в живых. Встретив в три часа Сэма Пикока, Броделл сказал, что идет за черникой на Тетеревиную

гряду, и рассказал о том, что утром видел убийцу. В точности…

— Доказать это вы не можете, — прервал Хейт. — Пикок мертв. Я не верю ни единому вашему слову, да и никто не поверит.

Вулф наклонил голову:

— Мистер Хейт, вы производите впечатление разумного человека только до тех пор, пока не раскрываете рот. Будь у вас хотя бы немножко мозгов, вы бы поняли, что я собираюсь выложить на стол все карты, так что попридержите язык, пока не увидите их. Так вот, какими словами обменялись в тот день Уорти с Броделлом, и впрямь никто не узнает. Установить это невозможно. Но есть много уже доказанных фактов. Доказано, например, что Сэм Пикок, узнав о смерти Броделла, сразу заподозрил, что убийство совершил Уэйд Уорти. Мои слова может подтвердить мистер Джессап, окружной прокурор. Он получил эти сведения от молодой женщины, которая содержится в данное время под домашним арестом. Я…

— Где она? Как ее зовут?

— Спросите мистера Джессапа. Я вам ничего про нее не скажу. Узнайте у него. Недоказанным остается одно: какую выгоду пытался извлечь Сэм Пикок из сведений или подозрений, которыми

располагал. Напрашивается, конечно, что он хотел шантажировать Уорти — Йегера, но молодая женщина отрицает это. Есть и другие предположения. Возможно, Сэм Пикок затеял опасную игру, надеясь самостоятельно разоблачить убийцу. Или же настолько ненавидел мистера Греве, что хотел утаить эти сведения от правосудия. Кстати, говоря о правосудии: если бы вы, мистер Хейт, хоть раз по-настоящему допросили Сэма Пикока, что вы были обязаны сделать как представитель закона, мистер Гудвин уже давно вернулся бы в Нью-Йорк, а мне не пришлось бы лететь сюда. — Он повернул руку ладонью кверху. — Но увы! Какую бы игру ни затеял Пикок, своей цели он не добился. В субботу вечером он встретился с Уорти — и погиб. Думаю, Уорти сам назначил встречу в машине. Он в ней приехал и знал, что она стоит в темном и безлюдном месте.

— Значит, он убил двоих? — вмешался Шварц.

— Да, — кивнул Вулф, — вам не повезло. Теперь власти Монтаны не отдадут его штату Миссури.

— Если власти Монтаны сумеют его задержать. Вы его видели четыре часа назад?

— Да. Мы вместе завтракали. Я был в затруднении. Я знал о вашем приезде и о том, что сюда вас доставит шериф. В течение шести дней я поль-

зовался гостеприимством мисс Роуэн. Мистер Гудвин жил под одной крышей с убийцей еще дольше. Даже представить, что одного из гостей мисс Роуэн арестуют на ее глазах и наденут на него наручники, было для меня немыслимо. Тем более что ответственность за это несем мы, ведь именно мы с мистером Гудвином вывели убийцу на чистую воду. Пришлось прибегнуть к уловке. За завтраком я рассказал, что в фотографии одного из гостей штата Монтаны опознали убийцу Карла Йегера и что сюда вылетает полицейский из Сент-Луиса. Затем я предложил, чтобы мисс Роуэн и другие женщины сходили на рыбалку, что они и сделали. Я хотел, чтобы к вашему приезду их здесь не было.

Вся троица так и пожирала Вулфа глазами. Первым не выдержал Хейт.

— Так где же Уорти? — выпалил он.

— Не знаю. Мы с мистером Гудвином вышли на свежий воздух, чтобы обсудить положение, а когда вернулись, Уорти уже и след простыл. Должно быть, он выбрался с черного хода, преодолел вброд…

— Ах вы, жирный негодяй! Это вы выйдете отсюда в наручниках! Вместе с вашим Гудвином!

— Нет, мистер Хейт. У меня есть предложение.

Мистер Гудвин откроет дверь, вы войдете в дом и позвоните мистеру Джессапу. Он позволил нам поступить именно так в знак признательности за услугу, оказанную штату Монтана мной и мистером Гудвином. Он распорядился, чтобы с девяти утра в определенных местах были выставлены полицейские посты. Не знаю, сколько их, но, должно быть, достаточно, чтобы Уэйд Уорти, он же Карл Йегер, не ушел далеко. Убежден, что в настоящее время он уже задержан. Так что позвоните мистеру Джессапу.

Глава 15

Так уж заведено, что книга должна закончиться эффектно. На сей раз так не получится. Но вовсе не из-за убийства и не из-за рыбы. Йегера — Уорти полицейские доставили в офис Джессапа живым и невредимым, а наши милые дамочки наловили столько форели, что, даже учитывая аппетит Вулфа, ее должно было хватить с лихвой.

Увы, я не мог разделить всеобщую радость. Мне предстояло сказать Лили, что всю затею с книгой ей придется начать с самого начала. Найти другого автора и усадить его за работу. Ужас! Я решил отмучиться побыстрее и не стал откладывать неблагодарную миссию в долгий ящик. Дождавшись, когда Лили уединилась в своей комнате, я подошел к ее двери, постучал, вошел и сел на стул. Лили сидела у окна, расчесывая волосы.

— Есть новости, — сказал я. — Хорошие и плохие. К сожалению…

Впрочем, какого черта! Почему вы должны терпеть такое занудство? Вот вам счастливый конец: Харви Греве выпустили, и он успел попрощаться со мной и с Вулфом перед самым нашим отъездом

в Хелену на следующее утро.